

16+

• ИСТОРИЯ Византийских Императоров •

Алексей Величко

ВИЗАНТИЯ В ЭПОХУ ИКОНОБОРЧЕСТВА

История Византийской империи

Алексей Величко

Византия в эпоху иконоборчества

«Автор»

2021

Величко А. М.

Византия в эпоху иконоборчества / А. М. Величко — «Автор»,
2021 — (История Византийской империи)

Настоящая книга повествует об иконоборческом этапе в истории Византийской империи (VIII – IX века), характером не только церковными спорами по данному поводу, которые разрешил последний, VII Вселенский Собор, но и важнейшими внешнеполитическими событиями. В первую очередь к ним следует отнести образование новой Западной Римской империи во главе с Карлом Великим и его преемниками и так называемую «папскую революцию», ставшую предвестником грядущего раскола между Восточной и Римской церквами в 1054 г., - эти события изложены детально и обстоятельно.

© Величко А. М., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Исаврийская династия	5
I. Император Лев III Исавр (717—741)	5
Глава 1. Великий полководец. События в Италии	5
Глава 2. Мудрый законодатель	18
Глава 3. Иконоборчество. Папа против императора	21
II. Император Константин V (741—775)	33
Глава 1. Царь и узурпатор	33
Глава 2. Победоносный император. Войны с арабами и болгарами	37
Глава 3. Положение дел в Италии. «Папская революция»	45
Глава 4. Иконоборческий кризис. «Вселенский» Собор 754 года.	55
III. Император Лев IV Хазар (775—780)	64
Глава 1. Иконоборцы против почитателей икон	64
IV. Император Константин VI (780—797) и императрица святая Ирина (797—802)	70
Глава 1. Мать и сын. Борьба в государстве и Церкви	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Алексей Величко

Византия в эпоху иконоборчества

Исаврийская династия

I. Император Лев III Исавр (717—741)

Глава 1. Великий полководец. События в Италии

Император Лев III происходил из ничем не выделяющегося киликийского рода, проживавшего в Германикее, и являлся этническим исавром. Его семья была настолько бедной, что некоторые полагают даже, будто Лев в юности работал простым ремесленником¹. При рождении он был наречен Кононом, но затем, в силу невыясненных обстоятельств, принял имя Лев. Царь был высокого роста, красив собой, приходился своим детям и жене хорошим отцом и мужем². Во время правления императора Юстиниана II его родитель с семейством был переселен в город Месембрию, что во Фракии, где вместе со своим отрядом охранял границу от болгар. Естественно, Лев с раннего возраста приобщился к военному делу и вскоре стал опытным солдатом.

По вполне понятным причинам, которых мы коснемся ниже, некоторые летописцы (вернее сказать, те современники, чьи труды дошли до нашего времени) зачастую изображают его грубым, необразованным, невежественным и жестоким человеком³. И поскольку практически вся литература, вышедшая из-под пера иконоборцев, была уничтожена последующими поколениями почитателей икон, многие факты приходится реконструировать по отдельным деталям. Поэтому негативные оценки не могут быть приняты в полном объеме «на веру». Тем более что обстоятельства, при которых пришел к царской власти Лев Исавр, свидетельствуют как раз об обратном.

Мы видим человека глубоко порядочного, верного слову, благоразумного, не лишённого природной смекалки и воинской хитрости, решительного и бесстрашного. Достаточно напомнить, что, зная о намерении императора Юстиниана II Ринотмета погубить его по подозрениям и ложным обвинениям, он не предал своего господина и верно служил законному царю до самой того смерти. В отличие от некоторых других василевсов тех смутных лет, обогативших руки кровью своих предшественников, Лев Исавр сделал все, чтобы переход власти от императора Феодосия III к нему состоялся бескровно и без внутренних потрясений. Представим себе обстановку, в которой все это происходило, чтобы оценить благородство духа и благоразумие Льва. Даже летописец, не пылающий к нему любовью, не удержался и назвал Льва «благочестивым царем»⁴.

И другие обстоятельства жизни этого императора, возникшие еще до появления у Льва Исавра мыслей о царском титуле, позволяют подтвердить высокие оценки его личности. Когда в 705 г. Ринотмет вместе с болгарами направился в Константинополь, чтобы защитить свои права на царский трон, Лев поддержал Юстиниана II, явившись в лагерь экс-царя, и Ринотмет не забыл верного слугу. После нового воцарения государь включил Льва в состав царской свиты и даровал ему титул спафария. Он настолько полюбил его, что называл «сыном», и это, разумеется, вызвало острую зависть при дворе со стороны аристократов. Был сделан донос, который не подтвердился на следствии. Однако подозрительный Юстиниан II решил на всякий

случай избавиться от «сына» и поручил тому опасное задание в надежде, что Лев или сложит свою голову на поле брани, или оправдается делом.

Снабдив Исавра крупной суммой денег, царь отправил Льва в Аланию с целью подкупить местных вождей и направить аланов на абазгов, иверов и лазиков, не так давно отложившихся от Римской империи. Поручение было действительно очень трудным и опасным, поскольку аланы не признавали над собой ничьей власти, да и проход к ним был сопряжен с немалым риском. Со Львом находилось всего несколько человек свиты, и он благоразумно оставил выданные ему деньги в Фазиде – расположенном неподалеку торговом городе.

Пообещав аланам выплатить вознаграждение после победы, он сумел подтолкнуть их к военным действиям против абазгов, хотя между двумя народами ранее был заключен мирный договор. Аланы организовали успешный поход и после этого справедливо запросили плату за свою верность императору. Каково же было разочарование Льва, когда он узнал, что по приказу царя средства, хранившиеся в Фазиде, отозваны обратно в Константинополь! Видимо, тот разуверился в счастливом исходе данного мероприятия и по старой привычке рачительного хозяина вернул их в казну, дабы они случайно не пропали⁵.

Но об этом стало известно и абазгам, царь которых обратился к вождю аланов с просьбой выдать им Льва как виновника нарушения мирных отношений между двумя народами. Однако алан отказался, ссылаясь на то, что война была начата по просьбе императора, которого он очень уважает, а не из корысти. Тогда абазги удвоили сумму, обещанную Львом, и аланы внешне соблазнились столь заманчивым предложением.

На самом деле предавать Льва, к которому они уже тоже прониклись уважением, им не хотелось, и горцы пошли на хитрость, о чем заблаговременно предупредили римлянина. Они приняли вознаграждение за его голову от абазгов и выдали им Льва вместе с его офицерами, но, когда абазги вели пленников через горы, устроили засаду, перебили конвой и освободили своих друзей. Затем, переправив Льва в безопасное место, вместе с ним сформировали большое войско, которое в следующем году вновь напало на абазгов и победило их⁶.

Дальнейшая история напоминает приключенческий роман и свидетельствует о недюжинных способностях Льва как полководца и дипломата. Когда до Юстиниана II дошла весть, что Лев сумел победить абазгов даже без денег и войска, он направил послание, в котором обещал горцам прощение, если те доставят Льва к нему в столицу неприкосновенным. Абазги, презрев гордость, обратились с новым предложением к аварам, предлагая в качестве гарантий своих добрых намерений выдать заложников из числа детей собственной знати. Но Лев проявил разумную осторожность, отказавшись от столь заманчивого предложения.

Он еще долгое время оставался в гостях у аланов, высоко чтущих его, пока до него не дошла весть о том, что некий отряд из римлян и армян, осаждавший крепость Археополь, при приближении арабов в панике снял осаду и отошел к Фазиде. Одна из римских частей отстала по дороге и теперь жила грабежом в районе Апсилии. По совету аланов Лев решил пробиться к соотечественникам и взять управление частью в свои руки. Со свитой из 50 воинов-аланов он прошел по снегам через горные ущелья и вскоре действительно встретил искомый отряд, в котором насчитывалось 200 легионеров. С ними он решил пробиваться к морю⁷.

Путь к свободе им преграждала сильная горная крепость с характерным названием «Железная», начальником которой был некто Фарасманий, признавший над собой власть арабов, но состоявший при этом в дружеских отношениях и с аланами. На предложения Льва пропустить его к Трапезунду и признать власть Римского императора Фарасманий ответил отказом, и тогда Лев пошел на хитрость. Он устроил засаду неподалеку от крепости и, дождавшись, когда ее жители выйдут на полевые работы, приказал воинам начать атаку, надеясь ворваться в крепость. Но замысел не удался – Фарасманий успел закрыть ворота. Оставалось брать крепость штурмом – изначально убийственное предприятие.

Однако тут на помощь Льву пришел правитель апсиров Марин. Услышав, что царский спафарий осаждает крепость, варвар посчитал, будто скоро большое римское войско подойдет к тому на помощь. Поэтому, заранее демонстрируя лояльность византийцам, он явился ко Льву с отрядом из 300 воинов и предложил свои услуги. Об этом дали знать осажденным и, испугавшись штурма, Фарасманий тут же согласился признать себя подданным Византийской короны, но римский военачальник уже не доверял ему, опасаясь оставлять у себя в тылу столь сильную крепость. Он получил разрешение от Фарасмания войти в город, но отдал своим солдатам приказ разрушить крепостную стену до основания. Затем вместе с аланами и Марином Исавр дошел до Апсилии, где его встретили с большим почетом. После Лев переехал в Трапезунд и оттуда морем вернулся в столицу⁸.

Как уже говорилось в предыдущей главе, он не застал императора Юстиниана II в живых, но не признал прав Филиппика на престол. Последующие волнения близ царского трона привели к тому, что победитель арабов и глава фемы Анатолика стал первым претендентом на царский трон, а затем и императором.

17 марта 717 г. Лев Исавр торжественно въехал в Константинополь через Золотые ворота и был объявлен новым императором Византии. Но вскоре выяснилось, что судьба уготовила Льву испытания, преодолев которые он только и сможет подтвердить свое право управлять Римской империей. После последнего поражения ото Льва Исавра халиф Сулейман ибн Абдулмалик (715—718) решил сосредоточить все свои усилия на взятии Константинополя. Уступающий по дарованиям своему покойному брату, он явно превосходил того надменностью и честолюбием. А потому покорение Константинополя для Сулеймана стало делом и чести, и жизни⁹.

Чтобы понять ретивость арабов, нужно несколько слов сказать об их повелителе. Прирожденный патологический убийца, он был способен на самые неожиданные поступки, удивлявшие своей жестокостью даже современников того сурового века. Как рассказывают, во время хаджа 716 г. в Медине к нему, стоявшему в окружении группы придворных поэтов, подвели пленных византийских солдат в количестве 400 человек. Непонятно по какой причине халиф почему-то предложил стоявшему по соседству с ним внуку аль Хасана ибн Али Абдаллаху отрубить одному из них голову. Недолго думая, тот взял у охранника его плохонький меч и отрубил голову несчастному христианину, перерубив одновременно железный ошейник. Такой мощный удар изумил Сулеймана, и он предложил остальным присутствующим присоединиться к казни, в которой приняли участие и поэты. В итоге под руководством халифа убийство превратилось в своего рода спортивное состязание, потрясшее воображение стоявших неподалеку арабов.

В другой раз, уже в Иерусалиме, Сулейман приказал сжечь живьем прокаженных, поскольку те своими колокольчиками не давали ему уснуть после обеда. От его вспышек ярости страдали даже близкие люди: рассказывают, что после одной ссоры с халифом его родной брат Марван слег и умер. Так что полководцы арабов имели все основания стараться изо всех сил, лишь бы не навлечь на себя гнева повелителя правоверных¹⁰.

Халиф не ограничился сухопутной армией, но приготовил сильнейший флот, должный поддерживать ее с моря и блокирующий город во время осады. Его приготовления были грандиозны – достаточно сказать, что для строительства кораблей были вырублены практически все кедры Ливана. Наконец, завершив приготовления, Сулейман двинул 180-тысячную сухопутную армию воинов и флот в количестве 1800 судов под командованием полководца Масальмы по направлению к византийской столице. Справедливо говорят, что в августе 717 г. Византия оказалась в окружении самых могущественных и многочисленных врагов, которых ей довелось видеть в течение всей своей истории¹¹.

Опасность была велика, как никогда ранее, и, казалось, нет никакой возможности избавиться от нее. Но на этот раз арабам противостоял не мечтательный Филиппик и не дистанцировавшийся от государственных забот благочестивый Феодосий III, а гений военного искус-

ства и талантливый организатор. Хотя известий об этом нашествии в летописях сохранилось немного, но, исходя из событий предыдущих лет, можно без особого труда оценить масштаб воинского подвига нового императора.

Первоначальная ситуация не предвещала Льву III ничего хорошего: армия практически отсутствовала, и сформировать ее за такое короткое время едва ли было возможно – после стольких дворцовых переворотов и полной дезорганизации государственного управления казна оставалась пустой. Тем не менее, отдавая себе отчет, как христианин, что «победу на войне дает не многочисленность войсковых сил, а сила, исходящая от Бога»¹², император не забывал и о своих личных обязанностях, как царя, по защите государства. Прирожденный стратег, Лев в полном объеме использовал немногие возможности, которые ему отпустило время. Едва войдя в Константинополь, он уделил большое внимание укреплению города – благо, что император Анастасий II в свое время потрудился в этом отношении на славу; теперь его труд очень пригодился.

Затем Лев Исавр собрал весь римский флот, вооружив его «греческим огнем», и разработал план морской кампании. Кроме того, он велел изготовить огромную цепь, позволяющую перегородить вход в пролив, и тем самым не позволил сухопутной армии арабов высадиться непосредственно у крепостных стен Константинополя. Наконец, царь использовал союзнические отношения с болгарам и привлек варваров к войне с мусульманами. Небольшие по численности римские отряды, наверняка из вооруженных сил своей фемы, он также мобилизовал для защиты столицы. Казалось, что этого было очень мало, чтобы рассчитывать на успех, но в руках талантливого военачальника и этот минимум оказался достаточным для победы.

Мусульманский флот подплыл к городу, который в считанные месяцы был подготовлен энергией Льва Исавра к обороне. Завидев Константинополь, арабы стали на якоря, но через 2 дня подул попутный южный ветер, и враги обложили византийскую столицу. Однако в результате этого арабский флот оказался разделенным на две части, чем и воспользовались византийцы. Отставшие от быстроходных кораблей 20 тяжелых судов с арабскими воинами (по 100 человек на каждом) медленно продвигались по морю, когда Лев направил против них свои суда с «греческим огнем». Как и раньше, арабские корабли горели, как факелы, – никто не успел прийти к ним на помощь. В результате завязавшегося морского сражения враги понесли большие потери. В тот же вечер арабы попытались подойти к сухопутным укреплениям римлян, но, по несколько неопределенному выражению летописца, «намерение их рассеял Бог молитвами Святой Богородицы»¹³.

Арабам не оставалось ничего другого, как стать лагерем вдали от города и приступить к длительной осаде, которая уже тем была неэффективной, что не предполагала полной блокады Константинополя. Наверное, они надеялись, что время истощит силы осажденных, но император заранее озаботился снабжением гарнизона и горожан, и византийцы не ощущали недостатка в пище, в отличие от мусульман. Было сделано несколько штурмов, стоивших арабам невероятных усилий и страшных потерь – и все без результата. В отличие от сарацин потери византийцев были ничтожными: ведь их охраняли высокие и крепкие стены, преодолеть которые врагу было не под силу.

Месяц менял месяц, приближалась нелегкая фракийская зима, в этот год выдавшаяся особенно холодной и длинной. Проблема осложнялась еще и тем, что по своему обыкновению арабы направились в этот поход, не особенно задумываясь о тыловых коммуникациях. Привыкнув к тому, что сама война должна кормить их, арабы не запаслись продовольствием и теплой одеждой, не подготовили ни продовольственных обозов, ни фуража. Изначально, идя в поход, каждый воин взял с собой всего лишь 2 кг зерна на первое время, рассчитывая кормиться с захваченной территории. Увы, на этот раз старая испытанная стратегия дала сбой¹⁴.

Вскоре полководец Масальма со своей армией начал испытывать уже очень большие трудности, не надеясь найти против них хоть какой-то рецепт. В один момент времени, каза-

лось, забрезжила надежда: 1 октября 717 г., в пятницу, Сулейман умер от несварения желудка, его место занял Умар II ибн Абдулазиз (717—720), и Масальма молил Небо, чтобы тот дал долгожданный приказ о снятии осады.

Но новый халиф горел желанием добыть в бою громкую славу, а потому надеждам Масальмы не удалось сбыться. Более того, рожденный в роскоши, как все Омейяды, Умар скоро оставил радости жизни и стал ревностным мусульманином, горевшим религиозным жаром. Разумеется, вместо долгожданного отступления Масальма получил приказ приступить к более активным действиям. Для этого новый правитель арабов обещал своему полководцу сильные подкрепления и продовольствие.

Несколько слов скажем о халифе Умаре, личности далеко неординарной для своего времени. Мужчина 35 лет, смуглый и с изящными чертами лица, враг роскоши и поборник старых традиций времен пророка Мухаммеда, он должен был решить многие задачи, накопившиеся к моменту его правления. Возрастающий налоговый гнет на всех иноверцев породил глухое недовольство среди них, которое могло вылиться наружу в любой момент. С учетом того, что завоевания арабов многократно увеличили их количество, это стало серьезной проблемой. И халиф немедленно продемонстрировал свои добрые намерения: глава налогового ведомства Египта, некто Усам ибн Зайда, был освобожден от своей должности за жестокость и творимые беззакония. К великой радости коптов-христиан, его не просто посадили в тюрьму, но и заковали в оковы, которые снимали лишь во время молитвы. Помимо этого, Умар восстановил иммунитет иноверческого священства, а также права иудеев и христиан на завещание имущества, отобранные в прежние годы¹⁵.

Как рассказывают хронисты, он призвал царей Индии принять Ислам и пообещал им полное равенство. И действительно, многие из них перешли в новую веру и взяли себе арабские имена. Почти все мавераннахрские цари также перешли в Ислам, поскольку в этом случае им не нужно было выплачивать дань — им самим стали давать содержание из казны. Согдаицы, в то время в массе своей язычники, также стали мусульманами, хотя халиф не вернул им Самарканд. Умар призвал и берберов перейти в Ислам, и берберские войска подчинились его призыву, получив в виде льготы отмену старого налога детьми.

Что же касается христиан, то халиф оставался в отношениях с ними исключительно в рамках правосудия. Храмы тех городов, которые не были взяты штурмом, а добровольно сдались арабским войскам, вернулись христианским общинам, как того требовал Коран. Им же была уменьшена до прежних размеров дань на Кипре и в Аэле. Зато он принудительно переселил иудеев и христиан Аравии в Ирак, выкупив у них жилища и предоставив места для нового поселения¹⁶.

Практически отказавшись от государственного содержания (на свой двор халиф тратил не более 200 динаров в год), не претендуя ни на одну монету из захваченной добычи, он многое сделал для укрепления Халифата. При нем строились дороги, постоянные дворы, копались колодцы. Жалованье чиновникам резко увеличилось, зато расправа за взятки и нерадение стали частым явлением — не худший способ повысить эффективность государственного управления. Под влиянием его внутренней политики Ислам приняли многие жители из числа покоренных народов, а богословы стали самыми желанными гостями дворца халифа. Правда, в военных делах удача не сопутствовала Умару. В Азербайджане зимой с 717-го на 718 г. хазары, которых наверняка подбили к походу византийцы, нанесли арабской армии тяжелое поражение. Естественно, Умару не терпелось взять реванш на другом фронте против главного стратегического противника арабов¹⁷.

Конечно же, халиф знал о состоянии дел под Константинополем, а потому предпринимал все меры для укрепления своей армии, бесславно застрявшей на берегах Босфора. Но пока шла помощь, скот у арабов, простаивавших близ Константинополя, погибал в ужасающих количествах, а с великим трудом добытое продовольствие катастрофически быстро таяло. Отряды

фуражиров уничтожались во Фракии болгарами, а в Малой Азии их истребляли византийские конные отряды. Только страх перед гневом халифа останавливал Масальму от своеговольного отступления.

Весной 718 г. к нему на помощь все-таки прибыл большой флот под командованием Софиана, куда входило более 300 судов с хлебом. Корабли стали на якоря возле Вифинии, опасаясь подойти к Константинополю ближе из-за «греческого огня». Затем прибыл второй арабский флот из Африки, который нвел флотоводец Изид, численностью около 360 кораблей. Обе армады объединились и направились к Константинополю, но навстречу им Лев III уже направил быстроходные суда с неизменным «греческим огнем». На свою беду, арабы не учли, что многие наемные моряки их флота являются христианами, желавшими помочь своим собратьям в тяжелой ситуации. Поэтому, когда начался бой, арабский флот потерпел сокрушительный разгром, а продовольствие и припасы достались византийцам¹⁸.

Деморализованные арабы пытались обеспечить себя снабжением путем грабежа, но отряды мардаитов (ливанских разбойников-христиан, служивших Византийскому императору), расположенные в Ливе и Софоне, непрестанно нападали на них, от чего мусульмане несли большие потери. Прибавили активности и болгары, от меча которых погибло, как говорят, более 22 тысяч арабских воинов¹⁹.

Положение Масальмы из тяжелого быстро стало безнадежным – его солдаты ели падаль и даже собственные испражнения. Как и следовало ожидать при таком уровне смертности, вскоре арабов поразила чума, ежедневно уносившая сотни жизней²⁰. Каковы же были их мучения, когда они видели, как византийцы беспрепятственно ловят рыбу в проливе на их глазах, ничего не опасаясь!

Наконец, совершенно деморализованный, по приказу халифа 15 августа 718 г. Масальма снял осаду. Сухопутное войско переправили на оставшихся кораблях на материк, и оно направилось к Дамаску, поражаемое чумой и преследуемое летучими отрядами византийцев. Остатки флота отплыли в Африку, но буря, разыгравшаяся в Эгейском море, окончательно уничтожила его. Судя по описанию событий, шторм вызвал подводный вулкан, проявивший невероятную активность. В результате из 2600 кораблей обратно вернулось только 5 (!), а из 180 тысяч солдат – не более 40 тысяч²¹. Эта утратившая внешние признаки армии, обнищавшая, лишенная оружия и снаряжения толпа уже не способна была к наступательным операциям.

Не случайно в течение многих лет арабы оправлялись от нанесенного им поражения и фактически прекратили военные действия в других направлениях. Историки в один голос утверждают, что своей победой Лев III спас не только Римскую империю, переживавшую глубочайший кризис, но всю Европу и вообще христианскую цивилизацию. Победа Льва III была тем более блестящей, что не стоила Римской империи почти никаких людских потерь. Соотношение погибших являлось настолько ошеломляющим, что арабы были потрясены – никто и никогда ранее не добивался в войне с ними таких успехов. Их поразила гибель лучших воинских подразделений, полководцев, офицеров и всего громадного флота.

Только в 732 г. арабы осмелились начать военные действия, переправившись через Пиренеи на Юге Франции и столкнувшись с франками. Однако их относительно немногочисленное войско – не более 35—40 тысяч воинов, окажется разгромленным Карлом Мартеллом. Нет никаких сомнений в том, что победа франков была предопределена Львом Исавром в 718 г. – у арабов просто уже не оставалось людских ресурсов, чтобы, как раньше, обеспечить подавляющий перевес своей армии над противником и воевать на два фронта одновременно. Не случайно битву при Пуатье многие специалисты именуют «лишь эпизодом в долгом деле изгнания арабов из Южной Галлии»²². Впрочем, этой истории мы коснемся немного ниже.

Нет никаких сомнений в том, что победа Льва Исавра над арабами у стен своей столицы относится к наивысшим военным достижениям всемирной истории. И вновь выделился почерк

полководца – не вступая во фронтальные столкновения, заставляя врагов действовать по своему плану, Римский император сохранил собственные силы, многократно уступающие врагу, и использовал естественные стихии для уничтожения арабов.

Второе испытание, выпавшее на долю Льва Исавра, заключалось в необходимости вести борьбу с узурпаторами. Опасность подстерегала его царствие с первых же месяцев. Уже в 717 г., получив известие об осаде арабами Константинополя, командующий сицилийским войском Сергей решил венчать на царство некоего Василия, которого переименовал для благозвучия в Тиверия. И на этот раз законный царь продемонстрировал завидную решительность и оперативность. Он тут же направил в Сицилию своего чиновника Павла, назначив того патрицием и новым правителем острова.

Узнав о его прибытии, Сергей и узурпатор обратились за помощью к лангобардам, располагавшимся неподалеку, но Павел опередил их. Он собрал народ, ознакомил их с грамотой царя, поведал о победах, одержанных византийцами над арабами, и тем самым решил все вопросы. Василия выдали царскому представителю, казнили, а голову отправили в столицу. Других сторонников заговорщиков Павел помиловал: кому-то отрезали носы, кого-то высекли, но всем сохранили жизнь. Кстати сказать, был пощажён и Сергей, глава заговора. Увидев, как успешно Лев Исавр поставил на место узурпатора, лангобарды успокоились и согласились сохранить с Римской империей мирные отношения²³.

Через год, в 719 г., организатором нового заговора против императора Льва III стал некто магистр армии Никита Ксилонит, очень обеспеченный человек. С ним тайно снесся проживавший в одном из монастырей Фессалоники бывший император Анастасий II и предложил тому при помощи болгар, с которыми уже вступил в тайное соглашение, восстановить собственные права на царство. Будучи опытным в государственных делах человеком, Анастасий написал письмо византийскому дипломату, пребывавшему в Болгарии, патрицию Сиссинию, и уговорил того выступить перед Болгарским ханом Тервелом своим представителем. Сановник дал согласие на это.

Постепенно к заговору примкнул правитель фемы Опсикия, первый секретарь императора Феоктист, начальник крепостных стен Константинополя Никита Анфрак и Фессалоникийский архиепископ. Очевидно, искушение было слишком велико, и Анастасий, сложив с себя духовный сан, отправился к Тервелу, снабдившему его войском и деньгами. К несчастью для заговорщиков, император своевременно узнал о заговоре и предпринял предупредительные меры. Он арестовал и затем казнил Никиту и Феоктиста, а болгарам напомнил о мирном договоре, заключенном с ними. Авторитет Льва как полководца и его тяжелая рука уже были известны болгарам, и они заколебались.

Подойдя к Константинополю, Анастасий к прискорбию для себя обнаружил, что город не желает принять его в качестве своего царя – не помогли даже деньги, при помощи которых претендент попытался купить расположение константинопольцев. Он стал лагерем возле столицы, но болгары, как всегда, не очень верные своему слову, поняли, что, не сумев взять власть с ходу, Анастасий уже проиграл битву за царский пурпур. Болгары посчитали, что им гораздо выгоднее сохранить добрые отношения с Львом Исавром, чем пытаться насильно водворить на престол неудачника Анастасия.

Не тратя времени, они убили нескольких близких к узурпатору людей, выдали самого претендента императору, который щедро отблагодарил их, устроив пышный пир, а затем вернулись на родину. На этот раз наказание мятежникам было гораздо более тяжелым – их казнили (включая Фессалоникийского архиепископа), и царь конфисковал имение Ксилонита в пользу казны. Других соучастников, в частности командующего фемы Опсикия, он наказал отрезанием носа²⁴.

Наконец, третий заговор составилсЯ позднее, уже после начала новой церковной политики царя, ориентировочно в 727 г. Соединенные войска Эллады и Кикладских островов

под руководством Агаллиана Турмаха и некоего Стефана избрали себе нового императора по имени Козьма и отправились на кораблях к Константинополю. Но имперский флот, вооруженный «греческим огнем», во главе со Львом III опять одержал решительную победу. Оставшиеся в живых солдаты из противоборствующей армии просили пощады, и им действительно сохранили жизнь. А Козьма и Стефан были казнены²⁵.

Нет ничего удивительного в том, что, желая закрепить права своей династии на трон, Лев III венчал в 719 г. годовалого сына, будущего императора Константина V, на царство.

Завершив борьбу с внутренними врагами, царь оставшееся время своего правления посвятил двум основным проблемам: борьбе с арабами и совершенствованию законодательства. Надо сказать, Византийская держава являла к тому времени собой печальное зрелище. Две трети территории Империи были захвачены или разорены арабами, государство лишилось почти половины своих подданных. Целые народы спасались бегством от надвигающихся со скоростью ветра мусульман, отступая или в горные районы, недоступные пока еще для них, или в Константинополь. Столица Византии наполнилась нищими и беженцами, голод стоял страшный, а денег в казне не было. Это была в буквальном смысле слова кровоточащая Империя²⁶.

Поскольку военные столкновения с мусульманами происходили ежегодно, Лев буквально по ходу событий, не имея никакой передышки по времени, менял систему управления войсками, формировал новую армию и предпринимал деятельные шаги для улучшения управления страной в условиях военного времени. Он восстановил в войсках строжайшую дисциплину, и его авторитет царя-победителя способствовал этому. Обладая острым и проныцательным умом, император сумел найти молодых талантливых военачальников, полководцев и управленцев и из них вскоре создал мощный военный штаб, которому можно поставить в заслугу выработку стратегии борьбы с арабами.

Наконец, царь усовершенствовал и довел почти до идеала фемное устройство, введенное еще его предшественниками. Выгоды этой системы административного управления Римской империей заключались в том, что вместо громоздких провинций с большим (относительно, конечно) штатом чиновников, неспособных принимать оперативные решения, вся власть в фемах была передана в руки стратигов, являвшихся одновременно и военными и гражданскими правителями. Все стратиги были подчинены непосредственно царю, который теперь мог не опасаться бойкота своих указаний и – важная деталь – очередных заговоров. Каждый из правителей фем имел собственные задачи и подчиненные ему войска, которые без личного приказа царя не смели пересекать внутренние границы Римской империи²⁷.

Вооруженные силы фем формировались здесь же, на местах, и были способны отразить рядовой набег мусульман. Для более крупных операций эти отряды могли быстро собраться в условленном месте, что многократно повышало мобильность византийской армии²⁸.

Постепенно, из десятилетия в десятилетие, от одного арабского набега к другому, испытывая себя на собственных успехах и неудачах, фемная система отливала в оптимальные формы, ставшие опорой Византийской государственности. Так, например, в отличие от первых фем времен императора Ираклия Великого, при Льве Исавре число фем резко возросло за счет уменьшения их площадей. Они стали более мелкими и вскоре негласно разделились между собой на пограничные фемы, подверженные арабским нашествиям, и фемы внутренние, тыловые, для которых частые боевые действия стали уже редким явлением. Если в первом случае стратиг по-прежнему сохранял всю полноту власти относительно и военного, и гражданского управления, то во втором случае его компетенция почти не касалась сферы обычной жизни. Так возникала эта универсальная и чрезвычайно эффективная система государственного управления, которой Византия обязана многими стратегическими (в первую очередь) военными победами. И как раз многие удачные преобразования были инициированы Львом III и его правительством²⁹.

Нет никакого сомнения в том, что император и его царственный сын, с малолетства участвовавший в управлении Римским государством, отдавали все время служению отечеству. Позднее, в знаменитой «Эклоге», они совершенно искренне напишут: «Мы заняты заботами и неусыпно устремляли разум в поисках того, что угодно Богу и полезно обществу». Как видим, их труды были далеко не напрасны.

А что же враги? Несколько лет после поражения у стен Константинополя арабов занимали исключительно внутренние проблемы. Но затем продолжающаяся экспансия на Севере Испании привела к столкновениям с Эдом (700—735), герцогом Аквитании, добившимся признания самостоятельности своей страны от могущественной Австразии, объединявшей вокруг себя франкское племя. Эд был опытным полководцем и в 721 г. разгромил в битве арабскую армию под командованием аш-Шамса ибн Малика. Эта победа имела широчайший резонанс и праздновалась как спасение Западной Европы от мусульманского нашествия. Сам Римский папа прислал Эду богатые подарки и слова признательности. Стало ясно, что легкие успехи, которые были так часты на первых порах завоевания арабами Испании, уже уходят в прошлое.

А вскоре в результате заговора скончался халиф Умар, и кончина его не лишена интереса. Полагают, причиной его смерти стал рак, и, предчувствуя скорый конец, халиф перебрался в монастырь св. Симеона Столпника, где за несколько динаров купил себе участок земли для погребения. 17 января 720 г. его не стало³⁰.

Ему наследовал сын Йазид II ибн Абдулмалик (720—724), не сумевший стать героем своего времени. Правда, некоторая удача ждала его в Персии, которая в очередной раз безуспешно попыталась отложиться от сарацин. Но и только. Изнеженный сибарит, предпочитавший общество наложниц военному совету, халиф мало интересовался делами своего государства. Не удивительно, что вскоре взбунтовались тюрки Согдианы, на усмирение которых была направлена большая армия. Некоторые успехи ожидали арабов на Юге Франции, где они заняли город Лион, но это были фрагментарные победы. Еще одна армия под руководством Умара ибн Хубайра, сформированная в Армении, направилась на границу с Византией, но успеха не имела³¹.

Потом умер и Йазид, новым халифом стал его брат Хишам I ибн Абдулмалик (724—743). В 725 г. он попытался совершить новый поход на римлян, но, по словам летописца тех событий, «вернулся с великой потерей» – Лев Исавр вновь нанес арабам тяжелое поражение.

В 726 г. небезызвестный нам полководец Масальма сделал набег на Кесарию Каппадокийскую, но в Сирии свирепствовала какая-то страшная болезнь, настигшая и арабов. Кроме того, в силу не вполне понятных событий, туманно описанных современниками, арабы потеряли свой выючный скот, после чего вынуждены были вернуться обратно. Правда, в этом же году они успешно высадились на Кипре, а в следующем захватили город Сиракузы на Сицилии. Но и эти успехи не стали переломными в ходе военных действий.

В 727 г., пользуясь тем, что очередные узурпаторы посягнули на власть Римского царя, арабы под руководством самого эмира попытались захватить город Никею Вифинскую. Халиф шел во главе армии с 15-тысячным авангардом, его брат Муавия следовал за ним с остальным войском, насчитывавшим 85 тысяч солдат, – впрочем, эти данные наверняка завышены. Но попытки взять город штурмом не принесли успеха, хотя арабам удалось даже разрушить часть городской стены. Ограбив окрестности, арабы бесславно вернулись в Дамаск³². Однако в следующем году им удалось овладеть крепостью Атеей.

Озадаченный постоянными набегами арабов, Лев III заключил договор с хазарами, которые в свою очередь начали сильно беспокоить мусульман. Это был очередной и блестящий дипломатический успех царя, далеко не простой по своему исполнению замысел – привлечь дополнительные силы для борьбы с арабами. И уже в 729 г., исполняя союзнический долг, хазары совершили разрушительный набег на Персию и Армению, разгромив арабское войско под руководством полководца Гараха, который погиб в сражении. Это нашествие навело на

мусульман ужас, и в 730 г. Масальма по приказу халифа пошел на них войной, но потерпел тяжелое поражение и бежал в Дамаск³³.

Впрочем, очень скоро Масальма восстановил свои силы, получил подкрепление и вновь направился в поход против хазар – на этот раз успешный. Он разбил кочевников в бою и даже пленил сына кагана. Правитель Хазарии направил новую армию, чтобы освободить сына, но и та была разгромлена сарацинами. Увы, эта удача была затемнена страшными поражениями, понесенными арабами на Востоке. Тюрки сумели овладеть Самаркандом, а в Герате восстали племена афгани, державшие в напряжении местного правителя провинции³⁴.

Использование врагов своих соперников для целей Римского государства – старая как мир стратегия, которую нужно было продолжать. И для упрочения союзнических отношений Лев Исавр применил испытанный способ: в 732 г. он женил своего сына Константина V на дочери Хазарского хана Вирхора (732—759), принявшей после крещения имя Ирина³⁵. Как видно из летописей, переход в Православие был далеко не формальной процедурой, обычно сопутствовавшей женитьбе. И вскоре новая царица стала известна всему христианскому миру как ревнительница благочестия и веры.

Все же арабы были еще очень сильны и имели отдельные успехи. В 731 г. они захватили крепость Харсиан в Каппадокии, в 733 г. опустошили отдельные районы Малой Азии, в 738 г. повторили набег на азиатские провинции, а в 739 г. захватили крепость Железная. Однако стратегический успех был уже на стороне римлян. Развитию арабской инициативы опять много мешали хазары. И хотя кочевники на время признали над собой власть Арабского халифа, мусульмане были вынуждены постоянно отвлекаться на хазарскую угрозу, не имея возможности сконцентрировать должное количество войск на византийской границе³⁶.

Но главная неудача ждала арабов во Франции. Сперва сарацины захватили города Ним и Каркассон – что называется, на свою беду. Однако затем остатки разгромленного войска Эда Аквитанского соединились с армией мажордома Австразии Карла Мартелла (717—741) – ввиду надвигающейся опасности враги позабыли старые обиды. В октябре 732 г. сарацины и франки встретились близ Пуатье для решающей битвы, которая выдалась чрезвычайно упорной. Восемь дней успех переходил от одной стороны к другой, наконец, арабы побежали; их полководец Абдуррахман погиб, не желая отступить.

Конечно, эта битва не может идти ни в какое сравнение с разгромом арабов у стен Константинополя – достаточно сказать, что Мартелл еще дважды направлялся в поход против мусульман, чтобы освободить от них Бургундию и Прованс. Но, с другой стороны, резко активизировала африканских берберов, поднявших в 740 г. восстание против арабов, значительно ослабившее мусульманскую экспансию в Испании³⁷.

Эта передышка во времени была использована императором в полном объеме. И в 736 и 737 гг. реорганизованные им римские войска нанесли тяжелые поражения арабам в Армении и Азии, а в 740 г. оба царя, отец и сын, в решающем сражении разгромили мусульман у города Акраина во Фригии. Более того, византийская операция, параллельно развивающаяся в Африке, также имела серьезный успех – стоявшие там арабские войска были наголову разбиты³⁸.

Как следствие, вновь восстали хазары, земли которых арабы были вынуждены спешно оставить. Помимо прочего, эти поражения означали провал попытки арабов распространить мусульманство среди представителей хазарского племени. Можно смело сказать, что после эпохальных побед Ираклия Великого это были самые выдающиеся достижения римского оружия и византийской дипломатии за последние 100 лет!

Заметим, что Лев III был не только талантливым военачальником, но и умелым хозяйственником. В последний год жизни царя сильнейшее землетрясение потрясло Константинополь. Стихия повергла наземь статуи св. Константина Равноапостольного, св. Феодосия Старшего, императора Аркадия, разрушила городские стены со стороны суши, и множество городов

во Фракии. Но ввиду постоянной опасности быть подвергнутым набегам арабов и болгар царь велел собрать с каждого горожанина по одной золотой монете и быстро восстановил крепостные укрепления³⁹.

Куда менее радужными были перспективы византийцев на Западе, в Италии, особенно после возникновения церковного раскола, быстро переросшего в политический кризис. Хотя в 715 г. мирный договор между лангобардами и Византией был подтвержден, молодой король Лиутпранд (712—744) решил захватить Равенну, поскольку это приобретение сулило германцам многие выгоды. В первую очередь поставка соли с Адриатического побережья, дававшая баснословные прибыли.

Пользуясь тем, что в 718 г. Византийское правительство было озабочено подавлением восстания на Сицилии во главе с мятежным стратигом Сергием, лангобарды осадили Равенну, а герцог Беневента Ромуальд II (706—732) оккупировал крепость Кумы в Кампании. Одновременно с ними герцог Сполето Фароальд II (703—724) занял город Нарни в Средней Италии. Однако мятеж сицилийских войск был подавлен, Лиутпранд не смог справиться с крепостными стенами Равенны и отступил, а Ромуальд II потерпел поражение от византийского дукса Неаполя⁴⁰.

Но чуть позднее ситуация резко изменилась. Отказав в требовании Льва III поддержать его иконоборческую политику, о чем речь пойдет дальше, Римский папа Григорий II (715—731) вступил в союз с лангобардами против Империи. Равеннский экзарх Павел (726—727) прибыл в Италию с приказом довести до сведения всех христиан полуострова императорский эдикт и арестовать непокорного понтифика. Однако столкнулся с лангобардами, вставшими на защиту Апостольского престола, потерпел от них поражение, вернулся в Равенну и там погиб от рук жителей.

Развивая успех, Лиутпранд в 726 г. захватил Классис и осадил Равенну. Хотя взять в этом году город ему не удалось, тем не менее в 727 г. он захватил весь Пентаполь Морской, крепость Сутриум, находившуюся в 50 км от Рима, и саму Равенну. Правда, удерживал город всего 140 дней, после чего за крупную сумму уступил Равенну папе Григорию II. Затем лангобард овладел городами Эмилия и Пентаполис, продемонстрировав горячее желание стать властелином Рима.

Но в тот момент времени папа Григорий II сумел перехватить инициативу. Поскольку лангобарды уже в массе приняли христианство, он применил всю мощь своего духовного авторитета, чтобы склонить Лиутпранда к миру, попутно прислав тому щедрые дары. Король согласился, не в силах переступить через некую невидимую грань уважения и боязни, и даже отдал папе город Сутри, на который давно уже претендовал Римский епископ.

Но мирный договор между королем и папой носил временный характер, и понтифик это прекрасно понимал. Не дожидаясь, пока лангобарды продолжат свое наступление на Рим, он решился на хитрую и многоходовую комбинацию, преследующую разноплановые цели. В первую очередь папа пожелал избавиться от лангобардской угрозы и столкнуть византийцев с германцами, чтобы за счет ослабления обеих сторон закрепить свое могущество⁴¹.

В 727 г. новый Равеннский экзарх Евтихий (727—752) высадился в Италии, имея строгие предписания императора заключить с Лиутпрандом антипапский союз, пообещав взамен военную помощь против взбунтовавшихся герцогов Сполето и Беневента. Король с радостью согласился, поскольку этот договор фактически свидетельствовал о признании Константинополем его территориальных завоеваний. Но на самом деле не собирался всерьез воевать с понтификом.

Зато у папы были иные планы. В Венецию немедленно отправились папские послы, чтобы тайно поднять венецианских греков на войну с Лиутпрандом. А там уже находились посланники Льва III, прибывшие с аналогичными задачами. Первосвященнический сан не рождает сам по себе святости: папа легко предал собственных союзников, сговорившись с византий-

цами о совместных действиях против лангобардов. В порыве вдохновения Григорий II даже именовал в послании императоров Льва III и Константина V «своими государями и сынами», назвав германцев «подлым народом».

Начались военные действия, крайне неудачные уже для лангобардов. Но здесь, словно очнувшись, Лиутпранд продемонстрировал умение вести дипломатию не менее коварными способами, чем папа. Он немедленно заключил союз с Константинополем, также опасавшимся растущих аппетитов папы и недовольным его фрондой царю, и в 729 г. подчинил себе два герцогства – Сполето и Беневент. Лангобардское войско подступило к Риму, и, казалось, апостолику спасения ждать было неоткуда.

Но и папа в очередной раз продемонстрировал высоту духа и мужество. Он явился в лагерь лангобардов и обратился к королю с увещательной речью. Пораженный поступком и словами понтифика, Лиутпранд пал перед ним на колени, признав Римского епископа единственным носителем Божественной власти на земле. Сняв лагерь, король отправился обратно.

В 732 г. Лиутпранд предпринял новую попытку захватить столь желанную для себя Равенну. Во главе лангобардских войск стоял племянник короля Гильдебранд и герцог Виченцы Паредео. Им удалось захватить город и удерживать его в течение 2 лет. Однако уже папы вновь вступили в дипломатическую переписку с Венецией, дож которой Урса (726—737) выбил германцев из Равенны. В ходе штурма Гильдебранд был взят в плен, а Паредео погиб.

Правда, развить успех союзникам – венецианцам и византийцам не удалось. Дукс Перуджи Агафон потерпел тяжелое поражение от германцев у стен Болоньи. А в 739 г. вследствие острого конфликта между папой и лангобардами Лиутпранд организовал поход на Вечный город, после чего на сцену широко выступили франки, к которым за помощью обратилась Римская курия⁴².

Следует сказать, что Лиутпранд был поистине исторической личностью. При нем королевство лангобардов не только освободилось от вечных внутренних междоусобиц между аристократами, но и получило блестящее законодательство, суд и вполне приемлемые налоги. За 22 года Лиутпранд опубликовал более 150 законов, разместив их в 12 книгах. Помимо этого, им было организовано эффективное государственное управление на местах, вернувшее стабильность в деревню и мелкие поселки.

Создание дружеских и доверительных отношений с Римской курией стало одной из главных задач короля лангобардов. Он всячески подчеркивал сакральный характер королевской власти и, как истинный сын Кафолической Церкви, изгнал из своего государства волхвов и гадалей.

Дальнейшие события в Италии носили поистине калейдоскопический характер, породив целый ряд узурпаторов, стремящихся овладеть Римской короной. Но тут уже папа продемонстрировал лояльность императору Льву III. Когда некто Тиверий Петазий, герцог Тусции, заявил свои права на Византийский трон, Григорий II направил против него римскую милицию, и вскоре голова самозванца была отправлена в Константинополь как свидетельство верности апостолика⁴³. Но 10 февраля 731 г. папа Григорий II скончался.

Новый папа, Григорий III (731—741), кстати сказать, этнический сириец, не принес успокоения Италии. Он наотрез отказался от каких-либо компромиссов в отношении церковной политики Льва III, что вызвало очевидную реакцию Константинополя. Весной 733 г. император отправил в Италию флот, чтобы наказать апостолика, однако по злему стечению обстоятельств корабли погибли во время бури в Адриатическом море.

Тем временем папа спешно искал новых союзников в самой Италии и нашел их в лице герцогов Тразамунда II (724—739; 744—745) и Годшалька Беневентского (740—743), тайно пообещав им взамен военной помощи поддержку в их стремлении выйти из-под власти Лангобардского короля. Совместно союзники начали военные действия против Лиутпранда, оказавшиеся не очень удачными для них.

И когда в 739 г. Тразамунд бежал в Рим, чтобы искать защиты у папы, тайный договор стал для всех явным. Король был явно сбит с толку, не зная, как поступить. Лангобард все еще испытывал глубокий пиетет перед преемником святого апостола Петра, но коварная папская дипломатия грозила многими бедами самим лангобардам, а потому оставлять предательство папы без последствий было нельзя; приходилось искать некое среднее решение.

В поисках лучшего решения Лиутпранд тем временем занял города Амелию, Горту, Полимарциум и Бледу, но не стал осаждать Рим и вернулся с войском в Павию. Вдохновленный отступлением германцев, папа передал Тразамунду свое войско, чтобы тот смог отвоевать захваченные Лиутпрандом города, но герцог, вернув Сполето, отказался служить замыслам понтифика и начал собственную игру.

В этот момент папа понял, что в результате порожденной им самим хитроумной интриги остался без союзников, один на один с врагом, а лангобарды уже приближались к Риму. В значительной степени вынужденно, понимая, что с Востока помощи ждать едва ли возможно, Римский епископ начал искать новых союзников на Западе. Когда в 740 г. лангобарды возобновили угрозы Риму, папа Григорий III направил письмо Карлу Мартеллу с отчаянной просьбой.

«Мы находимся в крайней нужде, и денно и нощно льются слезы из наших глаз, ибо мы должны постоянно смотреть на то, как Церковь Господня оставлена теми, на которых она возлагает надежды, и как Лиутпранд и Гильдепранд, короли лангобардов, огнем и мечом уничтожают в Равенне все, что уцелело от прошлогоднего опустошения. Они даже и сюда, в римские пределы, прислали свои войска и подобный же вред причинили нам и теперь причиняют: они разрушили все крыльцо св. Петра и, что только нашли, все унесли с собой».

Надо сказать, понтифик верно оценил могущество потенциального союзника. Карл, получивший за храбрость прозвище «Мартелл» (молот), сын простой наложницы, имел прирожденные качества, предопределившие его превосходство над остальными франкскими вождями. В 717 г., разбив конкурентов, он открыл для себя путь на Париж. А в 719 г. совершил поход на Везер и изгнал оттуда саксов. Решительный и совершенно беспринципный в выборе средств, он в скором времени захватил всю Австразию и Нейстрию, без сожаления раздавая земли своим сторонникам. Мудрый управленец, Карл быстро понял, что без политики христианизации захваченных земель он долго не удержит их в своей власти. Вершиной его успехов, как указывалось выше, стала знаменитая битва при Пуатье, когда он разгромил арабов и присоединил к своим владениям Аквитанию – герцог Эдо умер буквально через 3 года после этого исторического сражения⁴⁴.

И все же, с учетом всех обстоятельств дела, обращение к Мартеллу являлось откровенным унижением папы. Понтифик много объяснялся перед франком, просил того поверить ему или прислать верного человека, который убедится во лжи лангобардов, а затем, переходя все допустимые границы, признал Карла своим владыкой. Именно это следует из символического акта передачи вождю франков ключей св. Петра и приглашения принять титул римского патриция.

«Умоляю тебя во имя Живого и Истинного Бога и ради святых ключей от гроба св. Петра, которые мы при сем посылаем тебе, не предпочитай дружбы королей лангобардских любви к князю Апостолов, но докажи нам, что ты – вся наша после Бога опора (выделено мной. – А. В.); и тогда вера твоя и доброе имя будут известны всем народам»⁴⁵.

Признав франка своим властителем, папа тем самым отвергал над собой политическую власть Византийского императора – шаг, разрушавший мировоззрение современников той эпохи. Даже для свободолюбивых лангобардов, желавших создать собственное государство, казалось естественным, что над ними вечно будет господствовать владыка Вселенной, Римский царь. Теперь оказывалось, что папа готов уравнивать статус Византийского императора и франкского мажордома (даже не короля, поскольку Мартелл никогда этот титул не носил), управ-

ляющего делами – было от чего прийти в негодование в Константинополе и в растерянность в Галлии.

Предложение папы было столь необычным и неожиданным для Мартелла, что тот просто не ответил Григорию III. А лангобарды, не теряя времени, продолжили свой поход на Рим, оказавшийся в великой опасности. Впрочем, никто из действующих лиц не узнал, чем завершится эта история: 18 июня 741 г. умер Лев III Исавр, 11 октября 741 г. – Карл Мартелл, а 27 ноября того же года скончался Григорий III⁴⁶.

Но в целом для непредубежденного свидетеля тех событий становилось ясно – Италия уже почти не принадлежит Византийской империи, а вскоре навсегда будет исключена из числа владений Римского императора. И если предыдущие территориальные потери в пользу сынов германского племени были обусловлены всеокрушающим натиском готов, лангобардов и франков, то теперь Империя уменьшалась в объемах вследствие внутренних неурядиц и все более проявляющихся амбиций Римского епископа стать независимым от Константинополя владыкой Рима и даже всей Италии. Пока еще эти устремления носят спорадический характер, но вскоре, уже буквально в ближайшее царствование сына Льва Исавра, они примут характер устойчивой, последовательной политики пап с явно выраженной мотивированной и идейной подоплекой.

Глава 2. Мудрый законодатель

Война и нужды государства заставили Льва III уделить самое серьезное внимание вопросам организации народной жизни. Прекрасно понимая, что «деньги – кровь войны», он действовал как бережливый и рачительный хозяин, не тратя ни одной номизмы на пустые цели. С одной стороны, облегчая жизнь населения, царь резко уменьшил податный налог, с другой – монополизировал в руках государства многие финансовые операции. Император не столько стремился к увеличению налогового бремени, сколько желал, чтобы все земельные владения, внесенные в кадастр, стали объектом реального налогообложения, чем вызвал недовольство главным образом крупных землевладельцев.

Это недовольство тем более усилилось, что во избежание захвата земель средних землевладельцев крупными собственниками угодий Исавр отменил патронаж, под видом которого и происходили эти захватнические операции⁴⁷. Вместе с этим он покровительствовал торговле, добившись ее безопасности, и обеспечил быстрое, эффективное и справедливое судопроизводство⁴⁸.

После многих десятилетий внутренних волнений и заговоров, военных поражений и полного расстройств судебной системы, коррумпированной насквозь, Римская империя увидела царя, решившего создать «государство справедливости». Его мысли, впечатанные в законодательном сборнике 740 г., получившем название «Эклога», не могут не вызвать восхищения уровнем правосознания императора, глубоким пониманием им своих задач и ответственности перед Богом и людьми.

«Так как Бог вручил нам императорскую власть, такова была Его благая воля, Он принес этим доказательство нашей любви к Нему, сочетающейся со страхом, и приказал нам самое послушное стадо, как корифею апостолов Петру; мы полагаем, что ничем не можем воздать Богу должное скорее и лучше, чем управлением доверенными Им нам людьми – согласно закону и с правосудием. Так, чтобы, начиная с этого времени, прекратились всякие незаконные объединения, и чтобы были расторгнуты сети насильственных сделок по договорам и пресечены были стремления тех, кто грешит, и чтобы таким образом под Его всемогущей рукой нас увенчали победы над врагами более драгоценные и более почетные венчающей нашу голову короны. И чтобы установилось у нас мирное царствование и прочное управление государством»⁴⁹.

Чиновничьи беззакония, от которых так страдали византийцы, должны быть прекращены: «Тем же, кто поставлен исполнять законы, мы рекомендуем, а вместе с тем и приказываем воздержаться от всяких человеческих страстей и выносить решения, исходя из здравого суждения по истинной справедливости; не презирать бедных, не оставлять без преследования несправедливо поступающего могущественного человека и не выказывать в преувеличенной форме на словах восхищения справедливостью и равенством, на деле же отдавая предпочтение, как более выгодному, несправедливости и лихоимству». Нетрудно обнаружить принцип равенства сторон перед законом, красной нитью проходящей по тексту «Эклоги».

Особые наказания император обращает в адрес судей, творящих правосудие, помыслы которых должны быть кристально чистыми. «Те, в души которых ранее не заложена истинная справедливость и которые либо испорчены страстью к деньгам, либо потворствуют дружбе, либо мстят за вражду, либо опасаются могущественных людей, не могут судить справедливо». И далее: «И вот это определено нами как увещание (и как предупреждение) тем, кто понимает справедливость, но уклоняется от истины. Тем же, кто лишен разума и потому не может этого постигнуть и воздать каждому поровну, скажем словами Иисуса из Сираха: пусть ни от Господа величества не ищут, ни от царя постов не просят, судьями пусть быть не спешат, так как уничтожить несправедливость они не в состоянии»⁵⁰.

Для того чтобы избежать коррупции в судебной среде, император указывает в «Эклоге», что решил создать судейский корпус из чиновников, состоящих на финансировании государства⁵¹.

Понятие «справедливость» имеет для императоров совершенно конкретное содержание. Они без обиняков отмечают, что уповают на Христа и служат Ему, понимая свой долг в распространении и укреплении того закона, который дан Спасителем. Так, завершая введение, цари пишут: «Мы стремимся служить Богу, вручившему нам скипетр царства. С этим оружием мы печемся о порученном Его властью нашей кротости христоименном стаде, чтобы оно росло в добре и преуспевало. Этим мы стремимся восстановить древнее правосудие в стране»⁵².

Хотя «Эклога» имеет всего 18 титулов, она обнаруживает ярко выраженную тенденцию еще более ввести христианские принципы во многие правовые институты и общественные отношения Римского государства⁵³. Если законодательство времен императора св. Юстиниана I Великого проникнуто еще духом классического римского права, то все законоположения «Эклоги» апеллируют к Священному Писанию. Они находят в нем обоснование для правовых норм, установленных императором. Этот замечательный памятник законодательства VIII века со всей очевидностью опровергает иногда высказываемый тезис об императорах-иконоборцах, как реформаторах Церкви, носителях светских идей и замыслов.

Первые три титула «Эклоги» посвящены брачным отношениям, причем закон, несопоставимо с прежними актами, обеспечивает правовое положение женщины. Например, глава 2 титула III устанавливает, что в случае смерти мужа ни один кредитор, ни даже казна, не вправе обращать взыскание на имущество умершего, пока вдова не восполнит свое приданое из общей семейной собственности. Титулы V и VI посвящены вопросам наследования, титулы с X по XIII и XV, XVI регулируют вопросы гражданско-правовых сделок, титул XIV определяет обязанности свидетелей. Глава 51 титула XVII устанавливает, что клеветник подлежит такому же наказанию, которому подлежит лицо, ложно обвиненное им.

Вопросам уголовной ответственности посвящен XVIII титул «Эклоги». Он относительно большой в сравнении с другими главами, и охватывает самые разные виды преступлений. Обращают на себя внимание, в частности, преступления против Церкви, царя и супружеской верности. Глава 3 гласит: «Поднимающего восстание против императора, или злоумышляющего, или принимающего участие в заговоре против него или против государства христиан в тот же час должно предать смерти как намеревающегося все разрушить».

Суровость наказания не исключает, по мнению царя, обычной предосторожности, чтобы не пострадал невинный человек. Он продолжает: «Но для того чтобы некоторые часто и из вражды не предавали кого-либо смерти без суда, возводя на него обвинение, что он поднимал голос против царства, нужно его взять на месте под хорошую охрану и донести о нем императору, и как император в итоге рассудит и решит, так и сделать».

Согласно главам 4 и 15 титула XVII, наказанию подлежат лица, поднявшие руку на иерея и посягнувшие на священные предметы в алтаре – в последнем случае таковой преступник подлежал ослеплению. Вне зависимости от того, богатый человек или бедный, развратничающий женатый мужчина подлежал 12 ударам палками (19-я глава XVII титула). Неженатый развратник наказывался шестью ударами палок (глава 20 XVII титула). Особенно тяжелые наказания – отсечение носа – предусматривалось для лиц, сблудивших с монахинями, причем женщина подлежала той же мере ответственности (глава 23), и соблазнивших чужую жену (глава 27). Мотив очевиден: «Потому что из-за такой связи происходит развод и разорение детей, и так как при этом не соблюдается заповедь Господня, которая гласит, что Господь соединил их (состоящих в браке) в едином теле».

Определяя обязанности отца и детей после смерти супруги, царь приводит в обосновании своей новации слова апостола Павла: «Дети, повинуйтесь родителям вашим во имя Господа, ибо это справедливо; и родители не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в обучении и наставлении Господнем» (глава 7 титула II). В следующей главе, посвященной обязанности вдовца или вдовицы воспитывать своих детей, опять следует ссылка на Апостола: «Вдова, имеющая детей или внуков, пусть учится, прежде всего, чтить дом свой, ибо это угодно Богу».

В отличие от законодательства предыдущих царей Лев Исавр и Константин V резко уменьшили основания для расторжения брачного союза. «Муж освобождается от жены по следующим причинам: если жена совершила прелюбодеяние; если она каким-то образом злоумышляла против него, или же, будучи осведомленной, что другие злоумышляют против мужа, не предупредила его; если жена прокаженная» (глава 14 титула II).

В свою очередь, как гласит глава 15 этого же титула, жена освобождается от мужа, «если муж в течение 3-х лет со времени заключения брака оказался неспособным к брачному сожительству со своей женой; если он каким-либо образом злоумышлял против ее жизни или, будучи осведомленным, что другие покушаются на ее жизнь, не предупредил ее; и если он прокаженный». Вне этих причин, отмечают императоры, супруги не могут разводиться – в полном соответствии с предписанием: «Кого Бог соединил, человек да не разделит».

Последующие главы совершенно новационны – кажется, будто «Эклога» опередила свое время на тысячелетие. Женская честь настолько находилась в поле зрения Льва III и Константина V (соавтора этого документа, как видно из введения в него), что любое посягательство на нее не оставалось без наказания. Это тем более поразительно, что данные виды преступлений были установлены в условиях ведения постоянных военных действий, когда многие нравственные сдержки, как известно, «автоматически» исчезают. Согласно главе 30 титула XVII, лицо, обесчестившее девушку, подлежало наказанию в виде отсечения носа. То же наказание грозило лицу, обесчестившему чужую невесту, даже если это произошло с ее согласия (глава 32). А вступивший в связь с несовершеннолетней девицей, кроме того, обязан был выделить ей половину своего состояния (глава 31).

Семейные устои – святы, а Божественные законы – непреложны. Для царей Льва III и Константина V – это безусловная истина. Поэтому виновные в кровосмешении подлежали казни мечом (глава 33 титула XVII). Мужеложство каралось мечом (глава 38), а скотоложство – отсечением носа (глава 39). Двоеженец наказывался плетью и должен был вернуться к первой жене (глава 35). Особо в «Эклогe» отмечены наказания для колдунов и знахарей, которые подлежали казни мечом (глава 43), а также манихеи и монтанисты (глава 52), подпадавшие под этот же вид уголовной ответственности.

Это был грандиозный законодательный сборник, добавивший Исаврам славу правоведа к ранее заслуженному ореолу полководцев. И хотя впоследствии императоры-иконопочитатели торжественно обещали забыть «еретическую скверну Исаврийской династии» и ее деяния, «Эклога» пережила свой век, привилась в византийском праве и позднее вошла в состав судебных книг Русской Православной Церкви. В частности, она вошла в состав печатной русской Кормчей книги, где фигурировала под заглавием: «Леона, царя премудрого, и Константина верной царю главизны».

Помимо «Эклоги», «невежественный» император Лев III Исавр издал краткий «Воинский устав», «Земледельческий закон» и «Морской закон». Как отмечают правоведы, в «Земледельческом законе» нет совершенно никакого упоминания о колонате, то есть о крепостных крестьянах, которые преобладали в Римской империи. Вместо них появляется личная крестьянская собственность и общинное землевладение. По мнению исследователей, списки «Земледельческого закона» позднее были включены в сборники древнего русского законодательства и играли заметную роль в деле культурного обмена между Византией и славянами. В частности, на основе «Закона» был создан «Устав о земских делах» Ярослава Великого⁵⁴.

Не менее интересен «Морской закон», которым введены целые правовые институты, например, страхование грузов, и установлены правила их перевозки⁵⁵.

Своими законодательными актами император Лев III внес существенные изменения в систему государственного управления. Он разукрупнил фемы, что нужно признать очень удачным решением, и переложил многие повинности с муниципального управления на государственный аппарат. В частности, сообразуясь с условиями военного времени, он переложил на государство обязанность строительства и восстановления городских укреплений. Взамен были увеличены налоговые повинности – вынужденная мера, не везде встретившая поддержку. Но в целом деятельность императора привела к формированию крепкого и дееспособного государственного аппарата и упрочению законности и правопорядка в стране⁵⁶.

Так, в считанные годы, при невероятном напряжении всех сил и ресурсов, Лев III обеспечил Византийскому государству, себе и новой династии твердое положение, которое не смогли ослабить даже иконоборческий кризис и разрыв отношений с Римом.

Глава 3. Иконоборчество. Папа против императора

Переходя к описанию церковной политики императора Льва III, известного как родоначальника иконоборчества, следует сделать несколько общих замечаний. Нет никакого сомнения в том, что Лев III был настоящим христианским императором, для которого интересы Церкви значили не менее чем интересы государства⁵⁷. А потому в своем стремлении обеспечить Церкви монопольно-доминирующие духовные позиции он был, как всегда, последователен, целеустремлен и нередко суров. Отдавая себе отчет в том, что целостность и благосостояние Римского государства напрямую зависят от степени народного благочестия, он предпринимал все меры для того, чтобы устранить те или иные еретические явления и языческие пережитки. В тех условиях, когда Церковь считалась органично неотделимой от Римской империи, и наоборот, иного и быть не могло. И совершенно справедливо некогда высказанное суждение, что иконоборчество, как часть церковной политики Льва III Исавра, нельзя рассматривать изолированно от внешних и внутренних особенностей существования Византии в тот исторический период.

«Часто иконоборческих императоров судят сурово, не отдавая себе отчета в том, что их религиозная политика была лишь частью предпринятого ими дела восстановления Империи и что их деятельность не исчерпывалась страстной и жестокой борьбой с иконопочитанием», – писал один историк; и он совершенно прав⁵⁸. Что же касается крайне негативных оценок деятельности Льва Исавра и других иконоборцев в древних рукописях, то, изучая первоисточники,

нужно делать существенную поправку. Ересь иконоборчества, в отличие от прежних времен, открыла Церкви много мучеников, гонимых по приказам царей. Пролитая императорами-иконоборцами кровь является главной причиной, по которой современники вообще оказались не в состоянии объективно оценить политическую деятельность этих василевсов, и изображали их исключительно в мрачных тонах⁵⁹.

Практика иконописного изображения христианских святых возникла в Церкви очень рано, и, как ни странно, родилась из дворцовой живописи. Она стала классической моделью для изображения Христа, сидящего на престоле, как властителя Вселенной, окруженного ангелами и святыми. Как император вручал своим чиновникам грамоты с указанием их полномочий, так и Христос передавал апостолу Петру Новый Закон. Из дворцовых изображений ранние иконографисты переняли традицию изображать непроницаемые выражения лиц и неподвижные фигуры. Это считалось существеннейшим признаком императора и его придворных, поскольку они вознесены над человеческими слабостями и пользуются особым небесным покровительством. Вскоре мучеников стали изображать в придворных одеяниях, а Христос восседал во главе апостолов, как император – во главе сената.

В VI—VII вв. стиль натуралистического эллинизма и месопотамской манеры изображения святых в полный рост и лицом к зрителю окончательно укрепился в Византии. И он начал применяться не только в храмовом убранстве, но и при написании переносных икон, которые хранились в частных домах. Эти изображения стали почитать, воскуря перед ними ладан и возжигая свечи. Впрочем, как мы увидим ниже, эта практика почитания имела и серьезнейшие языческие атавизмы, на которые не могли не обратить внимания византийские интеллектуалы⁶⁰.

Следует отметить, что иконоборчество, как явление, появилось отнюдь не в VIII веке, а гораздо раньше⁶¹. Причина его появления до сих пор вызывает длительные дискуссии. Были, конечно, объективные обстоятельства, которые требовали решительных мер. Так, например, просвещенные современники нередко являлись свидетелями грубых сцен неблагочестивого поклонения иконам, даже их обожествления со стороны рядовых христиан. Сохранились сведения, что нередко иконам приписывались магические, таинственные свойства, краску с них соскабливали и употребляли вместе со Святыми Дарами, и тому подобное. Как следствие, далеко не везде и не всегда почитание святых икон признавалось благочестивым и правильным.

Еще сестра императора св. Константина Великого Констанция считала недостойным Христа наносить Его изображения на дерево. Святитель Епифаний Кипрский (V в.), навестивший одну епархию в Палестине, увидел в храме завесу с изображением, как ему показалось, человека, и с гневом разорвал ее, отдав материю на покрытие гроба какого-то нищего. В Испании, на Эльвирском соборе 300 г. (или 305 г.), было принято постановление против стеной живописи на стенах в храмах. На Западе, в Марселе, епископ Серен в 598 г. сорвал в храме иконы, суеверно почитавшиеся паствой, и папа св. Григорий I Великий хвалил того за ревность к вере⁶². В VII веке на острове Крите большая группа христиан выступила перед епископом Неапольским с требованием запретить иконы, поскольку те противоречат текстам Ветхого Завета. Как рассказывают, иконоборческое движение было настолько сильным в самом Константинополе, что в 713 г. император Филиппик чуть было не издал специальный эдикт о запрете иконопочитания⁶³.

Сами иконоборцы вовсе не были едины в своем отношении к святым иконам. Были очень умеренные иконоборцы, которые выступали против уничтожения икон и удаления их из храмов. Они считали, что иконы нужно только помещать выше человеческого роста, чтобы не допускать слишком уж языческого, как они считали, поклонения им. Были иконоборцы, которые запрещали изображать Христа, но не препятствовали писать лики святых⁶⁴. Естественно, были и крайние иконофобы, доходившие до отрицания поклонения святым мощам и любого иконописного изображения.

Личное отношение Льва Исавра к иконам прекрасно раскрывает его переписка с Арабским халифом Умаром II, о котором шла речь выше. В одном из своих писем император отвечает на нападки араба о поклонении христиан кресту и иконописным изображениям. «Мы почитаем крест, – писал Лев III, – ради страданий Воплотившегося Бога-Слова. Что же касается изображений, мы не оказываем им равного уважения, так как в Священном Писании не получили никакой заповеди по этому поводу. Тем не менее, находя в Ветхом Завете, что божественное повеление предписало Моисею выполнить в скинии изображения херувимов, и одушевленные искренней привязанностью к ученикам Господа, которые пылали любовью к Самому Спасителю, мы всегда мечтали сохранить их образы, которые дошли до нас из тех времен как их подлинные изображения. Их присутствие умиляет нас, и мы прославляем Бога, Который спас нас через Своего Единородного Сына, появившегося в мире в сходном облике, и мы также прославляем святых. Что же касается дерева и красок, мы отнюдь не испытываем благоговения перед ними».

Таким образом, подытоживал один авторитетный исследователь, для Льва Исавра иконы являлись частью официального государственного Православия, но царь придавал им не более чем образовательную и эмоциональную значимость. А вот поклонение кресту выражено совершенно недвусмысленно, и на всем протяжении иконоборчества его сторонники сохраняют эту традицию⁶⁵.

Повторимся – не вполне благочестивое отношение к иконам, обожествление святых икон встречалось в те века часто. Даже позднее, когда многие языческие злоупотребления в иконопочитании были уже развеяны, осмеяны и забыты, св. Феодор Студит хвалил одного вельможу, который икону великомученика Дмитрия признал крестным отцом своего сына (!). И нет ничего удивительного в том, что многие клирики выступали с критикой иконопочитания, нередко переходя границы разумного и отрицая сами иконы как объекты христианского поклонения.

Заблуждение в виде «ревности не по разуму» ополчилось на ложь, а в результате возмстало на истину. Так рождалось иконоборчество. Впоследствии, когда успех одной партии сменялся удачей их противников, а религиозная догматика уступила место политическим соображениям, иконоборчество начнет ассоциироваться с византийской национальной идеей и станет символом патриотизма. В свою очередь почитание икон отождествилось с предательством интересов Империи в угоду универсализма Римской курии. Как следствие, религиозный спор отяготился множеством наносных обстоятельств, превративших его в клубок запутанных проблем.

Имели место и иные обстоятельства, которые необходимо учитывать. В частности, специфика, если можно так выразиться, новой ереси по сравнению с ранее появлявшимися, заключалась в отсутствие какой-либо четко сформированной иконоборческой доктрины. Впрочем, и у сторонников иконопочитания не было прочной богословской позиции по существу вопроса. Только спустя многие десятилетия необходимые аргументы, собранные в единое богословское учение, были представлены на суд Церкви (VII Вселенский Собор). Как следствие, современники и позднейшие исследователи стали искать в иконоборчестве следы чуждых сознательных и тайных влияний.

Много говорилось об иудейской подоплеке иконоборчества, и вроде бы некоторые обстоятельства свидетельствуют в пользу этой версии. Действительно, известно о тесных контактах и добрых отношениях императора Льва III с Хазарским каганом и хазарами, среди которых активно миссионировали иудейские проповедники. Однако этот народ принял иудаизм гораздо позднее, и, помимо прочего, нельзя забывать, что в 723 г. Римский царь приказал принудительно крестить всех евреев и монтеизмов, причем эта деятельность приняла масштабный характер⁶⁶. Едва ли это событие позволяет аргументированно говорить о симпатиях Льва III к евреям и иудейству как таковому.

Согласно другой гипотезе, иконоборчество возникло либо в результате мусульманского влияния, либо специально для того, чтобы облегчить для арабов переход из Ислама в христианство. Однако довод, приводимый в этом случае, носит умозрительный характер: едва ли этот мотив был способен произвести переворот в сознании людей той эпохи. Как известно, мусульманство совершенно непримиримо относится не только к священным изображениям, которые оно отвергает в духе известного ветхозаветного запрета на изображение Бога, но отрицает также любые обыкновенные изображения людей и живых существ. Поэтому, отложив в сторону мысли о толерантном отношении к христианам, незадолго до появления иконоборчества в Римской империи мусульмане начали повсеместно уничтожать изображения Бога и лики святых угодников в православных храмах.

Возможно, это событие и стало причиной того, что иконоборчество императора Льва III связали с арабским истреблением икон, объединив эти акции внутренней связью – в данном случае искусственной и надуманной. Простые факты опровергают это предположение: иконоборчество в Византии появилось, как явление государственной политики, едва ли не раньше, чем на Востоке, у арабов. Согласно сохранившимся свидетельствам, некий иудей пришел к халифу и «пророчествовал», что тот будет владычествовать над арабами 40 лет, если истребит все иконы в христианских храмах. Халиф согласился, издал соответствующие распоряжения, но в этом же году умер. Как видно из последующего текста летописи, его гонения против икон не приняли масштабные очертания⁶⁷.

Таким образом, не отрицая этих событий (гонений при халифе Йазиде и иконоборчество при Льве III), едва ли можно связать их воедино, как звенья одной цепи. Как справедливо заметил один исследователь, все истории, собранные последующими иконопочитателями, о том, почему и в силу каких обстоятельств Лев Исавр перешел к иконоборчеству, являются плоскими и вульгарными анекдотами, должными показать всем мнимое ничтожество великого человека⁶⁸.

Нельзя также забывать, что император Лев III был в первую очередь мужественным борцом против арабской экспансии и едва ли мог копировать мусульманскую политику в отношении святых икон. Очевидно, это было невозможно одновременно как по объективным, так и по субъективным причинам. Кроме того, данная версия не учитывает, что мусульманам христианский крест был так же ненавистен, как и иконы, но никогда за весь период иконоборчества в Византии вопрос отказа от креста и его изображения вообще не стоял⁶⁹.

Нередко говорят о влиянии на иконоборчество христианских сект, во множестве существовавших на Востоке, откуда был родом сам император и где он провел свою молодость. Действительно, здесь можно найти много общего. Как известно, некоторые крайние монофизиты отвергали почитание святых икон – например, так называемые фантазиасты или афтартодокеты, последователи Юлиана Галикарнасского. Не допускали иконопочитания и павликиане – очень сильная и многочисленная секта. Они прямо отождествляли все вещественное и телесное со злом и грехом и отвергали не только иконы, но фактически отменяли и православное богослужение. По мнению специалистов, влияние этих ересей и сект христианского происхождения, пожалуй, нужно считать определяющим в становлении иконоборчества. В пользу этой версии говорит и тот факт, что иконоборчество зародилось в среде малоазиатского епископата. Несколько епископов малоазиатских выработали доктрину иконоборчества и познакомили с ней императора Льва III, настойчиво убеждая его в необходимости вернуть «истинную» веру и благочестие⁷⁰.

Нет никакого желания и смысла разбирать «материалистические» объяснения иконоборчества, связанные обычно с заочно и неоправданно навязываемым современными исследователями императору Льву III мотивом секуляризации церковной собственности. Достаточно напомнить, что борьба императоров с монашеством началась гораздо позднее – уже в годы

самостоятельного царствования Константина V. И правовые акты родоначальника Исаурийской династии едва ли могут вызвать чью-то критику в данном контексте.

Как известно, попытки частично ограничить право Церкви на приобретение земельных угодий, получение выгоды от своих земель, передаваемых в собственность третьим лицам по мнимым сделкам, и пресечь иные злоупотребления, возникающие из этого, были предприняты еще при императоре св. Маврикии. Но под влиянием горячо протестовавшего столичного клира и недовольного императором Римского епископа он отказался от своей идеи. Лев III был гораздо последовательнее.

Согласно главе 4 титула XII «Эклоги», «Святейшей столичной церкви и благочестивым учреждениям ее ведомства, и приютам, и домам призрения, и странноприимным домам запрещается передавать вечное право на недвижимость за исключением только мест, пришедших в состояние разрушения. Им разрешается только производить обмен недвижимости с ведомством императорского дома». Таким образом, если Церковь не нуждалась в том или ином земельном участке, она не могла произвести отчуждение его в частные руки, но обязана была передать в государственную казну, в состав владения императорского дома. Однако это было единственное ограничение в отношении Церкви, и оно не касалось монастырского имущества.

Безусловно, конфискация монастырских земель в отношении непокорных царской воле обитателей имела место. Однако это были редкие случаи, которые не дают оснований говорить о системных попытках секуляризировать церковное имущество. Напротив, в полемике со своими противниками сторонники иконопочитания печалются, что те «все свое время посвящают не пастырской деятельности, а обработке монастырских имений». Кроме того, значительная часть монастырских владений в Малой Азии и на Балканах располагалась в разоренных войной местностях. Правительство императора Льва III не знало, что делать с обширными необработанными землями, и ему было явно не до того, чтобы увеличивать пустующие площади за счет массовой конфискации монастырских землевладений⁷¹.

Если речь и может идти о каком-то материальном аспекте в деятельности первого императора-иконоборца, то он касался не столько монастырского имущества, сколько лиц, бежавших от воинской повинности, нередко принимая ангельский чин вовсе не для монашеского подвига. Как считают, в это время в Византии насчитывалось около 100 тысяч монахов – огромная цифра. Достаточно для сравнения сказать, что в России в конце XIX века при 120 млн населения насчитывалось 40 тысяч монахов⁷². Можно представить себе колоссальный дефицит рабочих и солдатских рук, который испытывала Римская империя. Естественно, царь предпринял меры по недопущению уклонения от государственных обязанностей теми лицами, которые для отвода глаз уходили в монастырские обители.

Один исследователь писал по этому поводу: «Церковная жизнь в Византии до такой степени многообразно переплелась с гражданской, Церковь взяла на свою долю так много материальных средств Империи, что ни один император, имевший определенные политические задачи, не мог при их проведении не столкнуться с церковными интересами». Льву III нужны были деньги для войны, и что было делать Исауру, если вместо армии молодые мужчины запинывались в монастыри, которые владели громадными земельными наделами, свободными от налогообложения? В отличие от патриарха Сергия времен императора Ираклия Великого патриотизм клира в эпоху постоянной анархии проявлялся лишь в обещании молитв, что императору, как воину и государю, было, конечно, недостаточно⁷³.

Иногда материальный мотив связывают с желанием императоров Льва III и Константина V вернуть царской власти те политические позиции, которые оказались утерянными в годы дворцовых переворотов и вследствие девальвации царского сана. Действительно, как известно, при императорах Анастасии II и Феодосии III множество клириков вошли в состав политической элиты Империи и заняли высокие должности.

В этом нет ничего невероятного – в условиях внутренней нестабильности, гибели множества талантливых и опытных сановников и военачальников было вполне естественно, что священноначалие вышло на первый план. И этот «перекос властей», конечно, не мог не открыться при таком могучем и самостоятельном императоре, как Лев III Исавр. Осознавая свой статус Римского царя, поставленного Богом для управления государством, он не терпел параллельно с собой чью-либо другую волю. Однако едва ли царь ставил перед собой самодостаточную цель восстановить равновесие между двумя союзами – думается, он, по счастью, даже не умел мыслить столь секулярными категориями.

Совершенно безосновательно утверждение, будто бы царственные отец и сын, желая поднять престиж своей династии, решились на очередное церковное реформаторство, как это якобы случалось при предыдущих василевсах. Во-первых, такой неписаной практики просто не существовало: Византийские императоры вообще старались инициативно не вторгаться в область вероучения, если их к тому настоятельно не подталкивали объективные обстоятельства. А, во-вторых, военное время практически всегда являлось естественной преградой для созывов Вселенских Соборов или начала глобальных церковных диспутов. Трудно представить себе, что в условиях непрекращающейся войны с арабами, тяжелой обстановки в Италии, необходимости буквально на ходу реформировать государственное управление и восстанавливать народное хозяйство, Лев III мог задуматься над столь эфемерными затеями, как желание прослыть «реформатором» Церкви и знатоком христианского вероучения.

И прав один автор, который указывал, что ни Лев III, ни его сын не были вольнодумцами, рационалистами и предшественниками протестантской Реформации или революции. Это были люди благочестивые, верующие, богословски образованные, искренне заботившиеся о реформе религии путем очищения ее от всего того, что казалось им идолопоклонством⁷⁴.

Небезынтересны некоторые подробности появления иконоборчества в публичной сфере. Многие историки указывают, что иконоборческое движение было делом не столько царской власти, сколько церковной партии, представлявшей собой серьезную силу⁷⁵.

В подтверждение этих слов достаточно указать, что уже в 20-х гг. VIII века в Константинополе сформировался немногочисленный, но довольно влиятельный кружок иконоборцев, во главе которого стоял епископ Наколийский Константин, родом из Фригии. Его главными помощниками являлись епископ Клавдиопольский Фома, Эфесский архиепископ Феодосий и патриарший синкелл (секретарь, келейник) Анастасий – впоследствии Константинопольский патриарх. Они полагали, будто с уничтожением святых икон исчезнут многочисленные суеверия и Церковь вновь обретет свою духовную чистоту, утраченную вследствие иконопочитания. Их поддержали многие военачальники, и вскоре император был окружен людьми, деятельно подталкивавшими его к активным действиям. Достаточно сказать, что сенат, созванный царем по вопросу об иконах, принял решение об истреблении икон с редким единодушием⁷⁶. Вскоре на стороне иконоборцев стояла значительная часть просвещенного общества, большинство азиатских епископов и войско⁷⁷.

Обратим внимание на это немаловажное обстоятельство – всякий раз, когда перед иконоборческими императорами будет вставать вопрос о возможности допущения тех или иных форм иконопочитания, столичное окружение неизменно начнет выступать против этих инициатив.

Доводы епископов-иконаборцев оказали на царя большое влияние, но, склоняясь к их аргументам, он действовал осмотрительно, не желая форсировать события. Как говорят, внешней причиной, побудившей царя объявить запрет икон, явилось страшное извержение вулкана в 726 г., вследствие которого в Критском море буквально на глазах вырос целый остров⁷⁸. Императора убедили, будто бы это несчастье является знаком Бога, прогневавшегося на византийцев за искажение «истинной» веры и богопочитания. И тогда царь открыто поддержал инициативу азиатских епископов-иконаборцев, предприняв первые шаги по запрету икон.

Но тут довольно неожиданно выяснилось, что издание царского эдикта вызвало серьезные волнения в столице. Пролилась первая кровь после того, как один из офицеров (а это был спафарокандидат – довольно высокий чин, один из близких телохранителей императора) попытался 9 августа 726 г. сбить изображение Спасителя на площади Халки. Он приставил лестницу к стене и, поднявшись, ударил лик Христа топором. Находившиеся рядом женщины немедленно отодвинули лестницу, офицер упал, и его засекли до смерти бичами. Подоспевшие солдаты, естественно, тут же отомстили им, многих убив и ранив⁷⁹. Начались первые казни, ссылки и конфискации имущества лиц, не принявших царской воли об иконах. В качестве ответной меры восточные патриархи анафематствовали столичных архиереев-иконоборцев.

Впрочем, нельзя не сказать, что уже эта история выглядит сомнительной. Ведь можно было бы совершенно обоснованно предполагать, что если это событие случилось из-за попыток императора снять с публичных мест святые иконы, то до нас наверняка дошли бы сведения о других, не менее драматичных столкновениях народных масс с царскими войсками. Но ничего подобного нет. И много оснований за то, чтобы считать если не саму историю у площади Халки вымыслом, то по крайней мере те детали, которые нам живописали последующие хронографы⁸⁰.

Этот инцидент насторожил Льва III, который стал действовать крайне осторожно. Конечно, он не терпел публичного неповиновения и потому обрушил свой гнев на того, кто открыто восстал против его эдикта. Им оказался св. Иоанн Дамаскин – сын знатного вельможи при дворе Арабского халифа, написавшего в 726—730 гг. несколько посланий в защиту святых икон. Можно сказать, что святитель объединил собой тех восточных архиереев, которые выступили против иконоборчества, и император немедленно предпринял ответные контрмеры. Лев III написал в Дамаск халифу письмо, в котором ставил под сомнение верноподданничество св. Иоанна, проживавшего при нем. В результате по приказу араба святому отрубили кисть правой руки – очевидно, чтобы он не мог писать более своих писем. Но по молитвам св. Иоанна Пресвятой Богородице кисть его была возвращена на место и восстановлена⁸¹.

Пожалуй, после Халки это была единственная сцена насилия в отношении конкретного лица. Отдельные неприглядные и даже кощунственные картины, безусловно, случались, но они принадлежат к так называемой группе «эксцессов исполнителей», носили единичный характер и никак не соотносились с волей императора Льва III. Например, во время осады арабами Никеи один воин из отряда зятя императора куропалата Артавазда, некий Константин, бросал камни в икону Пресвятой Богородицы. Как рассказывают, Дева явилась ему в видении и сказала: «Храброе, очень храброе дело ты сделал против Меня! Ты сделал это на голову свою». Когда мусульмане начали обстрел города из метательных орудий, один из камней размозил голову этого солдата – наказание настигло его⁸².

Но и в столице царя ждало разочарование. Первым оппонентом иконоборцам и защитником святых икон выступил Константинопольский патриарх св. Герман (715—730). Он категорически отказался дать свое благословение на истребление икон, и это скрытое противостояние длилось в течение нескольких лет. А на периферии взволновались Афины, жители которых в 727 г. подняли мятеж против царя.

Здесь также приходится делать отступление и чуть более критично подойти к данным протестам и мятежам. Как отмечают исследователи, волнения в Элладской феме были вызваны совсем иными обстоятельствами, и нерв противостояния проходит вдали от вопроса об иконах, чем это повествует Феофан Византиец и другие позднейшие летописцы. Да и история со св. Германом наглядно демонстрирует, что патриарх остался в одиночестве, не поддержанный даже ближайшим клиром.

Было ли это следствием спора об иконах или обуславливалось иными причинами – Бог весть. В любом случае следует сказать, что, во-первых, еще пока не встречается жесткого

вероисповедального противостояния между противниками и сторонниками святых икон. А, во-вторых, царь был далеко не одинок в своей нелюбви к иконопочитанию⁸³.

Но вернемся к повествованию. Жители Эллады, преисполненные чувства собственного достоинства, громко поносили императора как варвара и выскочку, противопоставляя ему «настоящих» царей. А затем выдвинули некоего Косму в императоры, и тот, собрав при помощи флотоводца Стефана и турмаха Агеллиана небольшой флот, отправился в Константинополь. Но в битве под стенами столицы, свершившейся 18 апреля 727 г., мятежники были разбиты. Агеллиан бросился в море и погиб, а головы Стефана и Космы «украсили» стены Константинополя⁸⁴.

В 730 г. Лев III решил созвать совет из 19 человек, на который был приглашен и патриарх. Девяностопятилетний старец явился к царю, но, несмотря на угрозы, не изменил своим убеждениям. Когда император заявил, что низвергает его с престола, св. Герман сложил омофор, отказался от епископства и удалился в Платаниум, откуда был родом. Там он и отдал Богу душу.

Вместо него Лев III назначил столичным архиереем патриаршего синкелла Анастасия (730—754) – лицо сомнительных нравственных достоинств. Он предал своего патриарха, затем, после смерти Льва III, предаст и его дело. Как гласит предание, вызванный некогда по одному делу к царю вместе со св. Германом, Анастасий так спешил, что начал наступать Константинопольскому архиерею на мантию. На это св. Герман пророчески произнес: «Не спеши, еще успеешь поездить по ипподрому». Пророчество сбылось, и спустя несколько лет Анастасий был справедливо обесчещен – об этом мы скажем в следующей главе⁸⁵.

Но еще большие неприятности ждали императора Льва III на Западе, где против его указа ополчился понтифик. Столкновение с Римским престолом началось буквально сразу после получения императорского эдикта. Папа Григорий II отказался выплачивать налоги и подати с Рима и Италии – фактически отверг верховную власть императора над собой. В ответ царь своим указом переподчинил митрополии Эпира, Дакии, Иллирии, Фессалии, Македонии Константинопольскому патриарху⁸⁶.

Это был сильнейший удар по власти и авторитету Римского епископа. Заметим, что передел границ патриархатов произошел не потому, что Лев III был недоволен оппозицией папы – император и не пытался распространить иконоборчество по территории всей Римской империи. Просто он действовал в контексте своей стратегии управления государством. Император к тому времени не имел иного способа контроля над Италией, кроме как из ненадежной Равенны. Но Сицилия и Иллирия являлись провинциями Римской империи, и было вполне логично распространить полномочия Константинопольского патриарха на те территории, где царская власть имела пока еще твердые позиции⁸⁷.

Более того, царь приказал обложить третью часть населения Сицилии и Калабрии поголовной податью, лишил папу налоговых льгот, а доходы от папских владений в Сицилии и Южной Италии изъяс в государственный бюджет⁸⁸. После этого папа разослал по всей Италии воззвание, в котором призывал к восстанию против еретических замыслов императора.

Инициатива понтифика принесла успех: получив его послания, Пентаполис и Венеция заявили о своей поддержке Рима. Возмущением был охвачен Вечный город и все итальянские провинции вплоть до Калабрии. Эти события свидетельствуют, между прочим, о том, что близкое императору иконоборческое окружение ввело его в заблуждение, уверяя, будто запрет на почитание икон повсеместно воспримут положительно. Очень сложно предположить, зная осторожность императора, что Лев III сознательно пойдет на осложнение отношений с восточными патриархами и папой в условиях войны.

Но делать было нечего, и царь попытался использовать классический для Византии способ разрешить богословский спор – созвать Вселенский Собор. Едва ли он задумывал этот шаг еще в 726 г., издавая свой эдикт. Но, желая узнать мнение всей Церкви, а в глубине души

надеясь получить вселенское одобрение своим замыслам, он обратился с этим предложением к папе Григорию II. Однако понтифик ответил категоричным отказом, хотя в этом вопросе царя поддерживал Константинопольский патриарх св. Герман.

Аргументация, приводимая Григорием II, отнюдь не замысловата. «Ты писал, – объясняется Римский епископ с императором, – что следует созывать Вселенский Собор; нам показалось это бесполезным (выделено мной. – А. В.). Представь, что мы послушались тебя, архиереи собрались со всей Вселенной, что восседает уже синклит и совет. Но где же христолюбивый и благочестивый император, который, по обыкновению, должен заседать в совете и чествовать тех, которые говорят хорошо, а тех, которые удаляются от истины, преследовать, – когда ты сам, император, являешься человеком непостоянным и варваром?»⁸⁹

Такой ответ не может не вызвать множества вопросов. Разве Вселенские Соборы всегда созывались при единодушном согласии епископов по спорным вопросам? Неужели папа не верил, что сила Святого Духа, проявленная в соборной форме, способна остановить и вразумить заблудших, в том числе и самого царя? И, как знать, может быть (хотя история и не знает сослагательного наклонения) этот не созванный Вселенский Собор мог изменить ход вещей и уже при Льве III разрешить волнующие Церковь споры? В любом случае едва ли позиция папы выйдет конструктивной. Апостолика можно понять только в одном случае – если он желал получить такой Собор, который примет его волю как безусловную истину. Предстоящая почти наверняка нелегкая борьба и диспуты если и не пугали Римского папу, то по крайней мере били по идее «папской непогрешимости».

Стороны обменялись письмами, дающими большое поле для анализа и представляющие несомненный интерес не только для богословов, но и для исследователей в области церковно-государственных отношений. Надо сказать, Григорий II довольно убедительно раскрыл заблуждения Льва III относительно запрета иконопочитания. Его речь, правда, довольно груба и не всегда учтивая, хотя он неизменно именуется «богохранимым императором и во Христе братом». Более того, ради чести царского титула апостолик отказывается анафематствовать императора: «Мы же, как имеющие право, власть и силу от св. верховного Петра, думали также наложить на тебя наказание; но так как ты сам наложил на себя проклятие, то и оставайся с ним»⁹⁰.

Но дальше, когда речь заходит о более общих, основополагающих вопросах взаимоотношения Церкви и императора, папа явно сбивается с логики, зачастую противореча сам себе, хотя цель его изысканий очевидна – доказать независимость духовной власти от царя и подтвердить свои прерогативы. Он с большим пиететом высказывается в адрес «отца» VI Вселенского Собора императора Св. Константина IV Погоната, приводя интересный отрывок из его послания Римскому епископу. «Я буду заседать с ними (епископами. – А. В.) не как император, и буду говорить не как государь, но как один из них. Мы будем следить за постановлениями архиереев и принимать мнения тех, которые говорят хорошо, а говорящих худо будем преследовать и ссылая в ссылку. Если отец мой извратил какое-либо учение чистой и непорочной веры, то я первым предаю его анафеме». Трудно представить больший аргумент в устах Римского епископа в пользу того, что царь по божественному праву является главой Кафолической Церкви и по достоинству имеет сан, почти равный священническому.

И тут же, как будто до этого речь шла о чем-то другом, Григорий II продолжает: «Ты знаешь, император, что догматы Святой Церкви дело не императоров, но архиереев, и должны быть точно определяемы. Для этого-то и поставлены в церквях архиереи, мужи, свободные от дел общественных. И императоры поэтому должны удерживать себя от вмешательства в дела церковные и заниматься тем, что им вручено»⁹¹. И в продолжение: «Догматы – дело не царей, а архиереев, так как мы имеем ум Христов (2 Кор. 2: 14–17). Иное дело – понимание церковных постановлений, и иное – разумение в мирских делах».

Объединив оба высказывания, видно, что первый тезис совершенно разнится от второго. Более того, пытаясь отстоять свою независимость в делах церковного управления, папа готов отказаться и от вмешательства священства в мирские дела. «Как архиерей не имеет права втираться во дворец и похищать царские почести, так и император не имеет права втираться в церкви и избирать клириков», – пишет он, и это – недвусмысленная атака на старинные прерогативы Римских императоров назначать патриархов, митрополитов и даже рядовых епископов. Обращает на себя внимание и заявленное папой совершенно «теоретическое» положение в отношении якобы традиционного невмешательства Римских епископов в политические вопросы. Если практика Римской церкви что-то и демонстрирует с завидным постоянством, так это совершенно иной образ мыслей, чем тот, который Григорий II приписывал своим предшественникам. Впрочем, он и сам, как мы видели, не устранился от событий, происходивших при нем в Италии.

Завершая изложение своей «теории разделения властей», Римский епископ привел различия между государством и Церковью. Император, как отмечает он, казнит, наказывает провинившихся людей, ссылает в ссылку. Церковь – уврачует их, возвращает к Господу чистыми и непорочными. «Видишь, император, – вопрошает он, – различие между Церковью и государством?»⁹²

Затем апостолик внезапно опять свернул с пути, вспоминая об отвергаемой им «симфонии властей». «Но когда все совершается мирно и с любовью, тогда христолюбивые императоры и благочестивые архиереи, в своих совещаниях, являются одной, нераздельной силой»⁹³. Нетрудно понять, что такая разногласия в двух близких по времени посланиях означает только одно – отсутствие в Риме (пока еще) четко сформулированной доктрины власти папы в Церкви. Основное доказательство на этот счет по-прежнему покоится на старом утверждении, будто первенство апостола Петра мистически перенеслось на Римского епископа, и потому тот является высшим среди всех других епископов. Все остальное – эклектика.

Наконец, в качестве последнего «аргумента» приводится тот незамысловатый довод, что вне зависимости от принятия Львом III слов Григория II он не в силах причинить ему вреда. Предвосхищая возможную месть царя за свои бранные слова, папа открыто угрожает, что за его спиной стоит Запад, все царства которого почитают понтифика своим духовным главой. И стоит только Римскому епископу отъехать на 24 стадии в сторону Кампании, как он станет недоступным для гнева царя⁹⁴.

Совокупно это означает отказ принять царский эдикт, призыв к восстанию, нежелание поддержать созыв императором Вселенского Собора. Понятно, что два гневных послания в Константинополе оценили как открытый вызов. Поэтому император направил в Италию флот. Согласно преданию Римской церкви (впрочем, подлинность которого весьма сомнительна), царь попутно решил физически устранить Римского епископа. Византийский сановник Василий, хартулларий Иордан и иподиакон Лурион получили приказ убить папу Григория II, но их замысел был раскрыт. Василий спасся бегством в монастыре, а его сообщники были убиты народом. Дошло до того, что многие города средней Италии пригрозили избрать на царство нового василевса.

Но тут в дело вмешался сам Григорий II – он понял, что альтернативой Константинополю могут стать лангобарды, а такие перспективы его не устраивали. Ситуация сложилась парадоксальная: из всех итальянских владений Константинополя только Неаполь сохранил верность императору, а Рим и остальные города полуострова не признавали его лично как своего царя. Тем не менее они по-прежнему заявляли

о своей принадлежности к Римской империи, считая одновременно с этим своим единственным защитником Римского епископа. Как справедливо отмечают, именно в эти годы светская власть апостолика в Италии приобрела реальные очертания⁹⁵.

Когда в 731 г. на престол вступил папа Григорий III (731—741), казалось, что конфликт если и не будет окончательно устранен, то по крайней мере смягчится. Император благосклонно признал нового понтифика, всячески демонстрируя ему свое уважение, но папа направил Льву III такое гневное письмо, что кардинал, которого апостолик направил с посланием в Константинополь, отказался доставить его даже под угрозой низвержения из сана⁹⁶.

Чтобы укрепить свои позиции, Григорий III собрал 1 ноября 731 г. Собор в Риме из 93 итальянских епископов, который анафематствовал иконоборцев. Хотя сам император не был отлучен от Церкви, этот факт означал отделение Италии от Римской империи и отказ признать власть Византийского царя. Правда, посланник с соборными актами не доехал до Константинополя: его, как и всех других ходатаев за иконы, император распорядился арестовывать по дороге в Сицилии и отказался вообще читать послания с непокорного Запада.

Двусмысленность политического статуса Рима и Италии хорошо подчеркивает факт приобретения папой Григорием III в 733 г. замка Галлезе в Тусции, выкупленного понтификом у лангобардов. Это владение было присоединено к Римской империи, как неотъемлемая часть ее территории, но папа смотрел на него как на свою вотчину. Как тонко заметил один исследователь, «папы оставляли неприкосновенными установления Римской империи, проявляя в этом величайшую мудрость; свою нарастающую власть в Риме папы маскировали искусными дипломатическими приемами»⁹⁷.

Как ни старался Лев III, ему не удалось ни получить вселенского одобрения иконоборчества, ни умиротворить своих противников. Постепенно военные операции и повседневные заботы государственной жизни заняли его внимание, и до конца дней царь не решился более пытаться навязать новые запреты на почитание святых икон.

Скончался великий император, законодатель и полководец 18 июня 741 г. от водянки⁹⁸. Сказать откровенно, с учетом всех обстоятельств, личность императора Льва III не может не вызывать сочувствия. Безусловно, иконоборчество являлось ошибкой и тяжелым грехом царя. Но, во-первых, он столько сделал для спасения православной империи, «христианского государства», дни которого, казалось, уже были сочтены, что заслуживает большого снисхождения. При всем блеске императорских династий Империи немного найдется царей, способных стать с ним в ряд по тем заслугам, которыми ему обязана Византия. Грандиозность его побед, острый ум, преданность войска и симпатии населения являются лучшими характеристиками личности императора Льва Исавра⁹⁹.

Во-вторых, следует признать, что подавляющее большинство возводимых на него обвинений оказались надуманными или бездоказательными. Конечно, совершенно нелепо утверждение позднейших историков, будто император Лев III сжег церковное училище в Константинополе вместе с преподавателями, учениками и книгами. Царь был сторонником просвещения и, напротив, своих идейных противников считал не вполне образованными людьми. Поэтому он и его сын Константин V усиленно насаждали школы, в которых преподавали сторонники иконоборчества¹⁰⁰.

Совершенная неправда, будто император бил по щекам патриарха св. Германа Константинопольского и публично унижал его. Греки издавна любили преувеличивать значение тех или иных событий, нередко перефантазируя историю, вследствие чего обыденные факты получали совершенно фантастичную интерпретацию. В древние времена сам по себе факт непризнания императором какой-то церковной партии неизменно классифицировался отверженными как «гонения» на Церковь. Поэтому не стоит удивляться, когда летописцы придумывают то или иное событие, чтобы еще более возвысить чей-то подвиг и продемонстрировать чьи-то заблуждения.

Как человек последовательный, Лев III, приняв ложь за истину, шел к поставленной цели, старательно и осторожно избегая возможных осложнений. Если случалось, что, «раздраженный противодействием, Лев позволял себе оказывать давление на чужую совесть, то нужно

признать, что противники его тысячекратно отомстили ему за эту неправду, исказив историю его царствования. Благороднейший законодатель явился пред взорами потомков как самый низкий злодей», – писал один исследователь¹⁰¹.

В этих словах много правды, доказательства которой легко представила история. Когда в IX веке иконопочитание было восстановлено, составилась список мучеников за Православие, пострадавших в годы гонений. И из их числа только 40 человек приходится на период царствования императора Льва III Исавра, причем большинство из них погибло во время известного эпизода на площади Халки¹⁰².

Нередко современники, а еще более потомки, категорично полагали, что после смерти император Лев III Исавр отправился в «огонь вечный», но, справедливо замечают некоторые авторы, суд Божий – не суд человеческий. Даже латиняне, в целом крайне негативно оценивавшие его образ, не отрицают очевидных достоинств императора. Один французский автор писал так: «Лев царствовал со славою. Подданные его любили, сарацины боялись; казалось, само Провидение поставило его на троне, чтобы возратить Империи ее прежний блеск. Выросши в несчастии, которое дает твердую выдержку душам и воспитывает доблести, Лев достиг престола и держался на нем силой своего гения. Он был бы великим государем, если бы не захотел стать реформатором»¹⁰³.

Другой западный автор отмечает, что с воцарением Льва III, словно по мановению волшебной палочки, наступил мир. «Трудно сказать, все ли реформы Льва III были равно плодотворными, но один факт неопровержим: его царствование было для Империи периодом такого процветания, какого она не видела много поколений»¹⁰⁴.

II. Император Константин V (741—775)

Глава 1. Царь и узурпатор

Сыну покойного царя Константину V было 23 года от роду, когда он принял единоличные бразды правления Империей в свои руки. С ранних лет разделяя с отцом тяготы государственного управления и военные лишения во время многочисленных походов, он быстро приобрел богатый опыт правления государством и познал тонкости военного дела, не раз проявляя на полях сражений хладнокровие и мужество.

Между тем в дошедших до нас византийских источниках нет более ненавистного и презренного имени, что не может не вызывать удивления. И до Константина V, и после на императорском троне встречались слабые и даже откровенно преступные фигуры, как, например, узурпатор Фока Солдат. Но победившие через столетие иконопочитатели презрели все заслуги этого выдающего представителя Исаурийской династии и великого полководца, запомнив только, что при нем иконоборчество достигло своего первого пика.

Но «хрестоматийные» оценки сами нуждаются в значительной корректировке как по отношению к Константину V, так и Льву III. Обратим внимание на одно авторитетное мнение, которое нужно иметь в виду при обобщении трудов и характеристике личности этих монархов. «Для современного наблюдателя, – писал известный византист, – проблемы иконоборчества оказались настолько непроницаемыми, и самый тот факт, что в течение целого столетия шла борьба не на живот, а на смерть из-за вопросов религиозного культа, оказался настолько непонятным, что вопреки всем свидетельствам источников иконоборчество было истолковано как социально-реформистское движение. Там, где материалы источников противоречили этому истолкованию, они отвергались с совершенным презрением. Там, где не оказывалось нужных элементов для этой конструкции, они измышлялись»¹⁰⁵.

Остановимся на личности нашего героя. Рассказывают (и эта история может быть в такой же степени легендой, как и реальным фактом), будто сразу после его рождения были явлены негативные предзнаменования будущего царствования. Якобы при совершении таинства Крещения младенец Константин испражнился в святую купель и потому впоследствии получил крайне неблагозвучное прозвище «Копронимос». Понятно, что оно не нуждается в переводе¹⁰⁶. Однако, по другим данным, это обидное наименование на самом деле является поздней перифразой подлинного народного «имени» царя – «Каваллинос» («кобылятник»)¹⁰⁷. Проведя в седле большую часть своей жизни, царь не мог отделаться от постоянно сопровождавшего его запаха конского пота, что впоследствии использовали недруги.

Он был трижды женат, причем не по распущенности, а вследствие смерти первых жен. Первой супругой императора Константина V, как уже говорилось выше, была Хазарская царица Ирина, с которой он венчался в 732 г. От Ирины родился 25 января 750 г. сын, будущий император Лев IV, и дочь св. Анфуса. Второй брак царя с некой Марией был очень скоротечен, и от него не осталось детей. От третьего брака царя с византийской аристократкой Евдокией (он дал ей титул августы только в 769 г.), происходящей из знатной семьи Мелиссинов, родилось пять сыновей: Никифор, Христофор, Никита, Анфим и Евдоким¹⁰⁸. Как можно судить по отношениям, царившим между отцом и св. Анфусой, историю который мы поведаем позднее, император был добрым отцом, умевшим находить общий язык со своими детьми и не насиловавшим их волю.

Он был жестким правителем и не всегда щадил своих врагов – пример пленных болгарских воинов, которых царь отдал на растерзание константинопольской толпе, достаточно красноречив. Но нередко удивлял своим снисхождением к поверженным противникам, если

не видел в них угрозы государству. Позднейшие летописцы-иконопочитатели называли его «беззаконнейшим царем», «всегубительным, безумным, кровожадным, лютейшим зверем», а в народе довлел культ этого императора. Когда уже много после его смерти болгары серьезно угрожали Римской империи, во время богослужения в храме Святых Апостолов народ сорвал с петель дверь в усыпальницу Константина V, ворвался туда и с криком: «Восстань и помоги гибнущему государству!» – припал к его гробнице¹⁰⁹. Когда эпарх города задержал правонарушителей, те утверждали, что двери в усыпальницу отворились сами собой, Божьим провидением – настолько личность императора была популярна в народе¹¹⁰.

Через столетие, когда тема иконоборчества уже оказалась несостоятельной и Церковь сформировала учение о почитании святым иконам, при императорах Македонской династии, желавшим наглядно продемонстрировать ничтожество своих предшественников, тело Константина V было извлечено из гробницы. К великому изумлению всех присутствующих, оно оказалось не подверженным тлению! Хотя по царскому приказу его должны были облечь в новый саккос, но тот не подошел по размеру (очевидно, оказался маловат для габаритов императора-воина), и тогда тело предали огню¹¹¹.

«Каковы бы ни были его личные слабости и пороки, – заключает один историк, – как бы ни была жестока его военная беспощадность, приписываемая ему противниками, во всяком случае, по силе, по политическому смыслу, по стратегическому дарованию и колоссальной энергии он принадлежал к самым выдающимся Византийским венценосцам. Он завершил работу своего отца и в глазах неприятеля вновь окружил свое царство внушительным сиянием, под покровом которого государство в ближайшие затем царствования могло без слишком больших повреждений лавировать среди опасностей. Несколько десятилетий Византия жила политическим капиталом, накопленным Львом III и Константином V»¹¹².

Его называли более талантливым полководцем, чем его отец, чьи победы стали хрестоматийными. «Не спонтанная удача, но острый ум дальновидного стратега, соединенный с большой личной отвагой, позволил ему одержать блестящие победы над арабами и болгарами, которые сделали его кумиром солдат»¹¹³.

Став по праву рождения царем, Константин V и не думал что-либо менять в политике и стратегии своего горячо любимого отца, которому он желал во всем следовать. В то время арабы по-прежнему представляли главную опасность для рубежей Римской империи, и против них он решил начать свой первый самостоятельный поход в июне 741 г.

Благодаря трудам Льва III государство было крепко, армия многочисленна, а власть заслуженно пользовалась авторитетом у подданных. И молодой царь не подозревал, что опасность уже совсем близка. Исходила она от самого ближайшего окружения василевса – зятя покойного Льва III Исавра Артавазда, женатого на его дочери Анне, номинально числившегося комитом и стратигом фемы Опсикия, а в действительности являвшегося куропалатом дворца. Два его сына также занимали высшие ступеньки в иерархии византийской системы управления: один из них был стратигом Фракийской фемы, второй возглавлял фему в Малой Азии¹¹⁴.

Обязанный всем, что имел, покойному императору, Артавазд тем не менее считал себя единственным законным наследником Льва III, игнорируя династические права царевича Константина. В течение года наблюдая физическую слабость и болезнь царя, предвидя скорую смерть Льва Исавра, он плел паутину грандиозного заговора, в который оказались вовлечены многие видные сановники. В силу неведомых причин (хотя, скорее всего, заговор просто еще не был полностью подготовлен) заговорщики не посмели выступить непосредственно в дни скорби по покойному василевсу, но решили сделать это чуть позднее.

Когда Константин V с гвардией расположился лагерем во Фригии в местечке Красс, ожидая прихода остальных войск, «внезапно» взбунтовалась фема Опсикия, провозгласившая Артавазда императором. Царь повелел узурпатору явиться для объяснений, и тот действительно пошел навстречу своему монарху, но... вместе с войском. В короткой схватке погиб

один из близких советников Константина V, служивший еще императору Льву III, патриций Висир, и император внезапно открыл для себя, что противопоставить узурпатору ему нечего. Будучи смелым и решительным, но в то же время очень осторожным человеком, император не стал искушать Бога и перебрался в расположенный неподалеку город Аморий – столицу фемы Анатолика, где у него было много сторонников. Этот город он сделал базой для будущих операций по восстановлению своей власти.

А узурпатор, посчитав партию молодого царя безнадежно проигранной, тем временем направился к Константинополю, где его уже ждали союзники – патриций и магистр Феофан, замещавший царя в государстве во время военного похода, и уже знакомый нам Константинопольский патриарх Анастасий. Их совместными усилиями был распушен слух среди столичных жителей, будто бы Константин V погиб, а все восточные фемы признали Артавазда, как близкого родственника последних императоров, царем. Нет ничего удивительного в том, что константинопольский обыватель поверил столь авторитетным свидетельствам, и вскоре Артавазд был венчан на царство патриархом Анастасием, презревшим и нравственный долг, и правила благочестия, и обычную признательность к своему покровителю, благодаря которому стал архипастырем столицы.

Чтобы окончательно уронить престиж молодого царя, о котором все же вскоре стало известно, что он жив и здоров, патриарх решился на совершенно недостойный поступок. Он поклялся на Кресте Господнем, что своими ушами слышал, будто Константин V отрицал Божество Христа как Сына Бога¹⁵. Конечно, такое заявление сыграло свою роль: как иначе, если сам патриарх назвал Константина Исавра несторианином? Впрочем, зная уже характер этого человека, а также иконоборческую аргументацию сына Льва Исавра, трудно поверить, что он в действительности являлся тайным еретиком.

Вскоре к Артавазду подошло подкрепление в виде войска Фракисийской фемы во главе с его сыном Никифором. Солдаты заняли крепостные стены Константинополя и своим видом отбивали любое желание восставать против нового «царя», даже после раскрытия обмана. А сам Артавазд щедро раздавал государственную казну народу, дабы снискать его благосклонность.

Первое время ничто не угрожало узурпатору и его сторонникам, но затем стали поступать тревожные слухи, свидетельствующие о том, что Константин V вовсе не намерен прекращать борьбу за императорскую диадему и пурпурную обувь. В память о его отце почти все фемы Малой Азии выступили на стороне законного царя, включая флотскую фему Кивириотты, сыгравшую в будущих событиях едва ли не решающую роль. Положение Артавазда сразу стало шатким, и, надеясь вернуть расположение населения и епископов, он пошел на то, чтобы отменить иконоборческие указы Льва III Исавра.

Нет никаких сомнений в том, что это было в буквальном смысле слова «пиаром». Ни Артавазд, ни патриарх Анастасий, ни остальные участники заговора не испытывали к иконам никакого расположения, тем более что сам Константинопольский архиерей взлетел на высший пьедестал духовной власти именно за счет своего иконоборчества. Однако этот расчет оказался не очень точным: то ли столичные жители не видели в церковной политике Льва Исавра никаких опасностей для свободы иконопочитания, то ли не поверили в праведность мотивов Артавазда, но новых союзников он не приобрел.

Тем временем Константин V со своим войском решительно подошел к Босфору и остановился в Хрисополе, но надвигающаяся зима не позволила ему штурмовать Константинополь. Он вновь отошел в Аморий, убедившись на деле, насколько одинок его противник. Эта временная передышка была использована Артаваздом довольно эффективно, хотя и не без ошибок. Пусть его не признавала Малая Азия, но Римский папа в благодарность за отмену иконоборческих эдиктов Льва Исавра посчитал его законным императором (!), о чем и уведомил письменно. Для упрочения власти Артавазд венчал на царство своего старшего сына Никифора,

а второго сына, Никиту, назначил стратигом фемы Армениак, где у него, армянина, имелись сторонники из числа соотечественников¹¹⁶. Однако, как вскоре выяснилось, даже эти меры не смогли реально изменить перспектив будущей междоусобной войны, поскольку Артавазду противостоял воин величайшей отваги и полководец от Бога.

Весной 742 г. Константин V вновь подошел к Константинополю, и здесь открылись три крупных просчета узурпатора. Во-первых, он покинул город, отправившись в фему Опсикия, где неудачным управлением быстро восстановил против себя своих же недавних подданных. Во-вторых, Артавазд не сумел консолидировать свои силы, оказавшиеся разбросанными по стране. Наконец, в-третьих, он не обеспечил Константинополь запасами на случай осады – видимо, не ожидал, что дело может пойти так далеко. Но именно так и получилось.

В том же году при Сардах Константин Исавр нанес тяжелое поражение Артавазду, до сих пор не верившему, что «мальчишка» сможет разбить его, бывалого и опытного воина. Он спешно бежал в Константинополь, а император, не теряя времени, развернул свою армию, догнал сына Артавазда Никиту с армянским войском и в августе 742 г. разгромил его при городе Модрине, что находился в феме Вукеллариев. Несчастье для Артавазда заключалось в том, что хотя самому Никите удалось скрыться, в этой битве пали многие близкие советники и товарищи Артавазда, включая двоюродного брата узурпатора, патриция Тиридата¹¹⁷.

После этих побед Константин V переправился через Босфор и осадил город с суши; а стратиг фемы Фракийская Сисиний во главе флота блокировал Константинополь с моря – столица оказалась в осаде. Вскоре в городе наступил настоящий голод, а попытки Артавазда раздобыть продовольствие и доставить его в Константинополь не приносили успеха. Флот Константина Исавра легко перехватывал суда противника, направляя захваченное продовольствие для нужд своей армии. Осажденные попытались произвести вылазку на сухопутном участке обороны города, но вновь неудачно: Артавазд опять потерпел поражение и лишился своего главного помощника магистра Феофана, павшего на поле брани.

Ввиду опасности голода Артавазд пошел на то, чтобы разрешить выход из Константинопля женщинам и детям, принудительно заставив все мужское население взять в руки оружие. Однако мужчины не желали воевать: многие из них, переодевшись в женское платье или монашескую одежду, пытались выскользнуть из осажденной столицы. Их ловили слуги Артавазда и направляли в строй, что не придавало авторитета узурпатору. Но бывшего помощника Льва Исавра согревала мысль о сыне Никите, который, по полученным сведениям, собрал новое войско и уже подошел к Хрисополю, желая деблокировать Константинополь. Однако Константин V и на этот раз разрушил все планы врага. Не снимая осады, он с частью войска внезапно переправился через пролив, догнал Никиту и вновь разгромил его, захватив сына Артавазда в плен вместе с бывшим епископом города Гангры Маркеллином, служащим в армии узурпатора.

Захваченные живые «трофеи» были представлены императором на обозрение всему городу, но Артавазд перенес и это страшное для себя известие. Оборона продолжалась, и только 2 ноября 742 г. царю удалось ворваться через сухопутную стену в город, из которого срочно бежали Артавазд и его ближайший помощник, тоже армянин, патрикий Вахтанг. Впрочем, далеко уйти им не удалось, и вскоре оба были представлены царю в цепях. Император не забыл патриарху Анастасию его измены и повелел подвергнуть того публичному бичеванию, провезти по ипподрому сидящим на осле задом наперед, а затем ослепить. Поразительнее всего то, что эта измена и унижения не привели к отставке архиерея, который вплоть до своей смерти в 754 г. оставался столичным патриархом¹¹⁸.

Это была великая победа в военном отношении. Константин смог совершить то, что 25 лет тому назад не удалось громадному воинству арабов. С малой толикой войск и в считанные месяцы император взял Константинополь, нанеся врагам несколько поражений.

Радость победы была несколько омрачена страшным мором, охватившим Константинополь, и удивительными явлениями. На одеждах людей, дверях, священных предметах в храмах появлялись изображения креста. Другим людям были видения, будто воины бьются друг с другом. Множество горожан умерло, и даже отсутствовала возможность вывезти их тела на кладбище. Поэтому придумали специальное механическое приспособление, позволяющее подбирать усопших, которых сбрасывали в ямы – так велико было их число¹¹⁹.

Желая пробудить в жителях надежду на лучшую долю, император Константин V озадачился восстановлением городского хозяйства, пришедшего местами в негодность. В частности, он лично пожертвовал на обустройство городского водопровода средства, позволившие привлечь 7 тысяч рабочих; и те за лето выполнили все работы. Вообще же, продолжая традицию отца, царь вел очень скромный образ жизни, направляя все полученные средства на содержание и обновление армии, а также на иные нужды Римского государства.

Глава 2. Победоносный император. Войны с арабами и болгарами

Восстановив свои права на царский трон, Константин V сумел продолжить дело отца, мечтавшего о возврате земель Римской империи, ранее захваченных арабами и болгарами. Надо сказать, время для войны с сарацинами было выбрано очень удачно, поскольку как раз в те годы в Халифате происходила междоусобная война между представителями династии Омейядов – настолько тяжелая, что мусульмане даже не имели возможности воспользоваться противостоянием Константина Исавра с Артаваздом.

Какой-то рок преследовал Омейядов со времени правления надменного и не очень подготовленного к своей миссии халифа Сулеймана. А затем сразу несколько обстоятельств наложились друг на друга, приведя к гибели эту некогда могущественную семью правителей Арабского халифата. Постоянные раздоры между йеменцами и кайситами, северянами и южанами, находившими своих покровителей среди родственников очередного халифа, краткость правления преемников Сулеймана, неизменно сопровождавшаяся сменой внутренней политики, когда в течение 26 лет фактическая власть 5 раз переходила от одной племенной группы к другой, вела к ожесточенным преследованиям и казням некогда самых влиятельных лиц в государстве. Кроме того, в своем сознании Омейяды принадлежали, скорее, к типу государственных деятелей, чем религиозных лидеров. Они заняли довольно умеренную позицию по отношению к лицам, стремящимся перейти в Ислам, но никогда не доходили до крайностей, присущих их противникам из среды сторонников покойного халифа Али, нашедших убежище на Ближнем Востоке.

Но еще большие волнения ждали мусульманский мир при халифе Умаре II (717—720), который не только потерпел поражение от Льва Исавра, но и произвел некоторые перемены в стране, самым негативным образом сказавшиеся на репутации его семьи и состоянии дел в государстве. Будучи религиозным человеком (даже слишком религиозным на фоне своих предшественников), этот халиф решил устранить препятствия для иноверцев к переходу в Ислам, а потому отменил старый закон об обязательной уплате теми специального налога при смене веры. С одной стороны, это был предусмотрительный шаг, приведший в мир Ислама миллионы новых почитателей. Ведь обратная смена веры каралась смертью. Поэтому через 1—2 поколения новый мусульманин, желая того или нет, становился искренним и убежденным последователем пророка Мухаммеда.

Однако, с другой стороны, государственная казна сразу лишилась значительной части средств, источником которых был именно этот налог. Кроме того, желая сохранить старые законы, заповеданные пророком Мухаммедом, Умар II запретил мусульманам приобретать недвижимое имущество, за исключением того, что они присвоили себе ранее в ходе военных

походов. Это вызвало вполне прогнозируемое недовольство арабов, посчитавших свои права нарушенными¹²⁰.

Наконец, желая положить конец раздорам с шиитами, Умар II запретил в 718 г. проклинать имя халифа Али во время пятничного богослужения, как это было ранее. После этого шииты открыто стали исповедовать почитание своих святых и... проклинать Омейядов, погубивших тех.

Когда халифом стал Хишам (724—743), отличавшийся гораздо большими государственными дарованиями, часть нововведений тут же была упразднена. Но и Хишам допускал роковые ошибки. Одна из них заключалась в распространении на африканских берберов возвращенного налога при переходе в Ислам, который ранее взыскивался лишь с иудеев и христиан. Гордые сыны Северной Африки были глубоко возмущены тем, что им, так горячо и искренне принявшим Аллаха, приходится платить позорный (на их взгляд) налог, да еще и поставлять лучших своих дочерей в качестве подарков сановникам в Дамаск.

Поэтому берберы моментально скооперировались с хариджитами, в массе своей скрывающимися от преследований официальных властей в африканских пустынях, и подняли знамя восстания. На всех территориях, ныне принадлежащих Марокко, берберы отказались признавать власть арабов, а вдобавок ко всему отрезали от Дамаска и Испанию, где находились преданные Омейядам части.

Для подавления восстания халиф отправил в Африку корпус во главе с Кулсумом ибн Иядом, не скрывавшим своего презрения к берберам. Но в битве, произошедшей в 741 г., арабы были стерты в порошок полуголыми варварами. По оценкам исследователей, это поражение было сродни гибели арабских войск у стен Константинополя и при Пуатье, сражение, перевернувшее историю Арабского халифата¹²¹.

Это событие тут же нашло отклик на Ближнем Востоке, где в горах Ирана пребывали сторонники покойного халифа Али. После известий о поражении Омейядов в Африке они подняли черное знамя Аббасидов, приходившихся потомками пророку Мухаммеду по его дяде Аббасу. Основные события разворачивались в Иране (Хорасане), куда переселилось более 250 тысяч арабов иранского происхождения под командованием Абу Муслима. Очень быстро тот собрал под своей рукой около 100 тысяч вооруженных воинов, в число которых входили не только арабы-мусульмане, но и персы-зороастрийцы и маздаиты.

В 747 г. была штурмом взята столица провинции Хорасана Мерв, а затем Нишапур. 2 сентября 749 г. сторонники Абу Муслима завладели Куфой, после чего объявили своего вождя повелителем правоверных, амир-аль-муминин, халифом Ислама. Отныне тот стал именоваться Абуль Аббас ал Саффахом («проливающий кровь») – (749—754)¹²².

В Дамаске в это время правил последний Омейяд Марван ибн Мухаммад (744—750). Человек, не лишенный государственных и полководческих дарований, он принял страну в состоянии угрожающего кризиса. Едва вступив на престол, Марван тут же приказал освободить всех лиц, томящихся по приказу его предшественников в темнице, и даже предоставил гарантии безопасности (которые безукоризненно соблюдал) бывшему халифу Ибрахиму ибн Аль-Валиду (744), попытавшемуся узурпировать власть в Халифате.

Однако мятежи в провинциях продолжались. Вначале восстали жители Хомса, затем взбунтовался Дамаск, первые лица которого желали поставить на престол другого претендента. Вслед за ними отказала в верности Марвану Палестина, где Сулайман ибн Хишам, двоюродный брат самого халифа, заявил собственные права на власть. И хотя Марван разгромил брата в сражении, тот бежал в Тадмор, чтобы продолжить борьбу.

Активизировались и хариджиты, которых Марван также разгромил в битве, в очередной раз блеснув военными талантами. На время удалось погасить восстания в Ираке, и правитель его даже отправил в Мосул, где продолжал боевые действия халиф, некоторые подкрепления. Но в 748 г. некто Абу Хамза возглавил восстание в Медине, куда как раз прибыло множество

паломников из числа мусульман-ортодоксов, и целых 3 месяца удерживал город в своей власти, пока его не разбили правительственные войска¹²³.

Но главная опасность, шедшая из Ирана, не была устранена. Одно за другим халиф бросал против Аббасидов войска, но каждый раз его воины терпели поражения. В конце концов он сам решил дать сражение аль Саффаху, но в битве около Большого Заба потерпел поражение и бежал в Дамаск, жители которого отказались впустить халифа внутрь городских стен. Еще некоторое время Марван скрывался в Египте, пока там его не настиг меч палача. Теперь аль Саффах стал единоличным правителем Халифата, и, желая отомстить ненавистным Омейядам, приказал уничтожить всех отпрысков этого племени и даже велел выкопать из земли останки покойных халифов, сжечь их, а пепел развеять по ветру.

Единственный из Омейядов, кто выжил в этой кровавой бойне, стал Абд ар-Рахман ибн Муавия, внук халифа Хишама, который после 4 лет скитаний по Северной Африке нашел гостеприимство у берберов, потомком которых являлся по материнской линии, переправился через Гибралтарский пролив и высадился в Испании. Там осенью 756 г. он был провозглашен эмиром Андалусии, амир-аль-Андалус, найдя союзников среди испанских арабов, среди которых было много выходцев из Сирии и Палестины – на них всегда опирались его предки. Так началась история династии испанских Омейядов, пробывших у власти на полуострове почти 300 лет.

С 755 г. власть Аббасидов в Халифате стала безусловной; им покорились все противоборствующие стороны, наступила новая эпоха, коренным образом изменившая не только мир Ислама, но и внешнее положение Византии. Ненавидя Сирию и сирийских арабов, Аббасиды тут же перенесли столицу Халифата в Багдад, вследствие чего центр политической власти перекочевал со Средиземноморья в сторону Ближнего Востока. Нет, конечно же, Аббасиды не отказались от военных действий на Западе, но все же главный вектор их политики теперь был нацелен на Персию и Индию. Ортодоксальные мусульмане, Аббасиды сразу же сделали ставку исключительно на своих единоверцев, которые заняли все высшие посты в государстве. Это нововведение стало особенно заметно на фоне былой политики Омейядов, охотно пользовавшихся услугами христиан¹²⁴.

Аббасиды не случайно назвали свое правление «Даул», т.е. «новая эра». Отныне и навсегда с главной движущей силой династии Омейядов – сирийцами было покончено. Хорасанцы помогли Аббасидам получить власть, и они стали тем, кем раньше были сирийцы для Омейядов. Изменилась и внутриворцовая обстановка, где также начал господствовать иранизм. За исключением визиря, второй наиболее заметной фигурой при халифе стал... палач (!).

Омейяды никогда не держали штатных палачей при себе, но в соответствии с традициями иранского дворца Аббасиды расположили возле трона кожаный ковер, служивший эшафотом. Тем самым они наглядно показали, что халиф волен в жизни и смерти любого из своих подданных. Внезапные казни и немотивированные жестокости усиливали благоговение перед именем халифа. В соответствии с иранскими традициями при дворе появился также штатный астролог.

Но самым существенным отличием стало отношение новой династии к религии. Аббасиды гордились тем, что привнесли во власть Ислам, о котором, по их мнению, забыли Омейяды. Полагая, что старые арабские святыни и места паломничества отнесены историей на периферию Халифата, они призывали всех знатоков Корана перебраться к ним из Медины в Багдад, представляя им на рассмотрение даже политические вопросы. Казалось бы, победив при помощи шиитов, они должны были благоволить им – ничего подобного. В скором времени хорасанцы стали им неудобны, и в этом отношении помыслы Аббасидов все также были связаны с природными арабами. Тем не менее в течение почти двух веков иранцы находились на привилегированном положении в Халифате, хотя, как мы увидим ниже, не смогли удержаться на высоте своего положения¹²⁵.

Однако исторические события вносили существенные коррективы в политику новой династии. Многочисленные мавлы, пришедшие с победоносной армией, уже не могли считаться мусульманами второго сорта. А утратив монополию на власть, арабы моментально лишились и монополии на веру. Как следствие, болезненная проблема налогового неравенства между арабами и остальным населением сама собой сошла на нет. В отличие от прежних времен, когда все этнические неарабы автоматически считались покоренными народами, Аббасиды допустили широкое участие всех инородцев в политической жизни Халифата при условии принятия Ислама. В основном этим правом воспользовались иранцы, большая часть которых быстро приняла Ислам¹²⁶.

Впрочем, как и при их предшественниках, при Аббасидах отношение к иноверцам было довольно терпимым. И если Сирия, в частности, в скором времени стала почти вся мусульманской, то не за счет принудительной исламизации христианского населения, а путем перехода в Ислам несторианцев, во множестве проживавших на этих территориях. Ортодоксальные же христиане продолжали хранить веру отцов. На других землях в Ислам переходило в основном сельское население, почувствовавшее резкое облегчение налогового бремени. Горожане же по-прежнему в массе своей оставались христианами. И в целом им жилось при Аббасидах совсем не плохо. И не случайно один из Иерусалимских патриархов писал своему Константинопольскому собрату, что мусульманские власти «справедливы, не притесняют нас и не чинят насилия». Поразительно, но когда мусульманская чернь, раздосадованная поражениями своих братьев от византийцев, позволяла себе иногда нападать на христиан и разрушать христианские храмы, халифы неизменно возмещали им причиненные убытки¹²⁷.

Интернационализация Ислама много способствовала его широкому распространению среди других народов. Ислам перестал быть религией исключительно арабов, и современники тех событий быстро поняли произошедшие революционные изменения, связанные с приходом к власти новой династии. Как справедливо полагают, против воли самих Аббасидов Халифат из арабского государства превратился в мусульманское¹²⁸.

Первыми почувствовали на себе смену политики армяне, до сих пор упорно и успешно сопротивлявшиеся любым попыткам их интеграции в Кафолическую Церковь и воссоединению с Византией. Едва получив власть, новый халиф направил своего брата в Армению с инспекцией, где замучил всех жителей насилием и притеснениями, доведя страну до нищеты. Должники, включая священников и епископов, подвергались пыткам и побоям. А князьям были резко уменьшены выплаты за содержание войск, которые они обязаны были поставлять в арабскую армию. Теперь все эти расходы целиком и полностью ложились на их плечи. Отдав последнее имущество, множество армян уходило в Византию под главенство Константина V. Попытка поднять восстание против арабов не удалась. И, спасая свои жизни, более 12 тысяч армянских семейств бежало в Константинополь, где нашли приют у императора¹²⁹.

Но вернемся на театр военных действий. Не дожидаясь, когда враги соберутся с силами, Византийский император еще в 745 г. вступил с войском в область за Тавром и сделал неплохие территориальные приобретения в Сирии. Особая удача заключалась в том, что царю удалось вернуть Римской империи Германикею – родину своих предков, где все еще проживали некоторые родственники Константина V по материнской линии. Теперь их спешно вывезли в Константинополь. Конечно, арабы пытались сопротивляться, но в следующем, 746 году арабский флот был наголову разбит византийской эскадрой у острова Крит, отвоеванного мусульманами еще при императоре Юстиниане II. Отныне это стало новым территориальным приобретением Римского царя.

Но еще более грандиозные успехи ожидали византийскую армию в период с 750 по 756 г., когда арабы терпели одно поражение за другим, не в силах противостоять их полкам. В 751 г. император Константин V вступил в Северную Месопотамию, а затем в Южную Армению. Он осадил ключевой пункт обороны, город Мелитену, и вскоре заставил арабский гарнизон

сложить оружие. Участь Мелитены разделили Эрзерум (Феодосиополь), Малатия и Самосат. Мало-помалу император приблизился к старой Римско-персидской границе, но убедился, что закрепить свою власть на этих землях не в состоянии. Пришлось применить метод «выжженной земли».

Христианское население выселялось в другие фемы по своему выбору (главным образом во Фракию), где оно получало земельные участки и денежную помощь от императора, а мусульманам предлагалось искать другие места для жительства. Подсчитали, что всего император переселил 208 тысяч славян близ реки Артан в северо-западной части Малой Азии и такое же количество сирийцев и армян во Фракии, создав таким способом мощный оборонительный вал против арабов и болгар соответственно¹³⁰.

Укрепления захваченных городов срывались, сами города разрушались, чтобы лишить противника материальной базы для новых операций и денежных поступлений в виде налогов. Как это обычно бывает, успехи римского оружия пробудили симпатии к Константину V со стороны местного населения, особенно в Армении, где у него имелось много сторонников среди местных аристократов¹³¹.

Как замечают исследователи, победы Константина Исавра оказались весьма симптоматичными: времена, когда Византия боролась за собственное существование, ушли в прошлое. Теперь борьба византийской и арабской цивилизаций приняла характер пограничной войны, причем стратегическая инициатива начала переходить в руки христиан. Теперь Империя чаще атаковала, чем оборонялась¹³².

Внутренние неурядицы и постоянные поражения вынудили арабов искать мира, и после этого в течение многих лет восточная граница находилась в относительном покое. Конечно, ежегодно на приграничных землях происходили мелкие военные столкновения, дававшие успех то византийцам, то арабам, но войны не было. Только в 768 г. арабы решились на крупную операцию в Армении, но византийские войска отразили угрозу со стороны арабского полководца аль-Аббаса. В 770 г. действия мусульман были чуть успешнее. Они захватили Германикею, но когда захотели проникнуть дальше, в Малую Азию, соединенные войска трех фем (Анатолии, Армениак и Вукеллариев) дали отпор врагу. Римляне окружили арабов, и тем с великим трудом удалось прорваться домой¹³³. Постепенно граница Византийской империи на Востоке все ближе и ближе подходила к крепостям Даре и Нисибе, восстанавливаясь до тех пределов, в которых существовало Римское государство при императорах св. Феодосии Великом и св. Юстиниане Великом.

Гораздо сложнее обстояли дела на Западе, где довлела болгарская орда, полностью оккупировавшая провинцию Мизию. В отличие от многих своих соотечественников-кочевников болгары определенно проявляли стремление к созданию самостоятельного государства и желание занять истощенные набегами и славянской колонизацией Балканы. Хотя формально граница между болгарами и Римской империей проходила по предгорью Балкан, на самом деле болгары давно, еще при Льве III Исавре, свободно проходили горные перевалы, проникая все южнее и южнее.

Безусловно, это был очень сильный враг, и по вполне понятным причинам Константин V даже не догадывался, что в лице болгар Византийская империя уже столкнулась со стратегическим противником, желавшим либо подчинить себе Римскую империю, либо посадить на Византийский трон своего царя. В специальной литературе много (и вполне обоснованно) пишут о противостоянии Запада и Востока, попытках Франкских и Германских королей выступить в роли преемников славы древних Римских императоров, но мало упоминают, что аналогичные мотивы двигали честолюбивых болгар, столетиями воевавших с Византией. Это противостояние закончилось только в XIV веке, после захвата Болгарии турками.

Отдавая себе отчет в ненадежности отношений с болгарами, Константин V, как только ситуация на арабской границе нормализовалась, начал укреплять западные рубежи на Балка-

нах, построив целую сеть крепостей, эффективность действий которых против кочевых варваров уже давно стала общеизвестной. Ввиду того, что балканские земли обезлюдели, он в срочном порядке переселил сюда армян, сирийцев, взятых в плен в Римо-арабских войнах, а также тех христиан, которые не пожелали оставаться под властью халифа. Однако наибольший процент из числа переселенных на Балканы лиц составили так называемые павликиане – приверженцы специфической христианской секты.

Родоначальник этой ереси, некто Константин, происходил из Самосата и из уважения к святому апостолу Павлу присвоил себе прозвище «Сильван». В 660 г. Сильван основал свою секту в Армении, где она получила большое распространение. Павликиане качественно иначе понимали догмат о Пресвятой Троице, а в Богородице видели лишь простой орган, которым воспользовался Богочеловек, чтобы явиться в мир. Более того, упорные в своей ереси, они утверждали, будто Пресвятая Богородица родила от своего мужа, св. Иосифа, еще нескольких детей (очевидное кощунство), не признавали монашества, постов, таинство Причастия, поклонение святым иконам и вообще изображение креста. Как все дуалисты, павликиане полагали, будто есть два «бога». Один, злой – творец мира; другой, добрый – творец мира будущего¹³⁴.

Когда в 687 г. Сильван был казнен, общину возглавил его воспитанник Симеон, принявший имя «Тит». Эту-то группу, весьма распространившуюся по Малой Азии, и решил переселить на Балканы император, преследуя одновременно несколько целей. В первую очередь он желал освободить из-под влияния павликиан дорогие ему фемы, открыто поддерживавшие его в междоусобной войне с Артаваздом.

Были и более практические соображения: государство действительно нуждалось в рабочих руках, и многочисленная община павликиан могла восполнить дефицит рабочей силы на Западе. Крепко спаянные, они могли успешно противостоять колонизации Балкан славянами и болгарами. Вполне можно допустить, что, отрицая иконы, павликиане не казались верховной власти Византии такими уж «потерянными» еретиками – в крайних случаях, как это нередко бывает, общность интересов находят даже в незначительных нюансах. Кроме того, павликиане «сыграли» на византийских традициях общинного землевладения, согласно которым каждая крестьянская община имела право создавать «свою» церковь и влиять на поставление священников в свои храмы. Но, став на ноги, павликиане открыто начали отрицать официальную церковную иерархию. Как ни странно, но эта ересь, вобравшая в себя зачатки почти всех ранее известных заблуждений, окажется донельзя живучей, и мы еще не раз столкнемся с ее представителями в другие исторические периоды¹³⁵.

Так или иначе, но масштабная операция по переселению павликиан была завершена, что вызвало немалую озабоченность со стороны воинственных болгар. В 755 г. они обратились к императору Константину V с требованием увеличить количество ежегодно уплачиваемой им дани за построенные укрепления и вернуть павликиан на прежнее место проживания. Но Константин V был не тем человеком, который молча спускал такие угрозы, и болгарам был дан категоричный отказ. В ответ они устроили набег, опустошив всю Фракию и дойдя даже до Длинных стен Константинополя¹³⁶.

Реакция царя оказалась молниеносной: в 756 г. он собрал войско, догнал болгар и в жарком сражении разгромил их. Затем император организовал флот, усилил свое войско свежими резервами и отправился с экспедицией на Дунай, где вновь нанес разбойникам страшное поражение. Военная стратегия императора Константина V была смелой и продуманной. Часть византийской эскадры зашла в устье Дуная, оставив врагов в тылу. Высаженный десант во главе с царем разграбил Фракию, а затем направился к городу Маркелл, где собралось болгарское войско.

Как всегда, римляне под руководством этого императора вновь одержали блистательную победу, и болгары срочно запросили мира, выдав в качестве заложников ханских детей. Более того, согласно условиям мирного договора, римляне больше не должны были выплачи-

вать варварам дань – несомненный успех, аналога которому не было уже многие столетия¹³⁷. Так завершился первый из девяти (!) военных походов императора Константина V против болгар.

Последовавшие затем распри между болгарами были объективно на руку Византийскому правительству, которое собирало силы для нового похода против опасного соседа. Весной 759 г., отслужив молебен о даровании победы, царь вместе с воинством двинулся во Фракию, отказавшись на этот раз (и, конечно, напрасно) от услуг флота. Первоначально все шло успешно – римское войско продвигалось в глубь вражеской территории. Болгары благоразумно уклонялись от сражения в открытом поле, прекрасно понимая, что против железных римских полков и тяжелой кавалерии они бессильны. Но когда византийцы вошли в Вырбишскую долину, горы ожили – это болгары расстреливали их из луков и давили камнями, сбрасывая с вершин сверху. Сражение длилось недолго: почувствовав, что удача сегодня не на его стороне, император дал приказ отступать¹³⁸. Хотя фортуна на этот раз выбрала болгар, их хан Винех (756—762) не решился преследовать римлян и подтвердил условия мира.

Затем последовал длительный перерыв в военных действиях, объяснимый внутренними распрями, вновь начавшимися в Болгарии, а также желанием императора и его штаба учесть свои ошибки в предыдущей кампании. Тем временем у болгар появился новый хан Телец (762—764) 30 лет от роду, чрезвычайно агрессивный и честолюбивый вождь. Конечно, первым делом он пожелал поквитаться с врагами своего племени и взять реванш за последние неудачи. Но Константин V не стал ждать врага, а смело пошел ему навстречу. 17 июня 763 г. римский флот числом около 800 кораблей, на каждом из которых были размещены по 12 тяжеловооруженных всадников, вышел из Константинополя и взял курс на город Анхиал. Сухопутное войско двинулось своим путем на соединение с кавалерией.

Поле сражения под Анхиалом, где римлян ждал с 20-тысячным войском хан Телец, представляло собой обширную равнину 25 на 10 кв. км – явная оплошность болгар, легкомысленно предоставивших византийцам возможность максимально эффективно использовать свою знаменитую тяжелую кавалерию. Сломив упорное сопротивление врагов, император к концу дня нанес им окончательное поражение, разметав остатки вражеских войск и взяв громадную добычу. В частности, среди трофеев римлян значились два громадных золотых сосуда весом по 800 литр каждый, отлитых на Сицилии¹³⁹. Это был самый замечательный успех в биографии Римского императора, блестящая и заслуженная победа.

Возвратившись в столицу, император Константин Исавр устроил триумф своему войску. Пленных было так много, что император дарил их победителям конских ристаний на ипподроме. Здесь случился один неприятный эпизод: некоторых болгарских вождей царь выдал толпе, и их просто растерзали прямо на улицах Константинополя. Отзвук от византийских побед прокатился по всему миру. На глазах изумленной Вселенной Римская империя вновь оживала после страшных поражений минувших лет.

Последняя битва завершила политическую карьеру и жизнь хана Тельца, которого убили его же соотечественники. Новым ханом болгар стал Сабин (764—766), против которого Римский царь начал подготовку нового, четвертого по счету, похода. План кампании был просчитан блестяще, римляне собрали громадное войско и имели все шансы на успех в предстоящей войне.

Для начала в 765 г. римляне организовали небольшое наступление на Болгарию, взяли Балканский проход и захватили штурмом один крупный аул – это была разведка боем, преследующая целью выяснить боеспособность врага. Опасаясь нового разгрома, Сабин затеял мирные переговоры, не увенчавшиеся успехом. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает: императорский военный штаб учел все, кроме стихии. Корабли, на которые посадили десант, были буквально сметены страшной бурей, разыгравшейся на море. Солдаты тонули и разбивались об острые камни, на которые волны выбрасывали суда. Тысячи трупов качались

на поверхности моря, и царь приказал сетями собирать своих товарищей по оружию, нашедших гибель в морской пучине. После такой катастрофы наступление не имело смысла, и Константин V приказал войскам повернуть обратно; 17 июля 766 г. он уже был в Константинополе.

Удивительно, но и эта неудача римлян не прибавила болгарам оптимизма, хан которых не переставал направлять посольства в Византийскую столицу с предложениями о мире. Его инициативы вызвали понятное подозрение среди остальных болгар, открыто вопрошавших своего властителя: «Ты хочешь поработить Болгарию римлянам?»¹⁴⁰ Неизвестно, были ли они правы, но, почувствовав опасность, Сабин действительно сбежал от своих соотечественников – вначале в Месемврию, а оттуда в Константинополь. Влияние Византии и страх перед ней были таковы, что болгары не осмелились ослушаться приказа императора Константина Исавра о выдаче его слугам родственников хана Сабина для выезда в Константинополь.

Шло время, римляне восстанавливали свои силы после тяжелых потерь последнего похода, а у болгар переворот сменялся переворотом. Погибли один за другим два выбранных в правители хана, и наконец долгожданный мир с Византией был заключен. Римский царь не только заставил болгар просить мира, забыв о какой-либо дани, но и выступил в привычной для древних императоров роли мирового арбитра, примирив двух болгарских ханов. В самой Болгарии возникла сильная провизантийская партия. На некоторое время Римский император фактически стал полным властителем этой страны, без согласия которого любое крупное политическое событие было обречено на провал.

Однако, почувствовав в 768 г., что долгий мир постепенно «съедает» его стратегическую инициативу, Константин V организовал новый, пятый по счету, поход, оказавшийся практически бескровным; в буквальном смысле слова прогулкой по вражеской территории. Римская армия захватила ханский аул, сожгла его, но, получив известие о том, что болгарские отряды пытаются вторгнуться на римские земли, вернулась в отечество. Конечно, после этого и болгары повернули обратно.

А в Болгарии продолжались «ханские дожди», следствием которых стало избрание правителем варваров хана Телерига (769—777), втайне мечтавшего восстановить свою страну в прежних размерах. Для начала он намеревался напасть на славянское племя велесичей, признававших протекторат Византии, с целью принудительного их переселения в Болгарию для пополнения числа рабочих рук. Но Римский император, имевший разветвленную сеть осведомителей и сторонников в самой Болгарии, своевременно узнал о грозящей опасности. В 773 г. он направил кавалерийские части и флот в Болгарию и, продемонстрировав силу, вернулся обратно, произведя на врага большое впечатление мощью своей армии¹⁴¹.

В это время в Константинополе находились болгарские послы, заверявшие императора о желании Телерига сохранить мир. Убедившись в коварстве болгар, Константин V сделал вид, что поверил им, и уведомил в свою очередь, будто собирается начать поход против арабов. На глазах посланников Болгарского хана на азиатский берег Босфора были переправлены тяжелые осадные машины и воинские знамена выступающих в поход частей. Но когда послы отбыли, царь внезапно организовал второй поход за один год, собрав войска Фракиийской фемы и отдельные кавалерийские части. Судьба этой новой кампании решилась в сражении у Лисофосория, близ Балканских гор. Внезапно напав на болгарский лагерь, византийцы нанесли врагу тяжелейшее поражение, еще более страшное, чем у Анхиала.

Как грамотный и трезвый стратег, император прекрасно понимал, что отдельные поражения не могут сломить болгарский натиск, и потому удовлетворился подтверждением мирного договора и корректировкой границ в пользу Византийской империи. Однако он не мог потерпеть никаких попыток нарушить status quo и потому, как только пришли тревожные известия о новых приготовлениях болгар, организовал восьмой по счету поход на Болгарию в 774 году.

И вновь, как и раньше, стихия активно вмешалась в планы царя. Флот, который должен был взять на свой борт кавалерию, попал в бурю, и римские суда понесли потери. Понятно,

что пришлось вернуть сухопутные войска обратно. Но и эта операция дала положительный результат – если целью кампании являлась демонстрация римской мощи и очередные мирные инициативы болгар, то она была достигнута.

Наконец, в последний год своей жизни, в 775 г., Константин V предпринял девятый по счету поход, не доведенный до конца по печальным причинам. Как всегда, император располагался впереди войска, но внезапно почувствовал недомогание (у него случился страшный внутренний жар), и солдаты на руках отнесли любимого царя, товарища по своим тяжелым и победоносным походам, на императорский корабль, покрытый царственным пурпуром. Когда судно прибыло в Константинополь, император был уже мертв.

Так закончились Болгаро-римские войны Константина V, имевшие важнейшее значение и для судеб Римской империи, и для самих болгар. Впервые за многие десятилетия Византия вздохнула спокойно и перестала опасаться грозных кочевников, от симпатий и антипатий которых зависело само существование Римского государства. Но и для болгар столь тесное сближение с христианской культурой оказалось чрезвычайно плодотворным и перспективным. Уже хан Телериг принял в Константинополе христианство, получил сан патриция и женился на Византийской принцессе. Остальные аристократы Болгарии, приезжая в столицу, впитывали в себя христианскую культуру и римские политические понятия. Не удивительно, что вскоре Болгария предстанет перед историей в качестве нового христианского государства, созданного по византийским лекалам¹⁴².

Глава 3. Положение дел в Италии. «Папская революция»

Как ни блистательно складывались дела на Востоке и на Балканах, существовала проблема, разрешение которой оказалось не под силу ни Льву III, ни Константину V – Италия. При всех блестящих победах над арабами и болгарам Византийская империя явно была не в состоянии деятельно укреплять свое влияние на Западе. Да и какое государство способно успешно воевать сразу на три фронта?

Италия все больше и больше отходила от Византийской империи, живя собственной жизнью и пребывая в поисках новых союзников с близкими для нее интересами. Нередко полагают, будто главной причиной этого процесса стал иконоборческий кризис и осложнение отношений между Византийским императором и Римским епископом. Однако исторические факты свидетельствуют о том, что расхождения между Западом и Востоком во взглядах на святые иконы в те десятилетия имели относительное касание к существу вопроса. И последующее развитие событий можно в значительной степени отнести к практической реализации основополагающих, доктринальных принципов неписаного политического учения Римской кафедры, наложившихся на способствующие внешние обстоятельства.

После смерти папы Григория III престол Римского апостолика уже через 4 дня занял грек Захарий (741—752), родом из Калабрии. Как кажется, он был образованным человеком, и его перу принадлежали переводы с греческого языка на латынь, и наоборот. В юности Захарий перебрался в Рим, где принял монашеский постриг, затем стал диаконом-кардиналом, а потом поднялся на высшую духовную должность в Римской церкви. Его избрание народом и сенатом Рима прошло без утверждения Равеннским экзархом, представителем императора, что красноречиво свидетельствует об уровне авторитета Византийского царя на Западе.

Нельзя сказать, что новому папе досталось поживать на лаврах – угроза лангобардов занять Рим по-прежнему казалась чрезвычайно актуальной. Надеяться на помощь франков не приходилось, поскольку после смерти Карла Мартелла во Франкском государстве началась война между его тремя сыновьями – Пипином, Карломаном и Грифоном при живом, хотя и номинальном, короле из династии Меровингов Хильдерихе III (743—751).

Едва ли можно было всерьез рассчитывать и на Константинополь: после того как папа Захарий попытался сделать ставку на Артавазда, признав того законным императором, всем стало ясно, что Константин V пальцем не пошевелит для защиты мятежного понтифика. Поэтому, взвесив все шансы, папа Захарий начал собственную игру.

Апостолик вступил в переговоры с Лангобардским королем Лиутпрандом, и вскоре между ними состоялось тайное соглашение. В соответствии с ним папа отступился от герцога Тразамунда, недавнего союзника своего предшественника, а король пообещал вернуть Римскому епископу четыре города из владений Империи, ранее захваченных им. С помощью городского ополчения Рима Лиутпранд вскоре победил Тразамунда, воззавшего к его милости и получившего монашеский постриг в качестве способа сохранения жизни, но лангобард явно не спешил выполнить свои обязательства перед Захарием.

Тогда, весной 742 г., папа лично явился к нему в ставку и убедил короля исполнить свои обещания. «Нюанс» заключался в том, что ранее эти земли относились к владениям Римского императора, права которого даже не были озвучены в мирной беседе между понтификом и германцем. Теперь это стало папским владением, согласно хартии, подписанной сторонами по сделке, положенной на алтарь в храме Св. Апостола Петра в Риме. Папа вернулся в Вечный город как триумфатор и убедился, что этот город отныне принадлежит лишь ему одному.

Для Константинополя было большим потрясением узнать, что договор, заключенный между Захарием и Лиутпрандом, являлся сепаратным и не касался византийцев, с которыми лангобарды продолжали военные действия. Правда, папа вскоре реабилитировался перед императором – как только стало известно, что германцы готовят поход на Равенну, Эмилию и Пентаполис, экзарх совместно с Равеннским архиепископом Иоанном обратились к папе с горячей просьбой выступить посредником между ними и Лиутпрандом.

Апостолик с готовностью принял на себя эту роль, но Лангобардский король активно избегал встречи с ним, отказывая папским послам в приеме и явно не желая встречаться с папой, красноречия которого боялся как огня. Но Захарий умудрился все же заставить короля принять себя, когда лично явился в его ставку. И на этот раз король, пораженный умом и монологом Захария, обещал вернуть византийцам все, что ранее завоевал у Римской империи. Он даже согласился подписать с Константинополем мирный договор, а также бесплатно вернул пленных византийцев и итальянцев. Конечно, это была большая дипломатическая победа. К сожалению, ее плодами не удалось воспользоваться в полной мере, поскольку вскоре Лиутпранд скончался¹⁴³.

Эта смерть многое изменила на политической карте Запада. Авторитет духовной власти Римского епископа и лично папы Захария к тому времени был столь велик и безусловен, что этот понтифик фактически распределял королевские троны. Его власть как предстоятеля Римской церкви особенно проявилась в ходе реформы Галльской церкви, случившейся при Франкском короле Карломане (741—747), находившемся под сильнейшим влиянием святого Германии св. Бонифация.

В 743 г. король созвал Собор в Австразии, решения которого папа Захарий охотно одобрил. В преамбуле капитулярия Собора приводятся слова короля: «Именем Господа нашего Иисуса Христа я, Карломан, герцог и князь франков, по совету служителей Бога и моих оптиматов, собрал епископов и священников, находящихся в моем королевстве, чтобы получить от них совет о средствах восстановления законов Бога и Церкви, извращенных предшествующими князьями, и дать возможность христианскому народу спасти свою душу и не быть втянутым в погибель лжепастырями»¹⁴⁴.

В 744 г. папа санкционировал новый Собор в Эстинне, на котором был решен вопрос о ранее секуляризованных церковных землях. Они остались в номинальной собственности Церкви и с тех пор считались прекариями (временными владениями) короля. Главное, что понтифик распространил власть св. Бонифация на всю Франкскую державу, что не могло не

вызвать бурной и негативной реакции самих франков. Их настроения можно понять, если мы учтем, что св. Бонифаций являлся этническим англичанином. Но папа был неумолим...

В 747 г., видимо, не без участия папы, легаты которого оказали сильное влияние на благочестивого и набожного наследника Карла Мартелла, Карломан явился в Рим и пал ниц перед Захарием с просьбой благословить его пострижение в монашеский чин. Едва ли могут быть сомнения в том, что на этот поступок его активно подталкивал брат Пипин, желавший взять власть в свои руки и править единолично. Ему еще пришлось потратить немало усилий, дабы «разобраться» со своим братом Грифоном и могущественными аристократами, но Пипин не страдал отсутствием характера и ума, и эти задачи оказались ему по плечу. После этого распря у франков закончилась, и Пипин (747—768) стал единственным наследником власти своего отца.

Но еще более яркое событие произошло двумя годами позже, когда новый Лангобардский король Ратхис (744—749 и 756—757) повторил поступок Карломана. В 749 г. он нарушил ранее подтвержденный мирный договор, объявил войну Пентаполису и осадил Перуджу, однако затем кардинально изменил свои планы, приняв монашеский постриг и прекратив войну¹⁴⁵.

На этот раз ни у кого не возникло сомнений в том, что отказ от трона могущественного Лангобардского короля произошел под влиянием бесед с ним папы, выехавшего в королевскую ставку и за 2 дня совершившего полный переворот в душе молодого монарха. Но и папе не суждено было прозреть даже самое близкое будущее – брат и преемник Ратхиса, пылкий Айстульф (749—756), решил довести до конца дело своих предков и подчинить себе коварного папу, доставлявшего столько хлопот лангобардам.

Только теперь папа понял, какая опасность нависла над Римом и им лично, и возблагодарил Бога за то, что некогда невольно помог Пипину освободиться от конкурентов. Папа узнал, что энергичный франк, сосредоточивший в своих руках практически всю власть во Франкском королевстве, жаждал приобрести королевский венец, но благоразумно стремился сделать это законным путем. Было очевидно, что физическое смещение представителя древнего рода Меровингов, короля Хильдериха III, было невыгодно: свободолюбивые франки, высоко ценившие свое право назначать королей, могли не признать законности прав Пипина. Благоразумие взяло верх над желанием, и Пипин организовал народное собрание, которое без излишних угрызений совести проигнорировало старинное право передачи верховной власти по наследству, провозгласив первого представителя рода Каролингов, Пипина, своим королем.

Но это было половиной дела. То ли Пипин сам пришел к такому оригинальному решению, то ли выход ему подсказали франкские клирики, имевшие прямую связь с апостоликом, но в 751 г. (по другим данным, в 750 г.) в Рим было направлено посольство к папе Захарию с просьбой освободить франков от присяги Меровингам и узаконить избрание Пипина. Он мотивировал свою просьбу тем, что короли являются лишь по имени властителями франков, на них выписываются хартии и привилегии. А реальной властью обладают мажордомы. Разве это справедливо? – вопрошал Пипин.

Надо отдать должное понтифику – тот моментально оценил всю нестандартность создавшегося положения и попытался извлечь из него сразу несколько выгод. По его мнению, лучше и полезнее, чтобы королем назывался тот, кто обладает в королевстве властью, чем тот, кого «ложно именуют королем» (?!). Папа благосклонно пояснил, что, действительно, источником всякой власти является народ, как это всегда и было в Римской империи, но это «право народа» подлежит узаконению со стороны Римского епископа. А потому поручил (!) франкам провозгласить Пипина королем и возвести его на королевский престол. Так и произошло: Пипин стал королем, а его незадачливый предшественник Хильдерих III был пострижен в монахи и отправлен в монастырь¹⁴⁶.

В известной степени формально папа был прав, поскольку старые римские представления о народе как источнике политической власти не изжили себя до конца даже в Константинополе, не говоря уже об Италии с ее республиканскими традициями. Однако все последующее монархическое строительство в Римской империи уже давно наделило эту идею качественно иным содержанием. Даже в древние времена, когда Италия знала законных царей, соправляющих с императорами Востока, ссылая на народную волю являлась не более чем данью памяти Республике, не имеющей практического значения. Так сказать, один из примеров политического консерватизма, вообще присущего римскому сознанию.

После императора св. Юстиниана Великого и его преемников с их представлениями о Богоустановленности монаршей власти, убежденностью, что Римский царь является источником политической власти любого правителя в любой точке Вселенной, пассаж папы Захария выглядел эклектичным соединением совершенно разнородных и отделенных по времени политических идей, традиций и институтов¹⁴⁷.

Безусловно, такое важное событие не должно было случиться без уведомления единственного носителя законной власти – Римского императора, но папа не спешил советоваться с Константином V, чему были свои причины. Во-первых, он прекрасно понимал, что независимые франки крайне негативно отнесутся к перспективе согласования венчания Пипина на власть с Византийским царем. Во-вторых, при таком сценарии папское участие в деле узаконения прав новой Франкской королевской династии сильно проигрывало в цене и значении. Кроме того, в этом случае его обращение к Пипину о защите от лангобардов уже не выглядело как законное требование к «сыну» защитить «отца», которому он всем обязан. Это становилось просьбой униженного посредника, выполнение которой с железной необходимостью вызывало новые обязательства со стороны папы перед Пипином.

Можно еще долго распространяться на эту тему, открывая все новые и новые нюансы, но для нас в данной ситуации важно другое. В любом случае слова Захария об обязательном узаконении власти короля папой, как неотъемлемом критерии законной власти Франкского монарха, дали начало настоящему политическому перевороту, «папской революции». Уже 300 лет папа не венчал на царство ни одного Римского императора – это давно стало неписаной прерогативой Константинопольского патриарха. А теперь понтифик вернулся к старым формам, которые наполнил молодым вином. По новой версии апостолика, единственным источником власти является он сам, как преемник святого апостола Петра.

Скрыв от императора факт обращения к нему Пипина, папа Захарий направил поручение своему легату, св. Бонифацию, совершить таинство венчания нового Франкского короля. Сам Захарий, скончавшийся 14 марта 752 г., не дождался известий о выполнении своего поручения, перевернувшего старые представления и предопределившего последующие политические события. Но это ничего не значило, поскольку в этом же году Пипин возложил на себя в народном собрании в Суассоне корону Хильдериха, заключив старого короля в монастырь (кстати сказать, по подсказке папы) ¹⁴⁸.

Кончина конкретного папы никогда ничего не значила для Рима, если речь шла о сохранении престижа Апостольской кафедры и реализации тех идей, которые престол Вечного города вынашивал веками. Преемник Захария папа Стефан II (752—757), вступив на трон 25 марта 752 г., столкнулся с теми же проблемами, что и предыдущие апостолики. Пока его предшественник решал вопрос с узаконением прав Пипина, Айстульф захватил Равенну, издав 4 июля 751 г. свой указ с пометкой, что написал его в месте дислокации императорского экзарха. Правда, не желая окончательно разрывать отношения с могущественным Константином V, Айстульф выделил последнему экзарху, Евтихию (728—752), для пребывания Феррару и несколько других городов, находящихся во власти лангобардов. Но несколько позднее, почувствовав себя настоящим преемником Римских императоров, заявил права на всю Италию – что еще можно было ожидать от него при таком развитии событий? Вполне естественно,

его горящий воинственным пылом взор остановился на Риме, без овладения которым претензии называться «королем Италии» выглядели нелепо.

В 752 г. Айстульф организовал поход на Вечный город и папе Стефану II с большим трудом удалось отговорить его от этой затеи. Лангобард заключил с понтификом мирный договор на 20 лет, но через 4 месяца изменил свое решение и потребовал от апостолика выплатить дань, судя по размерам (одна золотая монета в год с человека), очень тяжелую для Рима. Положение осложнило посольство из Константинополя, передавшее папе просьбу императора Константина V принять все меры для того, чтобы мирным путем вернуть Империи те провинции и города, которые были захвачены лангобардами в последние годы.

Ситуация сложилась крайне неординарная: каждая из сторон руководствовалась своими мотивами, к тому же император многого не знал об отношениях франков с Апостольским престолом, а также о реальном положении дел в Италии. Нельзя сказать, что его поручение папе выглядело абсолютной авантюрой – как известно, Константин V всегда отличался трезвым и практичным складом ума и едва ли мог поставить перед Римским епископом заранее невыполнимую задачу. Действительно, уже несколько десятилетий папы, используя силу своей духовной власти по отношению к новообращенным в христианство германцам, включая лангобардов, к месту напоминая, что за ними стоит Римский император, без оружия и сражений умудрялись умиротворять тех и даже получать обратно многие территории, захваченные ими. Почему же в этом случае папе не стоило попытаться счастья? В этом не было ничего сверхъестественного.

С другой стороны, можно было понять и папу: стало очевидным, что император Константин V, занятый войнами с арабами, не имел возможности подкрепить свои просьбы и требования войсками, в которых Рим остро нуждался. Стефан попытался напомнить византийскому правительству, что защита Рима и Италии является его неотъемлемой обязанностью, и получил письменный ответ, но не солдат. Политика всегда исходит из приоритетов, и император имел все основания опасаться в большей степени вечных противников-мусульман, чем германцев-христиан. В условиях дефицита воинских формирований он не решился ослабить давление на арабов и отправить часть войск на Запад, желая в первоочередном порядке вернуть христианские территории Армении и Сирии.

Так или иначе, но Рим оказался беззащитным, и тогда Стефан II воспользовался тем политическим капиталом, который ему оставил папа Захарий. Он тайно отправил с одним пилигримом письмо Пипину, в котором просил того прийти на помощь. Как это уже не раз бывало, последняя мысль выражалась очень туманно, что позволяло интерпретировать слова папы в различных контекстах. В частности, понтифик писал, что, претерпев много зла от короля Айстульфа, прибыл во Францию, где и заболел, да так сильно, что врачи уже не чаяли спасти его. Но, решив отдать себя в руки Божьи, папа воззвал в молитве к Христу, и ему явились святые апостолы Петр и Павел, которые сказали: «Да будешь ты исцелен!» – и в тот же миг апостолик почувствовал, что здоров.

Затем апостолы велели ему прибыть к Пипину и рассказать ему об этом чуде. Было совершенно очевидно, что эта сцена должна была свидетельствовать об особом покровительстве святых апостолов Римскому епископу, и, кроме того, о чудодейственных способностях папы взывать к помощи Неба¹⁴⁹.

Письмо попало в точку: Пипин уже сталкивался с глухим брожением среди своего народа, где не все были довольны узурпацией им власти у древней династии знаменитого Хлодвиг. И Франкский король решил упрочить свое положение, запросив у папы вторичной (!) коронации. Но уже не руками легата, а непосредственно понтифика¹⁵⁰.

И тут папа совершил поступок, совершенно неоправданный с точки зрения конкретной ситуации, совершенно необъяснимый тревогами военного времени и опасностью Риму со стороны лангобардов. Он, согласившись вторично венчать Пипина на царство – абсолютно

неканоничный ход с точки зрения церковного права и традиций, не только вновь не поставил в известность императора Константина V, но и предоставил Пипину титул римского патриция. Как писалось выше, эта инициатива уже при папе Григории III выглядела изменой Римскому императору; не стал исключением и данный случай.

Но Стефан II и не скрывал в близком кругу своих намерений, среди которых можно выделить главные: публично заявить о своей независимости от Византийского императора, а также создать и закрепить практику, при которой источником политической власти будет признаваться исключительно Римский епископ. С обеими задачами Стефан II справился довольно успешно, хотя, очевидно, ни он, ни остальные современники даже не подозревали, к чему приведут эти события.

Впрочем, папа действовал осмотрительно, решив на всякий случай подстраховаться – все же Византийский император был очень опасным противником. Он созвал народное собрание в Риме, которое и приняло нужное для папы решение. Латиняне давно уже смотрели на Константинополь, как на своего удачливого конкурента на политическом и культурном поприще, и не упускали случая напомнить о своих древних правах и свободах. Возможно, они не заглядывали так далеко, желая лишь в очередной раз показать Константину V, что обладают известной долей самостоятельности даже по отношению к нему, своему царю. Объективность требует сказать, что положительное решение горожан явилось также своего рода данью памяти папам Григорию III и Захарию – настоящим спасителям Рима.

Пикантность ситуации заключалась в том, что буквально в это же время в Рим опять прибыли послы от императора Константина V с очередным поручением к папе начать переговоры с Айстульфом о возврате Равеннского экзархата. Достоверно неизвестно, сообщил ли апостол обо всем случившемся представителям императора или нет. Вообще-то трудно предположить, что послы оказались в абсолютном неведении о происшедших событиях, проведя довольно долгое время в древней столице Римской империи. Во всяком случае официально обратной реакции не последовало.

Не исключено, что император, занятый в это же время созывом очередного Собора (он состоится в 754 г.), которому желал придать статус Вселенского собрания, не решился окончательно разрывать отношения с Римом, мнение епископа которого по вопросам иконопочитания игнорировать было совершенно невозможно. Но папа уже почувствовал свою силу и попросту бойкотировал приглашение царя прибыть на Собор или прислать своих легатов. Конечно, все эти события следует рассматривать совокупно.

Заручившись поддержкой населения Рима, папа стал готовиться к поездке за Альпы в страну франков, когда его настиг приказ Айстульфа, категорически запрещающего Стефану II выезд к Пипину. Видимо, до Айстульфа дошла информация об истинных целях поездки апостолика к франкам, и он всерьез озаботился последствиями грядущих событий. Но этот грозный окрик не возымел действия, поскольку папа прекрасно понимал, что лангобард не решится открыто выступить против могущественного Франкского короля. И уже 6 января 754 г. Пипин с почестями встретил папу в замке Понтион. Оба могущественных владыки, светский и духовный, уединились для тайной беседы.

Папа умолял короля защитить «Римскую республику» и Церковь; король без долгих размышлений дал согласие выступить в качестве защитника престола святого апостола Петра. Пипин прекрасно понимал, насколько укрепит его авторитет в собственном государстве и какие возможности таит в себе звание римского патриция и защитника Церкви, которое ранее имелось лишь в титулатуре императора. В свою очередь король напомнил папе о своих пожеланиях и также не встретил отказа.

Заручившись предварительными соглашениями, довольные друг другом, папа и король последовали в Париж. Там 28 июля 754 г. в церкви аббатства Сен-Дени Стефан II помазал на царство короля Пипина, его супругу Бертраду, сыновей Карломана и Карла, взяв с франков

клятву под угрозой отлучения от Церкви избирать наперед королей исключительно из династии Каролингов. Поскольку ни один из Меровингов до этого дня никогда не был помазан на царство священным елеем, авторитет Каролингов среди франков возвысился чрезвычайно¹⁵¹.

Как рассказывают, после этой церемонии между королем и папой был заключен письменный тайный договор. Папа дал обещание и в дальнейшем поддерживать новую династию, а король обязался оберегать Римский престол от врагов. Об императоре в актах договора не говорилось ни слова. Хотя его власть и подразумевалась за строками соглашения, но в связи с тем, что «защитником Церкви», *defensor*, отныне считался Франкский король, роль императора в деле управления Римской церковью автоматически сводилась к нулю.

В качестве благодарности за коронацию Пипин своим дарственным актом отдал, правда, как своему вассалу, «в вечную собственность апостолу Петру и его представителю папе, а также всем его преемникам» Рим, Равенну и прилегающие территории, которые стали основой для создания нового Папского государства. Со стороны папы Стефана II это был, по существу, акт беспрецедентного неповиновения Византийскому императору, попытка примерить на себя те полномочия, которыми исстари владели только Римские василевсы.

Папы и ранее неоднократно в силу необходимости самостоятельно решали вопросы защиты Вечного города от варваров, но, как подданные Византийских самодержцев, обязаны были рассчитывать на их помощь. Теперь же Стефан II признал права Франкского короля на данные территории, хотя тот и передал их папе, как своему вассалу. Отныне любая попытка вооруженного вмешательства Константинополя выглядела уже как открытое посягательство на права Франкской короны.

Ситуация эта любопытна не только с политической, но и с правовой точки зрения. Ни папа, ни Пипин не решались самостоятельно взять то, что составляло предмет их вождельний. Франки не владели той землей, которая «приглянулась» папе и которая по историческому праву принадлежала одной Византии. Папа не имел никакого отношения к вопросу о законности прав той или иной Франкской династии на королевский титул. Но, не являясь правомочными лицами, Пипин и Стефан подарили друг другу то, к чему стремился каждый из них и на что никто из них не имел права. Однако эта ничтожная по своей правовой природе сделка вскоре стала краеугольным камнем в последующих отношениях понтификов с королями Франции и императорами Запада.

При всем коварстве разыгранной интриги казалось, что папа ничего не приобрел в статусе, даже, возможно, потерял. Но понтифик смотрел дальше. Он впервые предоставил политическую власть монарху, стал ее источником. Это было главное, что выиграли папы и что отныне стало главенствующим и культивируемым принципом их взаимоотношений с королями и императорами.

Едва ли папа желал дать Пипину больше власти, чем того требовали условия договора, но, сдвинув в сторону один из столбовых камней Римской цивилизации, он не смог остановить процесс поглощения политической властью прав Римских епископов. Если Франкский король стал преемником Римского императора, овладев Равенной, то к нему естественным образом переходили права Равеннского экзарха утверждать решения Рима об избрании очередного папы. Наверное, такая мысль не приходила на ум Стефану II, когда он договаривался с Пипином, но вскоре ему пришлось столкнуться с новым прецедентом.

Слухи о встрече короля с папой дошли и до Айстульфа, который попытался противодействовать этому опасному для лангобардов союзу. Он срочно вызвал из монастыря брата Пипина Карломана и направил того во Францию в качестве своего посла. Конечно, бедный монах не имел никаких шансов изменить ход событий и даже поплатился за свой визит тюремным заключением. Поскольку на карту было поставлено очень многое, Пипин попросту пренебрег братскими чувствами¹⁵².

В ответ оба союзника направили Айстульф послов, предлагая добровольно передать «собственникам их собственность» – вот так древние имперские владения обрели новых хозяев без какого-либо согласия Константина V на этот счет. Не получив ответа, Пипин перешел через Альпы и в августе 754 г. разгромил лангобардов при Сузе. Лангобардский король просил мира при условии передачи папе всего того, что Пипин обещал ему, и франк удалился обратно на родину, а понтифик под восторженные возгласы жителей Рима въехал в свою резиденцию. Бедный Карломан, находившийся фактически в заключении в городе Вьене со своей матерью, королевой Бертрадой, скончался от лихорадки, не дождавшись победного возвращения своего брата¹⁵³.

Но когда опасность миновала, Айстульф показал, что и ему не чуждо коварство – он объявил папе, что не вернет тому ни одного города из числа ранее обещанных понтифику в присутствии Пипина, и в конце 755 г. организовал поход на Рим. Король лангобардов угадал – франки не горели желанием вновь переходить через Альпы и защищать папу, который опять остался один на один с сильным противником. 55 дней длилась осада Рима, и в отчаянии Стефан II пошел на уловку, позволившую ему добиться помощи от франков. Франкский аббат Вернер, находившийся во время осады в Риме, отвез Пипину 3 письма, два из которых принадлежали папе, а третье было надиктовано ему, как торжественно объявил апостолик, лично святым апостолом Петром. В «своем» письме апостол заявлял, что если франки пренебрегут обязанностью защищать Рим, то будут лишены Царствия Божьего и отлучены от Церкви¹⁵⁴.

Конечно, это был грубый обман, но обман результативный, и напуганный Пипин отдал необходимые распоряжения. Как только весть о готовящемся походе франков достигла Айстульфа, лангобард тут же снял осаду Рима и отправился с войском к Альпам, чтобы помешать продвижению Пипина. Впрочем, вскоре он скончался на охоте по неизвестной причине, вследствие чего опасность для Рима миновала.

В это же время к Стефану II прибыли два византийских посла. Ничего не подозревавший император Константин V вновь просил папу представлять интересы Римской империи перед франками, чтобы те, отвовав Равеннский экзархат у лангобардов, вернули его законному владельцу – Римскому царю. В качестве награды Константин V намеревался признать франков своими подданными и принять на службу (разумеется, на возмездной основе), официально подтвердив права их короля.

В известной степени эта попытка вернуть старые формы отношений между «федератами» и Римской империей имела под собой исторические основания, но совершенно была лишена практического смысла на данный момент времени. Франки уже были столь могущественны, а их политическое сознание настолько высоким, что они с презрением восприняли попытку византийцев поставить себя на одну ступень с варварами.

Замечательно возросшее самосознание франков иллюстрирует вступление к Салическому закону, пересмотренному в 763 г. по приказу Пипина. «Прославленная раса франков, – говорится в нем, – создана Богом, они смелы на войне, надежны в мире, глубоки в своих замыслах, отличаются благородной осанкой и белой как снег кожей, исключительно красивы, отважны, быстры и тверды, франки, обращенные в кафолическую веру, и в варварстве своем были свободны от всяких ересей. Эта раса, ищущая ключ к знаниям по наущению Бога, стремящаяся к справедливости в своем поведении и склонная к милосердию. Те, кто был ее вождями, продиктовали в свое время Салический закон. Именно тогда, благодаря Богу, король франков Хлодвиг, неудержимый и великолепный, стал первым, кто получил кафолическое крещение»¹⁵⁵.

Конечно, если бы император Константин V знал о тайном договоре Пипина с папой, он скорректировал бы свои условия и предложения. Дипломатия – хитрая наука, где нет ничего невозможного, если, конечно, она базируется не на субъективных желаниях, а на строгом и точном расчете; особенно, если речь идет о византийской дипломатии, многократно доби-

вавшейся удивительных успехов в самых безнадежных ситуациях. Теперь же императорские послы с удивлением узнали о договоре 754 г. и о том, что франков в Италию вызвал сам папа, не спросив о том у императора Константина V.

Но делать нечего – царский посол Григорий поспешил навстречу франкскому войску и настойчиво упрашивал Пипина после победы над лангобардами (а в ней никто не сомневался) вернуть Римскому императору его законные земли. Сила имперского сознания того времени была столь велика, что это предложение не выглядело искусственным. Напротив, ответ Пипина о том, что он предпринял свой поход не ради человека, пусть даже императора, а из любви к святому апостолу Петру, преемнику которого Стефану II и передаст все завоеванные земли, означал переворот в государственном праве¹⁵⁶. Григорий вновь направился к папе, заявив протест против столь беспрецедентного нарушения прав Римского царя, но Стефан II игнорировал его претензии.

Как обычно, у Пипина слова не расходились с делом, и уже летом 756 г. Айстульф сложил оружие, осажденный франками в Павии. Будучи верным своему слову, Франкский король отдал просимые Стефаном II города и территории папе, заявив, что они отданы Римскому епископу не как духовному лицу, а как признанному главе города Рима и Римского герцогства. Следствием этого стало образование нового Папского государства. Пусть это был не формальный акт признания суверенитета Римского епископа, но очень важный политический прецедент, с которым теперь приходилось считаться и Константинополю. Таким образом, 756 г. стал переломным в ходе мировой истории.

Несомненно, Римской империи и имперской идее в целом был нанесен тяжелый удар. Но человек не может знать, к чему приведут его не вполне нравственные с точки зрения морали поступки, пусть даже совершенные из лучших побуждений. И начало политического возвышения Римского епископа стало концом чистоты его до сих пор безграничной духовной власти.

«Эпоха собственно епископская, пастырская – самая прекрасная и наиболее достойная эпоха Римской церкви – была окончена. Церковь стала светским институтом; сочетание пастырство с королевской властью в противность евангельским основам и учению Христа, папы уже не могли блюсти чистоту апостольского сана. Заключавшая в себе самой противоречие, их двойственная природа увлекала их все больше и больше в честолюбивую политику; ради того, чтобы сохранить за собой свои светские права, папы по необходимости должны были вмешиваться в деморализующие распри, в междоусобные войны с городом Римом и бесконечную борьбу с той или другой политической властью. Возникновение одного церковного государства не замедлило пробудить алчность всех других церквей, и с течением времени каждое аббатство и каждое епископство было охвачено желанием стать независимым священническим государством»¹⁵⁷.

С полным правом считая себя отныне правителем бывших императорских владений, Стефан II не учел, что город Рим лишь с большими оговорками признает понтифика своим главой. Вечный город – не то место, где легко забывали о правах и свободах, поэтому в Риме сохранился и сенат, и народное собрание. И вскоре преемники Стефана II убедились, что открыли «ящик Пандоры»: в течение многих столетий три начала будут кроваво состязаться друг с другом, нанося одну рану западному христианству за другой – муниципальное право римского народа, монархическое начало и право апостолика на Рим. «Священное» право папы оказалось лишенным всяких оснований, вследствие чего уже в ближайшие годы Римский епископ неизменно встретится с сопротивлением различных городских партий и будет искать защиты у Франкского короля, чтобы отстоять свои прерогативы или просто подтвердить законность собственного избрания.

После смерти 24 апреля 757 г. папы Стефана II разыгрались первые баталии, когда одновременно возникли две кандидатуры на вдовствующую Римскую кафедру. В конце концов был избран брат покойного понтифика Павел I (757—767), встретивший резкий протест со сто-

роны жителей Рима, которые отнюдь не были готовыми увидеть вместо привычного духовного отца светского государя в рясе.

Павлу ничего не оставалось делать, как обратиться к Пипину с просьбой, дабы тот утвердил его избрание. Папа в довольно унижительных выражениях приводил все новые и новые доводы, иллюстрирующие законность своего избрания, и Пипин отправил римскому народу письмо, в котором просил сохранять верность своему господину, то есть понтифику. Из этого следовал малоутешительный для Римского епископа вывод: чтобы апостолики признали папу своим господином, тому самому следует признать Франкского короля своим сюзереном¹⁵⁸.

Внешние события не позволяли рассчитывать на то, что этот неприятный для Рима протекторат когда-нибудь исчезнет: презрев прежние обещания Айстульфа, новый король лангобардов Дезидерий (756—774) вновь попытался расширить свои владения за счет Папского государства, и Павел опять просил помощи у Пипина. Поскольку Дезидерий смог занять свободный трон «по рекомендации» осторожного Пипина, предпочитавшего иметь лангобардов под рукой в качестве управляемых союзников, дело удалось уладить¹⁵⁹. Через посредничество послов Пипина в 760 г. был заключен мирный договор между Римским епископом и Лангобардским королем, державшийся исключительно на страхе Дезидерия перед могущественными франками. Болонья, Феррара, Имола, Фаэнца, Анкона оказались в руках папы; как сказано в документе, «возвращены» ему.

И тогда папа вновь начал тонкую игру, попытавшись искать помощи у Римского императора. Воспользовавшись тем, что на Востоке иконоборчество приняло тяжелые формы, он направил письмо императору Константину V, в котором предлагал царю отказаться от преследования иконопочитателей и привел свое мнение о причинах возникшего отторжения Константинополя от Рима, где никакой вины императора не усматривается.

«Греки, – писал он, – преследуют нас только потому, что мы остаемся верными ортодоксальной вере и держимся благочестивых преданий отцов; греки же горят желанием уничтожить и то и другое». Иными словами, по мнению понтифика, василевс был ввергнут в заблуждение своими коварными подданными. И смена религиозной политики немедленно вернет отношения между царем и папой в старое русло.

Разумеется, все это было игрой: в письме ни словом не упоминается история с Равеннским экзархатом, будто ее не было вовсе, и власть Римского императора над Италией никем не оспаривается. Но когда вдруг выяснилось, что взбешенный поведением Римских епископов император Константин V отдал поручение готовить поход на Италию, папа немедленно обратился к Пипину с просьбой посодействовать в получении помощи против византийцев со стороны лангобардов (!). Так сказать, открыто перебежал на другую сторону.

Франкскому королю Павел передавал все корреспонденции, полученные им от Константина V, поэтому тот был в курсе всех планов византийцев. В свою очередь и император узнал об очередной измене со стороны папы, а потому отменил уже подготовленный поход: против объединенных сил лангобардов и франков он оказывался бессильным. Едва миновала эта опасность, как вновь возникли территориальные споры между Римом и лангобардами, которые решил трехсторонний мирный договор 761 г. между папой, Пипином и Дезидерием¹⁶⁰.

На время *status quo* был восстановлен, но вскоре, уже в 771 г., Римские епископы почувствуют, что их опасения в цезаропапизме со стороны Византийских императоров были преувеличены. Новый Франкский король Карл Великий (768—814) продемонстрирует им такое понимание взаимоотношений королевской и церковной властей, что папы еще долго с сожалением будут вспоминать о минувшей эпохе, когда власть, закон и вера находились под защитой одного человека – Римского императора.

Осторожный и последовательный, как и его отец, Карл Великий терпеливо выжидал выгодного ему развития событий. Когда в 772 г. Дезидерий вдруг решил освободиться из-под опеки франков и перешел в наступление, захватив Феррару, Фаэнцу, Комаккью, блокиро-

вал Равенну, Пентаполис и Рим, Карл вторгся в пределы Лангобардского государства, внимая просьбе папы Адриана (772—795). Правда, не желая обострять отношения среди франкской аристократии, где довольно сильны были прлотарингские взгляды, Карл для проформы дважды предлагал Дезидерию заключить мирный договор, но успеха не имел. На что, надо полагать, он изначально и рассчитывал.

В 773 г. сильная франкская армия направилась к Альпам, где лангобарды усиленно охраняли перевалы. Увы, это им не помогло: Карл возглавил отборный отряд воинов, совершив с ними обходной маневр. Полагая, что им грозит окружение, лангобарды спешно отступили к Павии, надеясь на сильные стены этого города. Оценив мощь укреплений, Карл не стал терять времени и, оставив заслон, с основными силами устремился к Вероне, которую без большого труда вскоре взял штурмом.

Затем Карл Великий отправился в Рим, куда прибыл 2 апреля 774 г., как раз в Страстную субботу. Там он, демонстрируя глубокую веру, пешком прошел к Латеранскому дворцу, где располагался ожидавший его папа, и облобызал каждую ступень лестницы, ведущей наверх. Как гласит Предание, именно по ней Христос поднимался к Понтию Пилату на допрос, а затем, уже при христианских императорах, лестница была разобрана и отвезена в Рим. Затем Карл своей грамотой расширил перечень владений, дарованных понтифику, и положил один из экземпляров дарственной на алтарь в храме Св. Петра¹⁶¹.

Вскоре пала и Павия, жители которой были истощены осадой и голодом. Вместе с городом в руки Карла попал Дезидерий со своим семейством. Недолго думая франк отправил Дезидерия в заключение, короновал себя в качестве Лангобардского короля, обязав новых подданных принести ему присягу на верность. Судя по текстам «*Liber pontificalis*», волнение от минувшей опасности не помешало папе воспользоваться восторгом Карла от пребывания в Риме и получить более трех четвертей Италии – гораздо больше, чем раньше ему выделил Пипин¹⁶².

Но тут Карл Великий «вспомнил», что носит титул «римского патриция», а, следовательно, является главой этого города и сюзереном Римского епископа¹⁶³. Уже в скором времени король будет именовать себя «*Patricius Romanorum, Defensor Ecclesiae*» («патриций Рима, защитник Церкви»), нисколько не сомневаясь, что в церковном управлении ему принадлежат те же права, что и Римскому императору¹⁶⁴.

Позднее, в 781 г., Карл учредит для своего сына Карломана королевство Италию, заставив папу освятить это нововведение, резко ограничивающее права понтифика на полуострове. И узы дружбы, связавшие короля с папой, не помешали Карлу выделить тому лишь малую толику тех благ, что он обещал Апостольскому престолу в 774 г.¹⁶⁵

Эти перипетии учитывали в Константинополе при формировании внешней политики. Как расчетливый и опытный политик, император Константин V прекрасно понимал, что, во-первых, союз Рима и франков долговечен, а, во-вторых, может быть только враждебным Византии. Возможно, он надеялся по окончании Болгарской кампании всерьез заняться делами на Западе. Формальный повод для войны дал сын свергнутого с трона короля Дезидерия, принц Адельхис, сбежавший из Павии и прибывший в Константинополь за помощью. Но честолюбивые замыслы Константина V не реализовались¹⁶⁶. Византия окончательно утратила Италию, пока еще фактически, а вскоре, при ближайших преемниках Константина Исавра, и политически.

Глава 4. Иконоборческий кризис. «Вселенский» Собор 754 года.

При всех военных и внешнеполитических успехах императора Константина V (за исключением, конечно, Италии) его царствование справедливо характеризуются как первое, по настоящему серьезное гонение на иконопочитателей; и, безусловно, не без оснований. Впро-

чем, вначале император оставался в рамках той церковной политики, которую исповедовал его отец. Занятый восстановлением собственных прав на царский престол и войнами, он не имел свободного времени для разрешения наболевшего вопроса церковной жизни – отношение к иконам. Но, как это часто случалось и ранее, желание или нежелание конкретного императора вмешиваться в догматические споры мало что значило, если Церковь оказывалась на грани раскола вследствие неопределенности ответа по дискуссионным богословским вопросам.

Не стало исключением, как мы вскоре увидим, и иконоборчество. После многолетних попыток уничтожить почитание святых икон император Константин V умирал, зная, что иконопочитатели существуют во множестве в его государстве. И, наоборот, уже вскоре после VII Вселенского Собора, восстановившего иконопочитание, выяснилось, что иконоборчество отнюдь не преодолено и Византийскую империю захлестывает вторая волна этой ереси. Церковь должна была «переболеть» очередным заблуждением, чтобы, раскрыв его ложность, сформулировать для себя истинный догмат. Однако, как и от любого другого императора, от Константина V церковное общество ждало твердого выбора и поддержки какой-то определенной богословской позиции. И царь сделал свой выбор, в данном случае, увы, ошибочный. Он поддерживал иконоборцев и со свойственной ему энергией предпринял все возможное для победы выбранной им партии.

Расположение императора к иконоборчеству вполне понятно и объяснимо. Рано начав управлять государством вместе со своим отцом, он с юности впитал азы того учения, которое сформировал иконоборческий кружок епископов, приближенный к бывшему императору. Ввиду того положения, которое сложилось в Церкви, отказ сына от церковной политики отца неизбежно был бы воспринят обществом, как признание просчетов Льва Исавра в церковной политике. А прагматичные византийцы не прощали таких ошибок. Узурпаторство Артавазда, прошедшее под знаменем восстановления иконопочитания, во всех деталях показало, что отступать, собственно говоря, Константину V просто некуда. И с присущей ему решительностью и последовательностью царь пошел вперед.

Наверное, гипотетически рассуждая, еще сохранялась возможность изменить позицию царя, если бы восточный епископат категорично высказал свое несогласие с иконоборчеством, но он сам оказался расколотым на различные партии. Кроме того, насколько позволяют судить исторические события, в массе своей архипастыри, причем самые активные, стояли именно на стороне иконоборцев, что только укрепляло царя в своем, к сожалению, ошибочном мнении.

Но вместе с тем едва ли можно согласиться с тем, что, созывая в 754 г. «вселенский» Собор, император стремился прикрыться официальным согласием священноначалия для гонения на иконопочитателей. Безусловно, подготавливая это собрание, Константин V вольно или невольно способствовал формированию «правильной», по его мнению, богословской точки зрения и не без удовольствия встречал сообщения о том, что повсеместно епархии выступают против икон. Зная его твердый характер, можно с уверенностью сказать, что царь вполне мог обойтись и без этих прелюдий. Но император действительно желал узнать мнение Церкви, и на нем строить свою вероисповедальную политику, хотя наверняка его личные пристрастия лежали в области иконоборчества. К сожалению, созданный им Собор лишь укрепил царя в мысли о еретичестве иконопочитания.

Более того, Константин V проявил недюжинные способности и деятельно озадачился богословским обоснованием иконоборчества – этому вопросу посвятил несколько собственных сочинений. В ответ на замечательную защиту иконопочитания в трудах святого Иоанна Дамаскина Константин V развил христологическую аргументацию, не лишенную интереса.

По существу, иконопочитателей и иконоборцев объединяло одно: и те и другие считали невозможным изобразить Бога, Божественное Естество и Божественную Сущность. Вполне разделяя эту точку зрения, император полагал, что изображение одновременно человеческого и Божественного естества на иконе является «чистой воды» монофизитством, слиянием двух

естеств (природ) во Христе. Если же почитатели икон не претендуют на слияние двух природ, изображая два естества Богочеловека на иконах, то тогда, следовательно, считал василевс, они неизбежно впадают в несторианство. Ведь очевидно для всех, позднее напишет Константин V, что в этом случае они разделяют два естества Спасителя, а это и составляет отличительную черту несторианства¹⁶⁷.

Конечно, существо спора не исчерпывалось только христологическим аспектом, но для себя Константин V Исавр уже пришел к окончательным выводам и более не собирался уходить в сторону. Если он убедился в том, что почитание икон – ересь, то и боролся с ней, как с любой другой ересью: жестоко и последовательно. А в силу специфики своего характера, закаленного в войне и борьбе, будучи последовательным во всем, чего касалась его рука, он вскоре занял сторону крайних, наиболее непримиримых иконоборцев.

Впрочем, уточним, много доводов за то, чтобы признать основным предметом раздумий императора не столько само учение о почитании святых икон и формах этого почитания, а защиту от того натиска, который был повсеместно организован монашеством. Именно оно стало первым врагом царя, и именно с ним василевс активно боролся. Сам же запрет почитания святых икон был довольно неопределенен и совсем не категоричен¹⁶⁸.

Итак, едва внешние обстоятельства предоставили такую возможность, царь вернулся к самому злободневному вопросу церковной жизни, желая противопоставить мятежному монашеству соборную волю и решение первоиерархов Церкви. Как раз в 754 г. умер Константинопольский патриарх Анастасий и царь увидел в этом некое знамение, решив предоставить вдовствующую кафедру самому достойному лицу по итогам заседаний Собора, созвать который он задумал уже давно как «Вселенский».

Конечно, василевс мог самостоятельно, как ранее делали до него другие Римские цари, назначить столичного архиерея. Но, во-первых, он вспомнил, как некогда на Вселенских Соборах присутствующие отцы избирали новых патриархов на вдовствующие кафедры, и решил реанимировать эту практику. А, во-вторых, ему хотелось убедиться, что новый кандидат будет разделять его взгляды, чтобы он получил в лице патриарха не оппозицию, а верного помощника. А это можно было сделать лишь во время соборных обсуждений. Но планам царя не дано было реализоваться в полном объеме.

Рим открыто и буднично, как отмахнувшись рукой, проигнорировал предложение императора прислать своих представителей на Собор. Александрия, Антиохия и Иерусалим, находясь в руках арабов, не имели физической возможности направить своих патриархов, а без них ни один подчиненный архиерей не мог оказаться в Константинополе. Оставался только столичный патриархат, всех епископов которого император пожелал видеть на созванном им собрании. На организацию Собора ушел почти год, в течение которого царь деятельно интересовался мнением местных епархий по существу тех вопросов, которые он вынес на обсуждение архиереев. Всего по приказу царя на Собор собралось 338 епископов – число, сравнимое разве с Халкидоном.

Царь озаботился материальным содержанием епископов и тем, чтобы Собор прошел в максимально удобной для них обстановке. Епископам предоставили императорский дворец Иерия на азиатском берегу Босфора между Хрисополем и Халкидоном. Там они заседали с 10 февраля по 8 августа 754 г., а затем переехали во Влахернский дворец императора, в Константинополь, где 27 августа приняли окончательный орос и выбрали нового Константинопольского патриарха Константина (754—766), епископа Силейского¹⁶⁹. Председателем Собора стал митрополит Феодосий Эфесский, сын бывшего императора Тиверия III. Ему деятельно помогали такие мощные «тяжеловесы», как митрополит Антиохии Писидийской Василий Трикоав и митрополит Пергии Памфилийской Сисиний Пасилла.

Как известно, время не сохранило для нас деяний этого собрания – они были сожжены после VII Вселенского Собора. Однако в шестом деянии указанного Собора приведен орос ико-

ноборческого собрания 754 г., позволяющий немного раскрыть смысл сказанного его участниками против святых икон и понять аргументацию иконоборцев. В тексте ороса следует различать догматическую и «прикладную» части, причем догматика является вполне православной. В этом легко убедиться из доклада Григория, Неокесарийского епископа на VII Вселенском Соборе, где тот зачитал догматическую часть иконоборческого ороса.

«Кто не исповедует согласно апостольским и отеческим преданиям в Отце и Сыне и Святом Духе одно и то же Божество, естество и существо, хотение и действие, силу и господство, царство и власть в трех ипостасях или лицах, – анафема. Кто не исповедует Единого из Святой Троицы, то есть Сына и Слово Бога Отца, Господа нашего Иисуса Христа, родившимся от Отца прежде веков по Божеству, а напоследок дней спешшим с Небес нашего ради спасения, воплотившимся от Духа Святого и Марии Девы и от Нее родившимся непостижимо ни для какого понимания, – анафема», и так далее.

И диакон Епифаний, один из участников VII Собора, так сформулировал мнение присутствовавших Отцов: «До сих пор мыслят согласно с творениями Святых Отцов, или лучше, усвоив себе отеческие мнения, приписали их себе»¹⁷⁰. Можно не обращать внимания на колючесть слов – в пылу полемики стороны часто переходили границы дозволенного, максимально уничтожая своих противников.

Иное дело – «прикладная» часть, посвященная святым иконам. В сжатом виде постановление 754 г. звучит так:

1) Дьявол, научивший людей служить твари вместо Творца, по ненависти к роду человеческому, спасенному Христом, под видом исповедания христианского учения незаметно ввел идолослужение;

2) Но Сам Христос воздвиг «подобных апостолам верных наших царей», которые созвали Вселенский Собор. Мы рассмотрели вопрос о чествовании икон, согласно ли оно с учением предшествующих шести Вселенских Соборов, и нашли, что употребление икон противно основному догмату христианства, учению о Лице Богочеловека, и, следовательно, ниспровергает все шесть Вселенских Соборов;

3) Чествующие иконы впадают или в несторианство, или в монофизитство. Изобразить неизреченную тайну единения двух естеств во Христе невозможно, следовательно, икона Христова по самому существу дела невозможна;

4) Но, более того, она не нужна: ни Христос, ни апостолы, ни Отцы не заповедовали чествования Христа под видом иконы; и нет молитвы, претворяющей икону, как предмет, вышедший из рук обыкновенного живописца;

5) Если изображение Христа по догматическим основаниям признано не нужным, то не нужно изображать Богородицу и святых;

6) Писать иконы Богоматери и святых при помощи низменного эллинского искусства представляется делом оскорбительным. Изображение есть продукт язычества и отрицание воскресения мертвых;

7) Употребление икон запрещено в Святом Писании;

8) Должна быть отвергнута всякая икона, изготовленная из всевозможного вещества и писанная красками преступным ремеслом живописцев.

Но затем неожиданно следует совершенно удивительный по своей непоследовательности канон:

9) «Вместе с тем постановляем, чтобы никто из предстоятелей Церквей не дерзал, под предлогом устранения икон, налагать свои руки на посвященные Богу предметы, на которых есть священные изображения. Кто желает переделать их, пусть не дерзает без ведома Вселенского патриарха и разрешения императоров. И из светских властей и подначальных мирян пусть под этим предлогом никто не налагает рук на храмы Божьи и не пленяет их, как это бывало прежде от некоторых бесчинников».

Совершенно очевидно, что это правило направлено против тех крайних иконоборцев, которые не стеснялись налагать руки на церковное имущество, секуляризируя его под видом борьбы с иконопочитателями.

10) «Если кто замыслит представлять Божественный образ Бога Слова, как воплотившегося, посредством вещественных красок, вместо того, чтобы от всего сердца умственными очами поклоняться Ему, превыше светлости солнечной одесную Бога в вышних на престоле славы сидящему – анафема».

Соборный орос имел большой резонанс в Константинопольском патриархате. Многие были удовлетворены аргументацией епископов на Соборе и охотно приняли ее¹⁷¹. И в этом была своя логика, поскольку собрание 754 г. не являлось сугубо еретическим. Оно осудило, строго говоря, только идолопоклонство, а не почитание икон. Вторым каноном Собора запрещалось изображать Божество Христа, но никто из истинных почитателей икон и не посягал на такое святотатство. Они лишь изображали Его образ, в котором Спаситель явил Себя миру, то есть человеческий образ Бога. Главные ошибки Собора 754 г. заключались в том, что, найдя ущербным идолопоклонство, он вообще запретил иконы. А, кроме того, анафематствовали самых интеллектуальных защитников иконопочитания, диспуты с которыми (пусть и заочные) могли открыть глаза на многие заблуждения: св. Германа, патриарха Константинопольского, св. Иоанна Дамаскина и св. Георгия Кипрского¹⁷².

Иконоборцы в соответствии с восточными магическими представлениями считали, что если образ возможен, то он должен быть тождествен своему оригиналу. Поэтому единственно возможным образом Христа они провозгласили Святую Евхаристию. Напротив, почитатели икон полагали, что образ не тождествен своему оригиналу, отличается от него. Так что с самого начала между иконопочитателями и иконоборцами наблюдалось отсутствие общей лексики и понятий, они как бы говорили на разных языках и потому с трудом понимали друг друга.

Как всегда, когда Священное Писание и Предание не давали прямых ответов на поставленные вопросы, участники соборных собраний стремились опереться на святоотеческую традицию. И те и другие отождествляли любую новацию (вне зависимости от того, шла речь о догматике или о канонических вопросах) с плохим. «Иконоборчество плохо, потому что оно вносит новое учение в Церковь», – говорили почитатели икон. Но то же самое говорили и иконоборцы, признавая почитание святых икон неким новшеством в Церкви и изо всех сил пытаясь найти в свою пользу аргументы не только из Писания, но и из Предания. Впрочем, впоследствии Церковь подтвердила, что многие аргументы иконоборцев на Соборе 754 г. были фальшивыми или излишне широко, а потому ошибочно толкуемыми¹⁷³.

Пожалуй, это – главный (и сознательный!) грех, который можно поставить в вину участникам Собора. Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов резкое падение интеллектуального (по сравнению с прежними временами) уровня епископата, а также в целом богословия и догматики. Участники иконоборческого Собора легко принимали аргументы, зачитанные из карточек, а не из книг, некоторых авторов вообще не знали (!), только о них слышали, иных толковали крайне тенденциозно¹⁷⁴. Например, аргументом из Нового Завета стали слова святого апостола Иоанна: «Бога никто же видеть не может» (Ин. 1, 18) – совершенно очевидно, что таким «доказательством» вопрос о почитании икон разрешить было невозможно.

Таким образом, Собор сформулировал «окончательное» определение об иконах, как того желал Константин V. Вместе с тем нужно отметить, в своих трактатах император-иконоборец шел значительно дальше, чем готовы были пойти члены созванного им Собора. Как отмечают, в богословии императора Константина V явно проявляются монофизитские тенденции, которые Собор всячески устранил из объявленного им официального иконоборческого учения. По некоторым данным, впоследствии император даже дошел до того, что вообще воспретил почитание святых, святых мощей, а также Божией Матери. Если это правда, то совершенно очевидно, что Собор 754 г. не санкционировал таких определений.

Насколько верны эти сведения, трудно судить ввиду незначительности сохранившегося материала. В частности, по мнению других исследователей, весьма маловероятно утверждение отдельных летописцев, будто бы император открыто и публично отрицал Богородицу, признавая ее, как некогда ересиарх Несторий, только Христородицей. Это слабо сочетается с личностью царя, очень осторожного и далеко не глупого человека, едва ли позволившего себе публично высказывать (даже если он разделял эти мысли) сомнительные или ранее анафематствованные Церковью суждения в широкой аудитории. Похоже, что эту и сходную с ней истории выдумали последующие иконопочитатели, темпераментно искавшие примеры недостойного поведения царя.

Бесспорно лишь одно – сразу же после Собора начались гонения, и гонения действительно ужасные, не сравнимые с теми, какие встречались ранее. В первую очередь император потребовал от всех своих подданных принести присягу над Телом и Кровью Христовой, Крестом и Святым Евангелием, что никто из них не будет поклоняться иконам. Затем, приняв сторону крайней иконоборческой партии, Константин V использовал всю мощь государственного аппарата для реализации принятого на Соборе решения. Однако первоначально война с болгарами не позволила императору сразу же заняться искоренением икон, и только в 761 г. и последующее затем десятилетие он выступает в качестве злейшего врага иконопочитателей и, конечно, монашества. Именно монашеское сословие явилось первейшим защитником святых икон, и царь не простил им этой фронды¹⁷⁵.

Открытая борьба против монашества началась с громкого дела св. Стефана Нового, который в ответ на нежелание царя признавать изображенный лик Спасителя на иконе с Его образом бросил монету с портретом самого императора на землю и стал топтать. Ведь если между ликом и самой личностью изображенного человека нет никакой связи, сказал святой, то и топтание портрета царя не является оскорблением василевса. Так «на практике» он доказал Константину V неправоту его позиции, хотя сам царь и не признал своего поражения.

Уже находясь в столичной темнице, св. Стефан встретил там 340 монахов с вырванными носами, отрезанными кистями рук и носами, лишенных зрения. Но это было только начало. К сожалению, ослепленный своей ненавистью к монахам, император доходил до ужасных крайностей, ранее невиданных. Так, в августе 765 г. он согнал множество монахов на столичный ипподром, построил мужчин и женщин попарно, а присутствовавшие зрители плевали им в лицо и кричали царю, что больше этой «ненавистной расы» в Империи нет.

Конечно, эту картину нельзя отнести к достижениям Константина V, но, как верно замечают, нам, людям другого времени и иной уже (увы!) цивилизации, трудно понять мысли и категории мышления той эпохи. Византия жила Церковью, и царь – защитник государства с полным правом мог претендовать на то, что все его приказы исполняются беспрекословно. Абсолютно убежденный в еретичестве иконопочитания, уверенный, что именно это «заблуждение» приносит столько бед духовному здоровью его народа, он боролся с противниками теми же средствами, что с арабами и болгарами, нисколько не сомневаясь, что действует во благо. Когда монах Андрей Каливит назвал царя «новым Валентом и Юлианом», Константин велел засечь того до смерти на ипподроме. Но уже за оскорбление царского достоинства, что тоже не ново.

Однако еще больше императора старались в гонениях на иконопочитателей некоторые его сановники. В 766 г. император направил военачальника Михаила Меллисина в фему Анатолику, а Михаила Лаханодрокон – в Фракийскую фему. И здесь Лаханодрокон в полной мере проявил себя: он неистовствовал, согнал в Эфес всех монахов и монахинь провинции и объявил им распоряжение. Согласно его приказу, монахам предлагалось либо расстричься и жениться, либо подвергнуться ослеплению и быть сосланными на остров Кипр. Многие иноки приняли мученический венец, но другие выполнили приказ «Дракона», как называли втайне стратига фемы¹⁷⁶.

Ненавидя иконы, император делал все, чтобы истребить их повсюду. Сжигались «опасные» сочинения, закрашивались фрески в храмах, в книгах вырезались иконы святых и изображение Спасителя. Как говорят, Константин V предпринял и некоторые меры против поклонения святым мощам, хотя Собор 754 г. ничего противного этому не высказал. В частности, царь приказал закрыть чтимый в Халкидоне храм Святой Мученицы Евфимии, где заседал IV Вселенский Собор, а сами мощи утопить в море (по счастью, они чудесным образом сохранились до наших дней). Сам храм он велел переделать в арсенал.

Первыми помощниками царю стали многие епископы, коим очень досаждала независимость монахов и монастырей, среди которых были весьма состоятельные обитатели. Но чем грубее велась борьба, тем больше сочувствия у населения вызывала пролитая праведниками кровь. И еще более теплый прием ждал их в Италии, куда монахи во множестве бежали в поисках спасения. Их радостно принимали понтифики, а папа Павел I даже подарил греческим монахам-эмигрантам собственный дом и основал в нем монастырь Святого Сильвестра. Как говорят, всего эмигрировало около 50 тысяч человек. Дошло до того, что во всей Фракийской феме нельзя было встретить ни одного монаха¹⁷⁷.

По счастью, борьба с монашеством и с иконами велась далеко не систематически и уже потому не дала тех результатов, на которые мог рассчитывать император. Но, как только она затихала, происходили внутренние события, вновь пробуждавшие гнев царя и его желание бороться с иконопочитателями, которые все для него являлись потенциальными предателями и заговорщиками. Конечно, Константин V не забыл заговора Артавазда, которому так доверял его отец и на которого в начале своего царствования надеялся он сам, собираясь на войну с арабами. Теперь же очередной заговор при дворе, раскрытый по счастливой случайности в 765 г., возбудил в царе новые подозрения.

Во главе заговора стоял Константинопольский патриарх Константин, которого император своими руками поставил на кафедру, а также 19 высших сановников Римской империи. Главными из них являлись: патриций Константин, логофет дрома, спафарий и domestik экскувитов Стратигий, стратиг Сицилии Антиох, комит Опсикия Давид, стратиг Фракии Феофилакт. Обоснованно можно предположить, что их подвигла на заговор церковная политика императора, поскольку, по словам летописца, «с этого времени он впал в лютейшее неистовство против святых Церквей».

Справедливости ради следует сказать, что история эта полна множества тайн. Так до конца осталось неясным, почему император не решился казнить верхушку заговора, велел только выставить их на ипподром для всеобщего обозрения. Когда же этот слуга, некто Никита, самовольно приказал отрубить головы двум братьям, Константину и Стратигию, император пришел в негодование и приказал высечь чересчур активного исполнителя своей воли. Остальные осужденные были ослеплены, но остались жить. По некоторым данным, они долго содержались в темнице, причем им ежегодно давали 100 ударов плетью, разбив это число на дни года¹⁷⁸.

Особенно унижительным пыткам подвергся первоиерарх столицы, до последнего времени верно служивший царю и разделявший мысли того в отношении святых икон. Но теперь с него был сделан особый спрос. Патриарха заключили сначала в темницу дворца Иерия, а затем перевели в Принкино. 16 ноября 766 г. на его место по приказу царя был назначен Никита (766—780), славянин по происхождению и евнух. Выбор царя был не случаен: как чужеземец, не имевший корней в византийском обществе, он стал послушным орудием императора, во всем покорный его воле.

А опального архиепископа ждали новые мучения. Дело «19 вельмож» уже полностью завершилось, были получены новые данные, и патриарх, вина которого считалась полностью доказанной, подвергся телесным наказаниям, после которых уже не мог передвигаться самостоятельно. Его вернули в Константинополь, где в присутствии народа новый архипастырь сто-

лицы зачитал перечень преступлений своего предшественника, а асикрит наносил каждый раз шлепок бывшему архиерею по лицу. Затем того отлучили от Церкви, как клятвопреступника, а на следующий день обрили наголо, посадили верхом на осла задом наперед, одели в лохмотья и целый день возили по ипподрому под крики и улюлюканье толпы.

Последний диалог императора с бывшим помощником не лишен исторического интереса. Через специально посланных патрициев царь спросил у Константина: «Что ты думаешь о нашей вере и о Соборе, который мы созывали?» Экс-патриарх ответил: «Ты прекрасно веруешь, и прекрасно созвал синод». – «Мы только и хотели это услышать из скверных уст твоих, – был ответ, – теперь ступай во тьму кромешную, под анафему!»

Что на самом деле хотел услышать царь, задавая этот вопрос, и почему он вообще его задал? Очевидно, не из праздного любопытства. Возможно, заговор, во главе которого стояли его самые близкие и преданные сановники, породил в душе Константина V сомнения в правильности выбранной им церковной политики. И кто знает, ответ свергнутый патриарх иначе, может быть, эти сомнения царя обратились бы в реальные действия? Через 3 дня бывшего патриарха Константина публично обезглавили, его тело повесили на площади Милия, а затем бросили в ров, где обычно погребали преступников.

При всех жестокостях того времени в отношении иконопочитателей было бы преувеличением говорить о массовых казнях и терроре. Из всех вождей Православия только один погиб мученической смертью, растерзанный в 768 г. толпой иконоборцев, – св. Стефан Новый¹⁷⁹. Святой мученик, не соглашавшийся отречься от поклонения иконам, много времени провел в темнице, но не поддался уговорам царя. Однажды на пиру император заметно для всех опечалился, и на вопрос присутствовавших сановников: «Кто тот враг, что печалит царя?» – ответил: «Не я царь, а Стефан!» Святого вывели из темницы на улицу, где толпа народа и солдат буквально растерзала его на части, которые затем побивались камнями¹⁸⁰.

Нельзя сказать, что церковная политика императора встретила повсеместное сочувствие. Конечно, Константинопольский патриархат в целом был за иконоборцев – сказывалась обычная привычка прихожан подчиняться духовному авторитету своего епископа, но в других патриархатах ситуация разворачивалась не в пользу определений Собора 754 г. Было изначально понятно, что Римский епископ не примет соборного ороса, и действительность не обманула самых худших ожиданий Константина V.

Правда, занятые собственными проблемами, папы Захарий, Стефан II и Павел I решили за лучшее не оказывать открытого сопротивления, но, безусловно, использовали иконоборчество на Востоке для укрепления своего авторитета среди франков. Папы не собрали ни одного Собора, как это почти всегда случалось раньше, и апостолик даже не удосужился направить императору письмо с выражением собственной позиции. Как ни странно, но первая инициатива исходила от Франкского короля Пипина, который в 767 г. созвал собрание в поместье Гентилиаке и назначил Собор по этому же вопросу. Как можно понять, папа Павел I играл далеко не первостепенную роль в обсуждении, хотя в этом же году он скончался¹⁸¹. И только в 769 г. папа Стефан III (768—772) организовал Латеранский собор, где помимо низложения антипапы Константина (767—769) были отвергнуты определения иконоборческого Собора 754 г.¹⁸²

Впрочем, негативная реакция Запада на иконоборческий Собор вовсе не была вызвана исключительно догматическими соображениями. Вообще, как нередко отмечают, Западная церковь всегда относилась к иконам гораздо прохладнее, чем Восток. Рим в лице своих епископов традиционно полагал, будто икона имеет, скорее, педагогическое значение. Икона – это книга для неграмотных или же для иноземцев, она помогает сосредоточиться в молитве, но не более того. Конечно, такое учение ущербно по своей сути, неполно с православной точки зрения, потому что, как учит Кафолическая Церковь, через икону молящийся вступает в общение с тем, кто на ней изображен. Следовательно, икона имеет не только психологическое, но

и метафизическое значение. Икона, хотя и отличается от своего первообраза, однако она причастна ему¹⁸³.

Но с практической точки зрения сам факт поддержки Римом иконопочитателей был с глубоким восторгом воспринят в Александрийском, Антиохийском и Иерусалимском патриархатах. В 763 г. Иерусалимский патриарх Феодор (735—770) отправил своим собратям на Востоке и в Рим синодику, где изложил несогласие с церковной политикой императора. А в 764 г. все три восточных патриарха – Феодор Антиохийский (757—797), Феодор Иерусалимский (735—770) и Косма Александрийский (731 – после 767) с подвластными им архиереями в День Пятидесятницы (13 мая 764 г.) по прочтении Евангелия торжественно анафематствовали епископа Епифании при Сирийской (2-й) Апамее Косму по прозвищу «Комантин», захватившего священные сосуды¹⁸⁴.

Печально, но под конец жизни великому полководцу было суждено увидеть ничтожность своих церковных деяний. Все его гонения не сломили сопротивления монахов, Рим открыто пренебрегал им, остальные восточные патриархи оставили своего Константинопольского собрата в глубокой изоляции. Стало очевидным, что второй период иконоборчества захлебнулся в крови мучеников и пошел на убыль. Повсеместно возникали легенды о чудотворениях икон, первая из которых появилась уже во времена патриаршества Константинопольского архиерея св. Германа. Так, по одному преданию, отправляясь в изгнание, св. Герман взял с собой икону Спасителя. Подойдя к берегу моря, он положил икону на волны, и вскоре ее принесло к Риму, где сам папа Григорий III по откровению Божьему нашел святыню. Едва он хотел взять икону в руки, как та сама взмыла в воздух и предалась в руки понтифика. Немедленно был организован Крестный ход, и чудотворная икона с величайшим почтением перенесена в храм Святого Апостола Петра в Риме, где и осталась на хранение¹⁸⁵.

Переходя в вечность, мучаясь от страшных болей, царь, по словам летописца, громко кричал, что заживо предан адскому огню за свое неверие в Пресвятую Богородицу. Если это известие и правдиво – а есть много оснований сомневаться в том, зная, как изображали позднейшие иконопочитатели Константина V, то царь своевременно покаялся, прося перед смертью всех присутствующих лиц молиться Богородице за спасение своей души¹⁸⁶.

Хочется верить, что Господь не презрел его труды на благо отечества, свидетельством чему является ниспослание императору помощника и ходатая в другой жизни. В этом отношении интересно отметить один важный исторический факт, на который не всегда обращают внимание. В тех случаях, когда волей заблуждений или обстоятельств отдельные представители каких-то императорских династий впадали в грех ереси, Господь неизменно посылал этим царям святых семейных молитвенников. Не стала исключением и Исаурийская династия.

Дочь царя св. Анфуса (759—811) с детства отличалась благочестием и христианским смирением. Будучи царевной, она надевала царскую одежду, под которой, однако, ее тело покрывала власяница из конского волоса. Отец не раз желал выдать ее замуж, но св. Анфуса категорически отвергала любые предложения на этот счет. Видимо, император настолько любил ее, что не посмел настаивать на отказе дочери от поклонения святым иконам. Когда Константин V Исаур скончался, шестнадцатилетняя девушка приняла монашеский постриг, став монахиней Омонийской обители.

Перед этим царица св. Ирина, о которой речь у нас пойдет далее, неоднократно предлагала ей разделить с собой высшую власть в Римской империи, но св. Анфуса неизменно отказывалась. Став монахиней, св. Анфуса поражала всех своим смирением. Она, порфирородная царевна, служила всем сестрам монастыря, носила воду, убирала храм, во время общей трапезы никогда не присаживаясь со всеми к столу и прислуживая другим. Скончалась св. Анфуса 12 апреля 811 г. в возрасте 52 лет¹⁸⁷.

А сам император умер 14 сентября 775 г. в возрасте 57 лет, найдя покой в храме Святых Апостолов в Константинополе рядом с могилами своих предков.

III. Император Лев IV Хазар (775—780)

Глава 1. Иконоборцы против почитателей икон

После смерти Константина V Римский престол достался по праву рождения его сыну от первого брака Льву IV, оставшемуся в истории с прозвищем «Хазар» – указание на этническую принадлежность матери, императрицы Ирины. По примеру своего отца Константин V желал приобщить сына к опыту государственного управления, и ему многое удалось передать отпрыску. Кроме этого, ввиду беспокойного внутреннего положения дел в Римском государстве в 751 г. царь венчал на царство младенца Льва и признал того императором.

Но, обладая многими достоинствами, 25-летний монарх не унаследовал от отца крепости характера и самостоятельности в принятии решений. Некоторой нерешительности императора, ошибочно принимаемой за слабохарактерность, способствовала сложная ситуация, сложившаяся во дворце. Судя по жизнеописанию сестры Льва IV святой Анфусы, с юности мечтавшей о монашеском постриге и являвшейся верным товарищем самых заклятых врагов ее отца, император Константин V отличался редкой толерантностью по отношению к своим домашним. А среди них присутствовало много умеренных иконоборцев и даже открытых иконопочитателей. Поэтому его сыну пришлось постоянно лавировать среди самых близких ему людей, чтобы, с одной стороны, не уронить чести отца, не дав повода признать политику того ошибочной, с другой – делать то, что никак не хотелось.

Уже мать царя, известная своим благочестием, не сочувствовала политике мужа и, по крайней мере, пыталась привить сыну более терпимое отношение к иконам. Еще более запутанной стала ситуация в самый разгар преследований иконопочитателей, когда в 769 г. отец женил Льва на 17-летней афинянке святой Ирине и в декабре того же года венчал ее титулом августы.

Достоверно неизвестно, почему выбор императора пал именно на св. Ирину, но, видимо, невестка пользовалась расположением царственного свекра. Это было тем более неожиданным, что святая Ирина отличалась от своего мужа твердостью характера и не скрывала своего почтительного отношения к иконам¹⁸⁸. Однако пикантность ситуации заключалась в том, что в большой семье покойного Константина V имелись другие претенденты на царский трон. Так, еще до замужества св. Ирины августой уже являлась третья супруга Константина V Евдокия. А оба его сына от третьего брака, Христофор и Никифор, получили титул цезарей, то есть по сложившейся традиции напрямую претендовали на будущее императорство. Третьего сына от Евдокии, малолетнего Никиту, Константин V наградил саном нобилиссимуса («наисветлейший»)¹⁸⁹.

Совершенно очевидно, что братья Льва IV не считали его права на царский престол абсолютными. А потому по совету жены, имевшей на императора безоговорочное влияние, тот немедленно решил укрепить свое положение щедрой раздачей денег народу и войску. Опасаясь междоусобных столкновений, василевс резко увеличил численность воинских частей, расположенных в столице. Наконец, и этот шаг также без всяких сомнений был подсказан супругой царя, Лев IV демонстративно отказался от гонений на монахов и других почитателей икон. Более того, он возвел в митрополиты наиболее авторитетных епархий игуменов монастырей и простых монахов. Напротив, в пику императору и св. Ирине братья царя решили снискать симпатии войска, иерархов и сановников тем, что заявили себя преемниками иконоборческой политики покойного царя.

Но в итоге победа в дворцовой войне досталась императору – в апреле 776 г., в Страстную неделю Великого поста, ему удалось венчать на царство своего малолетнего сына Констан-

тина VI. Тем самым он сильно ослабил династические претензии своих единокровных братьев. История эта также не лишена интриги. По заранее подготовленному сценарию к василевсу явилась представительная делегация от народа и войска. Они обратились к императору с горячей просьбой венчать на царство первенца. Затем была разыграна сцена, наверняка заранее продуманная святой императрицей. Лев IV сделал вид, что не желает царствования сына: «Он у меня единственный, и я боюсь исполнить ваше прошение, боюсь сам общей участи человечества; а вы воспользуетесь его слабым возрастом, умертвите его и выберете другого». Но делегаты начали убеждать царя, что никого иного не признают царем, кроме его сына, даже если вдруг, не дай Бог, Лев IV внезапно умрет. Целых 5 дней длились переговоры, наконец в Великую пятницу царь дал долгожданное согласие. В этот день войско принесло присягу на Кресте Господнем, а за ним сенаторы, представители сословий и граждане подписали письменную присягу.

Однако, как и следовало ожидать, эта инициатива встретила сопротивление со стороны других детей Константина V. И Льву IV на следующий день, 14 апреля 776 г., в Святую субботу, пришлось в присутствии двух цезарей и 19 ближайших сановников, Христофора и Никифора, признать титул нобилиссимуса за другим своим единокровным братом, Евдокимом. Только после этого император в сопровождении свиты, со своим маленьким сыном, торжественно прошествовал в храм Святой Софии. Переменив одежду и встав по обыкновению на амвон, он позволил начать праздничную церемонию. За принятием Святых Даров войско повторно принесло письменную присягу царевичу, а затем Лев IV произнес: «Вот, братие, исполняю ваше прошение и даю вам в цари моего сына; вот вы принимаете его от Церкви и из руки Христа».

В ответ послышалось громогласное: «Поручись за нас, Сыне Божий, что мы от руки Твоей принимаем господина Константина в цари, чтобы охранять его и умирать за него». На другой день, в Святую Пасху, ранним утром царь вместе с патриархом вышли на ипподром, где архиерей совершил молитву, а царь венчал своего сына на царство. После этого император вместе с братьями проследовал в храм Святой Софии, причем императрица св. Ирина шла сразу после мужа и сына впереди цезарей и нобилиссимусов.

Впрочем, мир во дворце продлился недолго: уже через месяц от описанных событий, в мае 776 г., были арестованы брат царя цезарь Никифор, несколько оруженосцев, постельных и других близких сановников по подозрению в измене. Одни полагали, будто это дело рук императрицы, другие считали, что в действительности Никифор что-то злоумышлял против царственного брата. Лев IV созвал тайный совет, на котором его советники презрели клятву покойному Константину V не обижать царских детей и вынесли приговор удалить их из дворца, предварительно подвергнув телесным наказаниям. Император так и поступил: всех арестованных высекли, остригли и сослали на край земли (по тем понятиям, конечно), в Херсонес¹⁹⁰. После этого интрига прекратилась, и Лев IV мог считать свое положение стабильным.

Несколько слабовольный в деле защиты собственных прав, император, однако, перенял многие таланты своего отца как военачальника. Уже в 777 г. ему пришлось столкнуться с новой агрессией со стороны болгар, у которых поменялся очередной правитель. А это создало сложную политическую интригу. Как известно, некогда хан Телериг нашел прибежище в Константинополе, где сам царь, став восприемником варвара от святой купели, женил того на Ирине, двоюродной сестре императрицы, оказав тем самым болгарину великую честь. Нет сомнений, что дела христианского благочестия в данном случае тесно переплетались с политическими расчетами: власть нового хана Кардама (777—803) была очень ненадежной и вполне возможно, что при благоприятных обстоятельствах Телериг вновь мог претендовать на ханство в Болгарии. Кроме того, женив на болгарине свою сестру, императрица обеспечила ей в случае реставрации власти Телерига статус царицы соседнего государства.

В 778 г. императору пришлось уже всерьез озаботиться защитой восточных границ Византийского государства. Некоторое время Империя могла спокойно дышать, поскольку даже могучие Аббасиды оказались перед тем неприятным фактом, что их Халифат разди-

рают сепаратные и религиозные движения. Огромные пространства и чрезмерная централизация Арабского государства привели к тому, что правители многих провинций решительно не желали признавать над собой чью-либо верховную власть.

В Северной Африке господствовал Ислам в форме хариджизма, нашедший верных почитателей среди свободолюбивых берберов. В 757 г. группа хариджитов завладела Триполи и сделала его своей столицей. Власть наместника Аббасидов Омара ибн Хафса была очень шаткой, и потому нет ничего удивительного, что вскоре он погиб в Кайруване. Чтобы подавить волнение, халиф направил против берберов Язида ибн Хатима, у которого под рукой было почти 90 тысяч воинов. В 772 г. Язид подавил восстание, устроив кровавую бойню, и вернул Кайруван Халифату.

Несколько ранее, весной 751 г., восстали арабы Палестины. Едва успели разгромить их, голову подняли дамаскинцы. А летом 751 г. вспыхнуло восстание в Бухаре, жители которой заявили: «Не для того мы сражались против Омейядов, чтобы проливать кровь и чинить притеснения!» Главу восстания, некоего Ширик ибн Шайхом аль-Махри, поддержал арабский гарнизон и многие жители города. Это восстание стало детонатором волнений по всей Мавераннахре. Халиф срочно отправил армию под командованием Зийада ибн Салиха в количестве 10 тысяч человек, вскоре к арабскому полководцу пришел на помощь со своим воинством бухар-худат Кутайба. Вместе они осадили Бухару, которая держалась 37 дней, а затем пала. Вслед за ней был поставлен на колени и Самарканд.

Любопытно, что на помощь восставшим пришел китайский полководец Гао Сянджи во главе 35 тысяч воинов. Эта армия, к которой присоединилось множество тюрок-карлуков, прошла через Семиречье и осадила Тараз, где в конце 751 г. вступила в сражение с армией Зийада ибн Салиха. Четыре дня продолжалась битва, наконец, все решила измена тюрок-карлуков, ударившим в тыл китайцам. Победителям досталась громадная добыча, а перстень китайского полководца с алмазом невероятных размеров стал семейной реликвией Аббасидов. Как полагают, это сражение на многие столетия определило границу между Китаем и мусульманской цивилизацией¹⁹¹.

Однако еще хуже дела обстояли в Тунисе и Алжире, так называемой Ифрикии, наместник которой впервые в истории заключил соглашение с халифом, как равный с равным. В соответствии с данным документом эмир Ифрикии получил финансовую автономию, право наследования своего трона и гарантии несменяемости. Он основал собственную династию Аглабидов и всячески демонстрировал равенство своего положения с халифом. Фактически Ифрикия оказалась вне границ Халифата, хотя именно благодаря Аглабидам хариджитская ересь была локализована и не получила дальнейшего распространения.

Однако и в центральной части Алжира возникло сразу несколько самостоятельных берберских княжеств, исповедующих неортодоксальный Ислам. Главное из них в 761 г. основал в Тахарте (Тиарете) Абдаррахман ибн Рустам, этнический перс, изгнанный из Кайрувана. Местные хариджиты нарекли его имамом и признали власть Абдаррахмана наследственной. Поощряя торговлю, опираясь на тороватых персов, Рустамиды быстро распространили влияние «республики купцов» на Испанию и Ирак. Привлеченные ростом благосостояния местного населения, в Тахарт толпами потянулись эмигранты. Халиф не имел никакой власти над этим государством, и его имя даже не произносилось во время пятничных молитв в мечетях Тахарта.

Еще далее на Запад проживали дикие горцы, рано принявшие Ислам, но также придавшие ему еретические черты. Еще в 740 г. здесь вспыхнуло восстание, вследствие которого мятежные племена захватили Танджер. И хотя возникающие здесь государства являлись скоротечными – племена группировались и распадались с калейдоскопической быстротой, одно из них окрепло и превратилось в цветущую республику со столицей в городе Фес¹⁹².

Вообще, к слову сказать, начинающаяся эпоха кардинально меняла политическую картину мира. Отныне уже не христиане противостояли мусульманам; вследствие иконоборче-

ского раскола франки Карла Мартелла начали налаживать осторожные дипломатические связи с Аббасидами против Константинополя и Испанских Омейядов. А императоры Исаурийской династии смогли заполучить верного союзника в лице хазар, доставлявших арабам неимоверные трудности в обороне восточных владений¹⁹³.

Наконец, кое-как преодолев внутренние междоусобицы и стабилизировав дела, сарацины усилили натиск на западные границы своего Халифата. Арабы вновь побеспокоили Сирию, но многочисленная римская армия во главе с иконоборцем Михаилом Лаханодроконом и Артаваздом Армянином, совместно с приданными им войсками Тацана Вукелларийского, Каристиротцы Армянина и Григория Опсикийского, всего, как говорят, до 100 тысяч солдат (что, впрочем, маловероятно), окружила город Германикею. Они захватили богатую добычу и наверняка завладели бы самим городом, если бы арабы тайно не вступили в сговор с Лаханодроконом, купив его пассивность.

Предатель отступил от города и занялся грабежом окружающих поселков, дав передышку врагу. Правда, это не надолго спасло арабов – в этом же году произошло большое сражение, в котором сарацины потеряли пять знатных эмиров и почти 2 тысячи воинов. В довершение всего византийцы захватили город Самосату. А возвращаясь, они захватили с собой сирийских несториан, не желавших оставаться под властью мусульман, и по приказу царя переселили их во Фракию¹⁹⁴.

Желая взять реванш, в следующем, 779 г. арабы вновь пересекли границу, дойдя до города Дорилеи. Ими командовал Хасан ибн Кахтаба, под рукой у которого находилось 30 тысяч вооруженных воинов, не считая добровольцев из числа местных жителей. Но Лев IV опять продемонстрировал блестящий талант стратега – здраво оценив ситуацию, он приказал своим войскам не вступать в большие сражения, чтобы сберечь армию, и обратил внимание на уничтожение арабских коммуникаций. В результате арабы простояли у Дорилеи 17 дней, потеряли множество вьючных животных и лошадей из-за отсутствия провианта, а затем с большими потерями вернулись обратно, терзаемые конными римскими отрядами, доставлявшими им большие неприятности. Мусульмане также попытались овладеть городом Аморийей, но безрезультатно.

В 780 г. Арабский халиф аль-Махди Мухаммад ибн Абдулла (775—786) сменил тактику, начав строительство по линии границы множества небольших крепостей, должных служить опорными пунктами арабам в войне с Византией. Обеспечивали существование этих крепостей, протянувшихся от Сирии до Армении, газиты и мурабитуны, которым с другой стороны противостояли византийские акривиты – иррегулярные части из числа местного населения, для которых это был и образ жизни, и источник средств продолжения рода.

Попутно халиф направил своего сына Харуна, будущего наследника престола, к римским границам. 15-летний принц, окруженный опытными военачальниками, без поражений провел поход, хотя и удовольствовался весьма скромными успехами. Ему удалось овладеть всего лишь городом Самалу, жителей которого юный полководец, сдержав слово, не казнил, а переселил в Багдад. Эта победа стоила сарацинам больших потерь, зато Харун получил первое боевое крещение¹⁹⁵.

Сам же халиф, пренебрегая словом, ранее данным христианам, устроил настоящие гонения на них в Дамаске и Иерусалиме. Он приказал своим чиновникам возмущать рабов, проживавших у богатых христиан, против своих господ, и с легким сердцем допустил ограбление бандитами православных храмов. Многие христиане, не желая переходить в Ислам, приняли мученический венец, включая жену архидиакона Эмессы и его сына Исаю. Но Бог не бывает поругаем, и вскоре халиф узнал горькую весть: его сын Осман погиб, а арабское войско, вторгнувшееся в Империю, разбито в сражении, в котором византийцами командовал полководец Лаханодроakon.

Последний год жизни Льва IV был богат и другими событиями. 6 февраля 780 г. умер Константинопольский патриарх Никита, и на его место назначили Павла IV (780—784), киприота, известного своей ученостью. Наверняка этот выбор состоялся под сильным нажимом императрицы, поскольку новый архиерей столицы был известен почтением к иконам. Впрочем, патриарха Павла едва ли можно упрекнуть в идейном ригоризме. Как рассказывают, он умудрялся угодить и императору, и императрице. Своим иконопочитанием он нравился царице и в то же время письменно обязался перед царем не почитать икон¹⁹⁶.

Но эта политическая победа дворцовых иконопочитателей имела и обратную сторону – резко восстали иконоборцы, которых при царе было множество. Некоторые близкие царю люди, являвшиеся противниками иконоборцев, были оклеветаны родственниками Льва IV. «Заговорщиков» высекли, постригли в монахи и сослали в дальние края, где один из них, бывший постельничий Феофан, сделавшись исповедником, принял мученический венец. Но и другие впоследствии прославились своей подвижнической жизнью. Как обычно, расправу с приверженцами святых икон приписали царю и его «дурному нраву», который, однако, на самом деле был поставлен перед фактом необходимости наказывать людей, чья вина считалась доказанной. Едва ли этот прецедент можно квалифицировать как попытку царя восстановить агрессивную церковную политику своего отца, поскольку он изначально исповедовал нейтральную линию поведения, не разрешая иконопочитания, но и не запрещая его окончательно.

Впрочем, спор о духовных предпочтениях императора Льва IV является довольно беспредметным, поскольку уже 8 сентября 780 г. 30-летний царь скоропалительно скончался. История его смерти темна и непонятна. По одной версии, император прельстился драгоценной короной (даже полагают, будто этот императорский венец принадлежал царю Ираклию Великому), находившейся в храме Святой Софии, велел ее изъять и возложил на свою голову. Как следствие этого богопротивного поступка, голову императора покрыли карбункулы, и через несколько дней он умер в горячке. По другой версии, его якобы отравила супруга, св. Ирина, желая властвовать единолично, что представляется крайне маловероятным по причинам, изложенным в следующей главе¹⁹⁷. По третьему предположению, болезнь и смерть были вызваны действием трупного яда, сохранившегося на короне. Правда, не очень понятно, как яд по прошествии 140 лет мог активизироваться¹⁹⁸.

Наконец, существует еще одна, «мистическая», версия. Согласно древней легенде, император святой равноапостольный Константин Великий получил от Ангела императорское платье и корону, которые хранились в храме Святой Софии и в которые василевсы облачались лишь по большим церковным праздникам. Ни при каких обстоятельствах этот негласный запрет не мог быть нарушен под угрозой анафемы. Но именно Лев IV решил его нарушить и, вопреки воле патриарха, облачился в эти наряды. Наказание не заставило себя ждать: на лбу царя вскоре образовался карбункул с ядовитым гноем, и император скончался от сепсиса. С тех пор, как рассказывают, каждый следующий Византийский царь при вступлении на престол давал клятву никогда не нарушать благочестивый обычай¹⁹⁹.

Хотя царствие его было кратким, результаты деятельности Льва IV являются далеко не худшими в истории Византийской империи. Император-солдат, вынужденный тратить первые годы своего царствия для того, чтобы удержать в царской семье добрые отношения, являясь искренним и благочестивым христианином, многое сделал для укрепления Церкви и формирования имперского законодательства на православных началах.

В частности, сохранилась новелла «О воспринимающих своих детей от святого и спасительного Крещения и о других предметах». Отмечая, что многие супруги, желая получить основание расторгнуть брак, делают себя восприемниками собственных детей, чтобы на этом основании развестись, или разводятся по соглашению друг с другом, чтобы заключить новый брак, царь категорично запрещает такие разводы и повторные браки.

«Ибо это преступно и чуждо, – пишет он, – христианскому закону. Апостольское писание поучает: привязался ли еси жене? Не ищи разрешения. Отрешился ли еси жене? Не ищи жене, и еще: жена не должна разводиться с мужем, аще ли же и разлучится, да пребудет безбрачна» (1 Кор. 7: 27). Таким образом, эти браки признавались незаконными, подлежали расторжению²⁰⁰.

Нет сомнения, что этот отпрыск великих императоров Исаурийской династии был способен сделать многое на благо своего отечества. К сожалению, ранняя смерть пресекла эти перспективы и привела Римскую империю к серьезному внешне- и внутривластическому кризису, искать выход из которого пришлось хрупкой, молодой женщине.

IV. Император Константин VI (780—797) и императрица святая Ирина (797—802)

Глава 1. Мать и сын. Борьба в государстве и Церкви

Ввиду незначительного возраста Константина VI единоличным правителем Византийской империи фактически стала его мать, императрица св. Ирина. Молодая женщина, появившаяся на свет в 752 г., была родом из Афин, и ее красота (единственное внешнее достоинство невесты) очаровала в свое время Константина V и Льва IV. Она происходила из бедной семьи и на момент замужества являлась сиротой. Величественный город Эллады в то время уже не был центром философии и культуры, как во времена Перикла, и св. Ирина получила поверхностное образование. Но девушка отличалась благочестием и набожностью, причем ее религиозное чувство было пылким и восторженным.

Будучи почитательницей святых икон, она, однако, опасалась негативной реакции свекра. И потому первое время св. Ирина публично не проявляла своего отношения к иконам и даже дала клятву царю, что никогда не признает икон²⁰¹. Хотя Византия знала широкую практику внезапного воцарения низкородных мужей и девиц, но до сих пор остается тайной, почему Константин V решил выбрать в жены своему сыну эту бедную, если не сказать нищую, девушку с периферии. Возможно, таким способом царь желал исподволь примириться с иконопочитателями, большинство которых проживало в Элладе и Афинах²⁰².

Молодой царице были присущи и другие качества. Святая Ирина являлась умной, честолюбивой, последовательной, решительной и смелой женщиной и ради императорского венца готова была принести в жертву многое. Опасаясь падения своего авторитета, она после смерти мужа не позволила себе никаких внебрачных связей и создала окружение из евнухов, хотя на Востоке к тому времени уже сложилась пословица: «Если у тебя есть евнух – убей его; если нет – купи, а потом убей!» Достаточно красноречивая характеристика ближайших советников царицы.

Хотя св. Ирина сама была венчанной августой, по обыкновению считалось, что официально власть в Римской империи принадлежит ее малолетнему сыну, как мужчине, и имя Константина VI стояло в государственных документах впереди имени матери. Но, конечно, никто не обманывался на этот счет. Святая Ирина принадлежала к тем могучим фигурам, которые способны, презрев время, менять ход исторических событий, не боясь нести ответственность за свои поступки. По несчастью, дворцовые интриги и необходимость постоянно бороться за свою власть и самую жизнь со временем несколько изменили ее характер, сделав его прагматичным и даже жестоким.

Императрица была прирожденным политиком, сродни св. Пульхерии и св. Феодоре. Со временем хладнокровие и прагматизм – первые качества государственного деятеля, приняли у ней гипертрофированные черты. Впоследствии для императрицы не будет ничего важнее интересов Римского государства, даже если они шли вразрез материнским чувствам. Став самодостаточным, этот критерий постепенно вытеснит из императрицы привычные и естественные для женщины мотивы, что в конце концов приведет к трагичной развязке. Но сейчас об этом мало кто задумывался, поскольку жизнь ставила перед всеми более актуальные проблемы.

Нечаяемая смерть императора Льва IV в одночасье многое изменила в Византийском государстве. В первую очередь положение его вдовы и сына, которое стало почти отчаянным. Остальные братья покойного царя от третьего брака Константина V вовсе не собирались отказываться от своих претензий на императорский престол, и 28-летней царице, имевшей на руках

10-летнего мальчика, пришлось довольно тяжело. Хотя в кулуарах витали слухи, будто бы отношения императрицы и ее покойного мужа незадолго до смерти стали натянутыми, нужно было быть совершенным самоубийцей или отчаянным искателем тронов, чтобы избавиться от супруга и решиться остаться один на один с могущественными и многочисленными конкурентами на титул императора. Очевидно, царица св. Ирина, несмотря на присущую ей властность и решительность, никогда не решилась бы на такую авантюру.

Уже через 40 дней после смерти Льва IV, когда св. Ирина вместе с Константином VI по праву заняли императорский трон, состоялась первая попытка со стороны родственников малолетнего царя захватить власть. Многие, самые высокие сановники Римской империи провозгласили царем цезаря Никифора. Но тут императрица наглядно показала, что может сделать внешне слабая женщина, когда речь идет о жизни сына и будущем ее лично. Трудно сказать, что именно сыграло решающую роль в решении вопроса. То ли благодарная армия и сенат сохранили верность внуку столь любимого ими Константина V, то ли всех подкупила решительность царицы – византийцам вообще импонировали «любимцы судьбы». Так или иначе, но заговорщики были арестованы, подвергнуты телесным наказаниям, пострижены в монашество и сосланы в различные места.

Тогда же императрица отнесла обратно в храм Святой Софии злополучный царский венец, таинственно связанный с кончиной ее супруга. А затем вернула мощи св. Евфимии, выброшенные в море по приказу Константина V, но чудесным образом вновь обретенные, в святилище. Затем настал черед испытать гнев императрицы другим царственным родственникам. Святая Ирина приказала постричь их всех в монахи, а затем, для наглядности, заставила служить Литургию перед войском в праздник Рождества Христова.

Данный заговор был далеко не единственным в то смутное время. Размышляя о таящихся опасностях, императрица решила проревизировать главных чиновников и с этой целью пригласила в столицу патриция Елпидия, стратига Сицилии. В феврале 781 г. она переутвердила его в старой должности, а уже в апреле того же года ей сообщили, что, вернувшись на остров, Елпидий недвусмысленно в тайных разговорах высказывался за братьев-цезарей. Императрица тут же направила в Сицилию оруженосца Феофила, чтобы арестовать и доставить Елпидия в Константинополь, но тот категорично отказался выполнить приказ царицы, а сицилийское войско поддержало своего командира. Делать нечего – царица на время отступилась от своего плана, пока что приказав высечь жену Елпидия, проживавшую в Константинополе, и затем постричь ее в монахини. Тем самым она окончательно развеяла какие-либо сомнения в том, что способна на жесткие решения, если речь о безопасности ее семьи и интересах государства. На время ее внутренние враги притихли.

Вскоре императрице представилась возможность продемонстрировать всем качества своего характера не только в вопросах внутреннего управления, но и военных делах. В 781 г. арабы напали на византийские земли, но св. Ирина вовремя получила известия от своих осведомителей и направила им навстречу с войском евнуха Иоанна, своего сакеллария. Как рассказывают, силы обеих армий были весьма велики, и у города Миле 9 февраля враги встретились. Арабы выдержали первый, самый страшный удар византийской конницы, а затем их командующий Язид ибн Маздьяд сошелся в поединке по старинному обычаю с византийским полководцем.

В результате сражения христианское воинство отступило, и сарацины преследовали его через всю Анатолию вплоть до Никомедии. В очередной раз воины Ислама стояли перед стенами Константинополя, но взять его так и не смогли. Принц Харун, следовавший с армией, согласился на переговоры со св. Ириной и удовольствовался ежегодной данью и освобождением пленных арабов, после чего подписал мирный договор. Он вернулся в Багдад как победитель, но и императрица считала себя выигравшей в этой схватке – она победила оппозицию в царском дворце²⁰³.

Без всякого сомнения, для Константина VI и св. Ирины это был переломный момент: не дай Бог, римляне лишились бы войска на поле боя – никакая сила не спасла бы ее. Но теперь все стало на свои места: общество ободрилось, и почитатели икон, прекрасно зная о расположенности к ним святой царицы, стали ждать благоприятных известий.

Появились первые признаки толерантного отношения императрицы к тем, против кого еще вчера была направлена вся мощь государственной машины. Монастырские обители, недавно почти разгромленные, вновь наполнились братией. Стали распространяться сведения о чудесных известиях, должны подтвердить, что время правления императрицы св. Ирины и Константина VI предзнаменовано Богом, как благословенное²⁰⁴. Но осторожная царица благоразумно не стремилась форсировать события, тем более что иконопочитателям в данный момент уже ничто не угрожало, зато внешние враги по-прежнему беспокоили Римскую империю.

Измена постоянно кружила вокруг царских палат. В 782 г. арабы опять предприняли нападение на византийские земли, причем действовали большими силами и в разных направлениях. Полководец Лаханодрокон потерпел поражение, причем из 30 тысяч войска римляне потеряли почти 5 тысяч солдат. Царица направила на театр боевых действий придворного сановника Антония с сильными легионами, но военачальник вукеллариев, некто Татцатий, перебежал к арабам из ревности к положению нового царского фаворита Ставракия, евнуха и патриция.

Помимо Татцатия, перешел на сторону врага и упоминавшийся выше Елпидий. В этом же году императрица направила сильное войско с флотом под руководством деятельного патриция Феодора, евнуха, против мятежных сицилийских солдат. Елпидий упорно сопротивлялся, хотя потерпел несколько поражений от имперских войск, а затем вместе с комитом Никифором переплыл в Африку и принял власть Арабского халифа. Сам по себе Елпидий был безынтересен мусульманам, но они попытались использовать изменника для организации внутренних беспорядков у византийцев. Неясно, на каком основании, но арабы признали того Римским императором и вручили знаки царской власти – пурпурные сапоги и скипетр. Однако в целом мусульмане не сумели эффективно использовать эти благоприятные обстоятельства и советы перебежчиков и в итоге заключили с Империей мирный договор, хотя и бесславный для византийцев.

783 г. принес византийцам победы: пользуясь спокойствием на Сирийской границе, царица направила Ставракия с войском на славян. Византийская армия прошла через Фессалоники в Элладу, проникла в Пелопоннес и возвратилась домой с громадной добычей и множеством пленных врагов. За этот успех св. Ирина пожаловала Ставракия триумфом на ипподроме.

В мае 784 г. св. Ирина с 14-летним императором Константином VI и армией направились во Фракию, где заложила новый город Иринополис. Пока цари находились в походе, 31 августа того же года Константинопольский патриарх св. Павел снял с себя титул архиепископа столицы и, не спрашивая императоров, принял схимничество в обители Флора. Когда св. Ирина прибыла к нему и спросила: «Почему ты это сделал?» – монах скорбно ответил, что, став патриархом по приказу царя, он, как первоиерарх столичной кафедры, оказался отгороженным от всей Кафолической Церкви. Теперь же наступил предел и его терпению, и он отправляется в монастырь замаливать грехи.

Более того, св. Павел напрямую заявил: «Если не будет Вселенского Собора и не исправится погрешность среди нас, то вам не иметь спасения». Вскоре после этого схимник умер, но его слова глубоко запали в души современников. Нужно представить себе, как мыслили византийцы, чтобы понять, насколько близко они восприняли слова о грядущем ответе за ересь. После этого, вольно или невольно, вновь повсеместно разгорелись дискуссии об иконах²⁰⁵.

Едва ли со стороны св. Ирины было разумным не использовать выпавший шанс и не сделать попытку восстановить иконопочитание. Посоветовавшись со святым Тарасием, своим личным секретарем, царица оценила шансы созвать Вселенский Собор – без него никакая реставрация иконопочитания была принципиально невозможна. Это в Риме могли думать, что для упразднения иконоборчества вполне достаточно констатации факта неправославности Собора 754 г. Но в Константинополе были твердо убеждены в том, что отменить Собор, созванный императором, можно только таким же Вселенским собранием, организованным царской волей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.